

**ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ,
ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ**

№ 2 (58) 2016

Донецк

УДК: [94+32+327]:001.891

ББК: Т1я52+Т3(4УКР55)я52+Т3(0)я52+С562.21я52

Сетевой журнал Донецкого национального университета Исторический факультет

Главный редактор – Никольский В.Н., д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Ответственный секретарь – Бобровский А. С. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Агапов В.Л. – д-р ист. наук (Донецкий институт железнодорожного транспорта)
Баранов А.В. – д-р ист. наук, д-р полит. наук (Кубанский государственный университет, Российская Федерация)
Беловолов Ю.Г. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Бредихин А.В. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Ерхов Г.П. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)
Кияшко А.В. – д-р ист. наук (Южный федеральный университет, Российская Федерация, Ростов-на-Дону)
Кринко Е.Ф. – д-р ист. наук (Институт социально-экономических и гуманитарных исследований, Южный научный центр РАН, Российская Федерация, Ростов-на-Дону)
Леонова Н.Б. – д-р ист. наук (Московский государственный университет им М.В.Ломоносова, Российская Федерация, Москва)
Липинский В.В. – д-р ист. наук (Донецкий национальный технический университет)
Мармазова Т.И. – д-р полит. наук (Донецкий национальный университет)
Саржан А.А. – д-р ист. наук (Донецкий национальный технический университет)
Шендрикова С.П. – д-р ист. наук (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Российская Федерация, Симферополь)
Шепко Л.Г. – д-р ист. наук (Донецкий национальный университет)

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

Красноносков Ю.Н. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Кухтин М.М. – к-т полит. наук (Донецкий национальный университет)
Кузнецова Е.В. – к-т полит. наук (Донецкий национальный университет)
Морозов Р.Н. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Пенькова О.Б. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Удалова Т.М. – к-т ист. наук (Донецкий национальный университет)
Черкашин К.В. – к-т полит. наук (Донецкий национальный университет)

Рецензенты: д.и.н. Беловолов Ю. Г., д.и.н. Ерхов Г. П., к.и.н. Красноносков Ю. Н.,
к.и.н. Разумный В. В, д.и.н. Шепко Л. Г.

Рекомендовано к изданию Ученым советом ДонНУ. – Протокол № 11, от 26 декабря 2016 г.
Журнал зарегистрирован Комитетом по лицензированию и мониторингу СМИ Министерства информации ДНР 22 марта 2015 г., регистрационный №195.

Журнал включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ),
научометрические базы данных Index Copernicus, Infobase Index.

Адрес редакции: Исторический факультет, Донецкий национальный университет, ул. Университетская, 24,
Донецк, 83001. Тел. (062)302-92-72 e-mail: nvn2015@rambler.ru Сайт: <http://donnu.ru/mhpmpo>

© Донецкий национальный университет

СОДЕРЖАНИЕ

Историография. Источниковедение

Бобровский А. С. Интеллигенция Донбасса в 20-е – 30-е гг. XX ст.: историография проблемы..... 7

Чеботарева А. В. Историографический обзор советской кадровой политики (1920-1930-е гг.)..... 22

Скворцова Л. А. Сальвадор в условиях перехода от диктатуры к демократии: историографический обзор последней четверти XX века 31

Отечественная и региональная история

Носков В. Ю. Формирование образа военного детства в советской пропаганде на начальном этапе Великой Отечественной войны (июнь–декабрь 1941 г.)..... 45

Всемирная история

Селиванова Л. Л. Монумент Даоха..... 53

Слабунов К. Л. Восстание инсургентов Ихэтуаней (1898-1901 гг.) и религиозно-культурные традиции Китая..... 61

Беловолов Ю. Г. Гражданская война в Испании 1936-1939 гг..... 72

Милокост Л. С. Сингапур: демографическая политика правительства Ли Куан Ю 77

Скопылатова В. И. Борьба кабинета Маргарет Тэтчер с Ирландской Республиканской Армией (1981 г.) 82

Международные отношения

Кухтин М. М. Геополитика третьей Пунической войны (149-146 гг. до н. э.)..... 88

Бредихин А. В. Приграничные агломерации в процессах наднациональной интеграции ЕАЭС и Китая 93

Политология

Заяц А. А. Теоретико-методологический аспект изучения феномена непризнанных государств..... 103

Стринова И. В., Пекарук А. В. Особенности политического мифотворчества в современной Украине 108

Наши публикации

Никольский В. Н. Заметки об участии иностранных специалистов и рабочих в восстановлении и развитии промышленности Донбасса (кон.1920-х – нач. 1930-х гг.) (по документам Государственного архива ДНР)..... 115

Письма в редакцию

Вигье Д. Международное уголовное право – правовой рычаг хаоса (пер. с франц. В. Б. Прозоровой) 128

CONTENT

Historiography. Source studies

- Bobrovskiy A.S.** Intelligentsia of Donbass in 20s – 30s of xx century: the historiography of the problem 7
- Chebotareva A. V.** A historiographical survey of the Soviet cadre policy (the 1920s-the 1930s) 23
- Skvorcova L. A.** Salvador under the conditions of the transition from dictatorship to democracy: a historiographical survey of the events of the last quarter of the XX century 32

The domestic and regional history

- Noskov V. Y.** The formation of the image of war childhood in the Soviet propaganda in the first period of the Great Patriotic War (June-December 1941)..... 46

The World History

- Selivanova L. L.** The Daochos Monument. The story of a betrayal 54
- Slabunov K. L.** The uprising of the Yihetuan insurgents (1898-1901) and China's religious and cultural traditions 62
- Belovolov Y.G.** Civil War in Spain 1938-1939 73
- Milokost L. S.** Singapore: the demographical policy of Lee Kuan Yew's government 79
- Skopylatova V. I.** The struggle of Margaret Thatcher's cabinet against the Irish Republican Army (1981) 84

International relationships

- Kukhtin M. M.** The geopolitics of the Third Punic War (149-146)..... 90
- Bredihin A. V.** Near-border agglomerations in the processes of supranational integration of the EEU and China 95

Political science

- Zayac A. A.** The theoretical and methodological aspect of the study of the phenomenon of unrecognized states 105
- Strionova I. V., Pekarchuk A. V.** Peculiarities of the political myth-making in contemporary Ukraine 110

Our publications

Nikolskyj V.N. Notes on the participation of foreign specialists and workers in the restoration and development of the industry of Donbass (the late 1920s-the early 1930s) 117

Letters to the Editor

Viguiet D. International criminal law – a legal lever of chaos (translated from French by V. B. Prozorova)..... 130

Историография. Источниковедение

УДК 930(47) «1920/1939»

А. С. Бобровский

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: art_bob_box@mail.ru

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ДОНБАССА В 20-е – 30-е гг. XX ст.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация:

Исследована историография по теме «интеллигенция Донбасса в 20-е – 30-е гг. XX ст.». Выделены этапы изучения проблемы и дана их характеристика. Подведены итоги научных исследований по истории интеллигенции Донбасса в указанный период. Определены перспективные направления для дальнейшей работы

Ключевые слова: *Донбасс, интеллигенция, элита, историография.*

Summary

Researched historiography on the subject «of the Donbas intelligentsia in the 20s – 30s of the XX century». The stages of studying the problem and the response given to them. Summarized scientific research on the history of the intelligentsia of Donbass in the period. Identified promising areas for further work

Keywords: *Donbass, intelligentsia elite, historiography.*

В современный период социально-политических трансформаций изучение переломных эпох нашей истории является очень актуальным. На данном этапе перед обществом остро встала проблема духовного развития. Главную роль в её решении должна сыграть интеллигенция. Опыт советского периода может быть полезным для успешного формирования интеллектуальной элиты и налаживания конструктивных взаимоотношений между отдельными группами в социальной структуре общества. Поэтому, представляется необходимым, для ответа на вызовы современности, проанализировать способы решения этих задач властью на протяжении 20-х – 30-х годов XX века.

Данная проблема требует комплексного исследования, составной частью которого является анализ обширного историографического наследия. Это позволит лучше осознать историческую значимость интеллигенции, определить основные этапы изучения интеллектуальной элиты, обозначить перспективные направления для дальнейшей работы.

Хронологически, анализ касается работ, которые были написаны в течение XX – начала XXI века и посвящены истории интеллигенции на территории Донбасса в период 1920-х – 1930-х гг.

Исследования данной проблемы прошли несколько этапов в своём развитии.

Первые обобщающие работы можно отнести ко второй половине 1950-х – началу 1960-х гг. Прежде всего, это историографические обзоры в диссертациях, посвященных формированию интеллигенции в 1920-х – 1930-х гг. [1]. Авторы этих трудов, ограничились лишь обзорной характеристикой довоенных публикаций.

В период 1960-х – 1980-х гг. появляется ряд специальных исследований [2]. Рассматривались такие аспекты историографии интеллигенции, как привлечение на сторону советской власти старого дореволюционного поколения специалистов, подготовка втузами новых кадров, выдвижение и практикантство как способы формирования интеллигенции.

Следует отметить то, что в тот период историки использовали определенную методологию, опирались на официальную концепцию истории. Обязательным пунктом каждой работы была критика трудов западноевропейских ученых (т.н. «буржуазных фальсификаторов истории»). Можно выделить отдельную группу исследований посвященных данной проблеме [3]. Историографический анализ был крайне тенденциозным и должен был доказать необоснованность концепций зарубежных ученых. Тем не менее, авторы создали первую классификацию работ и наметили этапы изучения указанной темы.

Своеобразным итогом трудов советских историографов в этой сфере стали опубликованные в конце 1980-х годов комплексные исследования, которые, в определенной степени, актуальны и в современный период [4].

В целом, для указанных выше историографических работ характерна определенная ограниченность и необъективность. С одной стороны, большинство публикаций сводилась к перечислению положительных сторон в трудах советских историков, а с другой стороны, в них подвергались сокрушительной критике все, кто отступил от официальной концепции в определении роли и места интеллигенции в истории. Также, проблемное поле было строго ограничено узкими рамками официальной научной доктрины.

В 1990-х гг. изучение интеллектуальной элиты формируется в отдельное научное направление – интеллигентоведение. Важное место среди рассматриваемых проблем занимает историография интеллигенции советского периода. Научные центры под руководством ведущих ученых публикуют свои обобщающие работы по теме [5]. Они детализируют периодизацию, выделяют круг малоизученных вопросов. Например, практически не исследованной в советский период была тема юридической и духовной интеллигенции, репрессии против элиты.

Анализ литературы по истории Донбасса в указанный период содержится в диссертациях, посвященных инженерно-технической и гуманитарной интеллигенции [6]. Работы, по другим группам интеллектуальной элиты региона, практически не рассматривались.

Таким образом, историки освещали в своих трудах различные аспекты указанной темы, однако они были ограничены определенным периодом и узкой проблематикой. Следует отметить, что абсолютное большинство работ посвящены изучению СССР и УССР, в то время как обзоры региональных исследований отсутствуют. Это делает актуальным обобщающий анализ историографии по истории интеллигенции Донбасса в период 20-х – 30-х годов XX века.

Основной источниковой базой в процессе анализа стали публикации по теме: монографии, статьи, авторефераты диссертаций.

Объектом исследования являются труды историков. Сложность состояла в том, что интеллектуальная элита была важной составляющей каждого этапа, поэтому для анализа были взяты работы, где она являлась основной проблемой изучения.

Предметом исследования является процесс поэтапного накопления знаний в историографии, а также ее проблемно-тематические приоритеты.

Основная цель - критический анализ и переосмысление наследия историков по данной теме, выяснение степени ее изучения, определение этапов развития историографии в указанный период.

Для реализации цели были поставлены следующие задачи:

- проанализировать комплекс литературы;
- выяснить насколько полно проблема разработана в историографии;
- выделить основные этапы изучения;
- подвести итоги научных исследований по истории интеллигенции Донбасса в 20-х – 30-х гг. XX ст.;
- определить направления для дальнейшей работы.

Проблемно-хронологический метод позволил выделить несколько стадий изучения интеллигенции Донбасса:

1. Советский период:

а) 1920 – середина 1950-х гг.;

б) вторая половина 1950-х – конец 1980-х гг.

2. Современный период.

Каждый из этих этапов имеет свою специфику относительно методологии, тематики исследования, интерпретации фактов.

Отдельным направлением исследований является разработка теоретических вопросов. Ключевым для этой группы работ становится дефиниция «интеллигенция». Взгляд на определение понятия в науке никогда не был однозначным, а характеристика его исчерпывающей. Это важное направление уже было ранее проанализировано [7], кроме того основные цели нашего исследования лежат в ином проблемном поле.

В советский период отечественная историческая наука развивалась в рамках схем, по которым интеллигенция не признавалась самостоятельной общественной силой, а считалась второстепенной, подчиненной прослойкой, постоянно подчеркивалось, что, «не примыкая к классу, она есть нуль» [8]. Она не могла выступать субъектом, оставаясь лишь объектом истории. В соответствии с этим основное внимание было сосредоточено на изучении истории развития рабочего класса и роли партии в этом процессе. Неравномерно изучались и профессиональные группы интеллектуальной элиты. Изучение технической интеллигенции особенно в Донбассе всегда играло ключевую роль. Ученые в качестве общей схемы использовали теорию о трёх путях формирования советской интеллигенции:

- привлечение к работе «буржуазных специалистов»;
- перевоспитание «старой» интеллигенции;
- выдвижение передовых рабочих и крестьян на руководящую работу;
- подготовка новых кадров через систему высших и средних специальных учебных заведений.

В начале 1920-х годов в СССР появились первые публикации, посвященные указанной теме [9]. Авторами большинства из них были государственные и партийные деятели, которые высказывали позицию власти относительно людей умственного труда. Региональный аспект представлен слабо и нашел свое отражение в работах агитационного и социологического характера. Данные труды не имеют научного значения, хотя в определенной мере, могут быть использованы в качестве источника. Например, в конце 1920-х годов появились статистические работы по отдельным группам интеллигенции Донбасса [10]. Работы написаны на местном материале и помогают выяснить ряд аспектов жизнедеятельности интеллектуальной элиты Донбасса: доходы, жилищные условия, социальное происхождение, образование, производственный стаж.

В конце 1920-х годов в соответствии с политической конъюнктурой в работах, появилась новая тема – «вредительство». Единственная цель подобных по своему содержанию многочисленных публикаций – разоблачить и осудить вредителей из среды так называемых «старых буржуазных специалистов». Так доказывалась правильность тезиса об обострении классовой борьбы, выдвинутого Й. В. Сталиным на пленуме ЦК ВКП(б) в июле 1928 года [11]. При этом группа шахтинских «вредителей» и другие показывались как мощные антисоветские контрреволюционные организации, которые имели разветвленную сеть своих ячеек во всех уголках страны и действовали много лет [12]. При рассмотрении отдельных фактов оказывалось, что нерациональное использование средств, аварии и несчастные случаи были результатом не саботажа и диверсий, а следствием государственной политики, беспомощности.

В первой половине 1920-х гг. для работ ученых характерным явлением было отсутствие четкой идеологической заданности. Однако, уже в начале

1930-х годов, из трудов по истории интеллигенции исчезает альтернативный научно-исторический и социологический смысл. В этот период доминирует, узкоклассовый и политизированный подход. В предвоенные годы был опубликован ряд обобщающих трудов по истории интеллигенции. Ряд вопросов относительно положения работников умственного труда Донбасса были освещены обзорно или просто замалчивались. Авторы указывали что «спецеество» имело искусственный характер и насаждалось троцкистами и бухаринцами, которые и поддерживали вредительскую деятельность интеллигенции [13].

Формированию советской интеллигенции посвящена коллективная монография «Донецкий индустриальный институт за 20 лет. 1921 – 1941 гг.». В книге собран фактический материал по истории крупнейшего вуза региона [14]. В работе содержатся уникальные данные о динамике численности студентов института, их социального происхождения особенностей быта.

В целом для периода начала 1920 – первой половины 1950-х годов характерным являются попытки теоретически переосмыслить роль интеллигенции в обществе; найти практические пути формирования советской интеллигенции; изучить проблемы взаимоотношений между старыми специалистами и советской властью. В литературе последний вопрос рассматривался упрощенно, не подвергались сомнению факты саботажа и вредительства со стороны «буржуазных спецов». Традиционно преувеличивалась роль Коммунистической партии в проведении преобразований в материальной и духовной сферах. В соответствии с политическими установками, сформировалась официальная концепция интеллигенции советского общества. Идеологическое давление со стороны властей негативно сказалось на профессиональном уровне указанных выше работ. Следует отметить, что авторами большинства исследований были не профессиональные историки. При этом единицы из них обращались в своих работах к истории Донбасса.

В середине 1950-х гг. интеллигенция становится самостоятельной темой для исследований, соответственно следует выделить новый этап историографии проблемы. В этот период появляются первые диссертации, посвященные формированию новой генерации работников умственного труда [15]. Главное внимание в них было сосредоточено на разнообразных формах подготовки нового поколения интеллектуалов через систему образования. Однако непосредственно специалистам Донбасса в данных работах уделено недостаточно внимания. Кроме того, созданные в русле официальной доктрины на узкой источниковой базе, эти исследования имели целью доказать руководящую роль партии в формировании и «воспитании» советской интеллигенции.

Во второй половине 1950-х годов происходят определенные политические изменения, которые приводят к расширению проблемного поля исторических исследований. В свою очередь это способствует дальнейшему изучению

интеллектуальной элиты. Начинают появляться первые обобщающие исследования по истории формирования советской интеллигенции [16]. В рамках официальной доктрины были сформированы ряд направлений изучения элиты. Разработка данных аспектов проходила на протяжении всего советского периода. Важное место в этой группе занимает работа С. А. Федюкина. Он на значительном фактическом материале доказал неправоту утверждений, о враждебном отношении к советской власти верхушки дореволюционной интеллигенции, нейтралитет или сотрудничество с ней ее средних и низших групп. Он убедительно показал, что разделение происходило не между группами интеллигенции, а внутри этих групп [17].

Процесс привлечения так называемых буржуазных специалистов к сотрудничеству с властью нашел отражение в целом ряде публикаций. Так, В.П. Литвинова и В.Н. Шейко помимо традиционного анализа мер по созданию благоприятных материально-бытовых условий для специалистов сосредоточились на установлении партнерских отношений между инженерами и рабочими, поощрении их деятельности в области просвещения [18].

В работах В.С. Волкова, Н.А. Коновалова [19], Н.М. Полищука, Т.И. Ткаченко [20] анализируется формирование советской интеллигенции. В предыдущий период в историографии схематично рассматривался процесс привлечения дореволюционных специалистов и преодоления их аполитичности. В данных работах детально анализируются различные формы идеологического воздействия и соответствующего «перевоспитания»: кружки, культурно-массовые мероприятия, социалистические соревнования. Авторы не рассматривали различные формы насильственной «советизации» интеллигенции при этом отмечалось, что уже в начале 1930-х годов абсолютное большинство «старых» интеллигентов перешла на позиции советской власти, а в конце 1930-х годов окончательно растворилась в новой, рабоче-крестьянской интеллигенции.

Широкое освещение в историографии получила проблема подготовки специалистов через сеть высших и средних учебных заведений. Стремительное увеличение численности этих учреждений в годы индустриализации объяснялось динамичным развитием экономики СССР, потребности которой не могли удовлетворить имеющиеся ресурсы старых специалистов. Наиболее важной причиной была задача создания рабоче-крестьянской интеллигенции, преданной советской власти. В трудах по истории высшей школы УССР немало места посвящено заботе государства по улучшению материального положения вузов, улучшение быта студентов, изменении их социального состава («пролетаризации») [21].

Не меньше внимания советские историки уделяли проблеме выдвиженчества. Эта социальная группа рассматривалась как один из главных источников формирования социалистической интеллигенции [22]. Данной проблемой занимался достаточно широкий круг исследователей. [23]. Кроме выдвиженчества и практикантства, как способов формирования интеллигенции

всех уровней выделяется также и так называемое «продвижение». Ведущая роль в продвижении принадлежала ВКП(б), а не профсоюзам. По мнению авторов практика массового выдвижения, была обусловлена не столько дефицитом соответствующих кадров, сколько попыткой партии «пролетаризировать» интеллигенцию за счет социально близких слоев общества. С привлечением региональных источников эту проблему активно разрабатывали С.М. Чагир, А.Д. Рудой, Л.И. Валуйская [24]. Выдвиженчество рассматривалось в тесной связи с разнообразными формами получения профессионального образования и повышение профессионального уровня без отрыва от производства.

Своеобразным итогом исследований советской исторической науки по проблемам истории интеллигенции стала монография Л.И. Ткачевой [25]. Автор уделила значительное внимание работникам умственного труда, и сделала вывод, что в течение 20 лет в стране появилась новая интеллигенция, сформированная партией по классовому принципу. В ходе этого процесса появились такие специфические формы подготовки молодых специалистов, как рабфаки, втузы, выдвиженчества и практиканство. Вместе с увеличением численности интеллектуальной элиты, произошли изменения и в её социальном, профессиональном, национальном, гендерном составе. Также, изменилась и её психология, что позволило автору говорить о появлении именно социалистической интеллигенции.

Во второй половине 1980-х годов политические изменения тесно связаны с появлением новых исследований по указанной теме [26]. В рамках политики гласности с привлечением новых источников историки анализируют последствия репрессий для интеллигенции и другие проблемы.

Во второй половине 1950-х – 1980-х гг. в историографии произошло немало положительных сдвигов. Была существенно расширена источниковая база и проблемное поле исследований. Сами работы в меньшей степени политизированы по сравнению с предыдущим периодом. Результаты такой активной разработки проблем истории интеллигенции неоднократно становились предметом оживленных дискуссий на всесоюзных и республиканских научных конференциях [27].

Следует отметить, что в советский период в историографии сложился определенный канон, в рамках которого изучалась история интеллигенции. Обязательным требованием было всестороннее освещение ведущей роли партии в формировании интеллектуальной элиты. Критические замечания при анализе этих процессов не допускались. Односторонне рассматривались спецедеческие процессы конца 1920 – начала 1930-х годов. Также во всех работах не изучались причины, масштабы и последствия массовых репрессий интеллигенции во второй половине 1930-х гг. Ученые советского периода сыграли немаловажную роль в деле накопления, систематизации и интерпретации исторического материала, заложили базу для дальнейшей разработки данной проблемы.

Вместе с тем следует отметить, что подавляющее большинство исследований непосредственно не касалось интеллигенции Донбасса, хотя именно этот регион занимал в СССР одно из первых мест по численности данной социальной группы. Авторы обращались к этой проблеме, с целью бегло проиллюстрировать на конкретном историческом материале те или иные тезисы, выдвинутые в публикации. Это не способствовало созданию единой целостной картины истории интеллектуальной элиты региона.

Переоценка советской концепции истории интеллигенции, места и роли этого социального слоя в обществе началась с начала 1990-х годов. Значительная часть работ этого периода имели описательный, фактологический, а иногда публицистический характер. Прежде всего это касается исследований, посвященных Шахтинскому процессу и делу «Промпартии» [28]. С начала 1990-х годов в разработку данного вопроса активно включился известный историк В.Н. Никольский. Результатом его комплексных исследований стала фундаментальная работа, посвященная репрессиям в период конца 1920-х – 1950-х гг. [29]. Используя разнообразные источники, в основном впервые введенные в научный оборот материалы, он выявил масштабы чисток среди интеллигенции региона на протяжении значительного периода. Определенный вклад в изучение указанной проблемы вносят исследования, опубликованные в 2000-е гг. [30]. Тщательный анализ следственных дел репрессированных, проведенный упомянутыми выше исследователями, позволяет не только заполнить пробелы в истории интеллигенции Донбасса, но и взглянуть на эту проблему с иных позиций, в частности, выяснить особенности повседневной жизни, формы сопротивления тоталитарному режиму.

Однако не только репрессии являются главным объектом изучения современных историков. Происходит кардинальное переосмысление большинства выводов и обобщений, сделанных за предыдущие годы. На основе принципов объективности и историзма были пересмотрены ряд важных тем по истории интеллигенции. В частности, впервые была представлена объективная оценка стахановского движения и участия в нем специалистов [31].

Объем и разнообразная тематика новейших работ, значительную часть которых составляют диссертации, дает возможность говорить о появлении интеллигентоведения как нового направления гуманитаристики. Определенная часть историографического наследия современного этапа по истории интеллигенции была проанализирована ранее [32], поэтому необходимо детально рассмотреть работы, где изучается интеллектуальная элита на территории Донбасса.

Следует отметить, что в этот период, появилось лишь несколько диссертаций, которые посвящены интеллигенции Донбасса [33]. В совершенстве изучив материалы архивов, С.П. Гнитько с новых позиций рассматривает источники формирования инженерно-технической интеллигенции в 1920-е гг. На основе конкретных фактов приводится целенаправленный характер государственной

политики в отношении «размывания» дореволюционной группы интеллигенции и ее растворения в новой, рабоче-крестьянской. В диссертации значительное внимание уделено таким мало изученным вопросам, как динамика и формы участия инженеров региона в социалистическом соревновании, движении рационализаторов, пропаганде технических знаний и повышении квалификации рабочих. В качестве отдельной проблемы автор изучает материально-бытовое положение интеллигенции в эпоху нэпа. Тщательный анализ данных статистики позволил с уверенностью утверждать, что уровень и качество жизни специалистов в конце 1920-х годов по сравнению с более ранним периодом значительно ухудшились.

Исследовательница делает вывод, что политика советской власти базировалась на двух принципах: 1) предоставления им второстепенного места в системе социально-политических отношений и статусов; 2) использование специалистов как элемента производства в хозяйственном строительстве. Насилие было ведущей формой воздействия на техническую интеллигенцию, благодаря ему в основном была достигнута советизация этой социально-профессиональной группы. В итоге это привело к ухудшению профессиональных качеств специалистов, искажило их психологические черты.

Диссертация Т. Ю. Анпиловой посвящена проблеме формирования в 20-е гг. советской гуманитарной интеллигенции в Донбассе и ее использования в политике советской власти. Автор обоснованно утверждает то, что в течение 20-х гг. в Донбассе была искусственно создана новая генерация гуманитарной интеллигенции. По количеству она существенно превосходила дореволюционный период, но качество подготовки было намного хуже. Для активизации процесса создания элиты была реорганизована сеть образовательных учреждений. Были внедрены новшества, направленные на идеологическое воспитание нового поколения специалистов, в ущерб их профессиональной квалификации. Новая интеллигенция приобрела совершенно иной облик и статус в обществе, превратившись из элитарного слоя в социально пренебрегаемую классовую прослойку.

А. В. Струченков в своей работе изучает инженерно-техническую интеллигенцию региона в период индустриализации. Автор обосновывает тезис о том, что количественный и качественный состав технической элиты Донбасса на начальном этапе индустриализации не соответствовал сложившейся в стране социально-экономической и политической ситуации. Значительное место в этой работе отводится изучению таких аспектов повседневной жизни ИТР, как материальное положение, условия труда и быта, степень удовлетворения духовных потребностей. Также рассматриваются последствия репрессий для технической интеллигенции Донбасса.

В целом, данные работы посвящены отдельному периоду в истории региона (НЭП или 1930-е гг.), а также изучают лишь несколько профессиональных групп интеллигенции Донбасса – инженерно-техническую и гуманитарную.

Характеристика историографии указанной научной проблемы была бы неполной без анализа исследований зарубежных исследователей. В работах историков диаспоры вопросы о жизни и деятельности интеллигенции Донбасса в межвоенную эпоху практически не освещались.

Работы английских и американских «советологов» характеризуются более широким предметным полем исследования, а также высоким уровнем обобщений. Одна из ведущих тем их исследований – отношения между властью и интеллигенцией в условиях становления тоталитарной политической системы. Впрочем, западные историки специально не останавливались на выяснении специфики государственно-партийного курса в отношении интеллигенции региона, рассматривая этот вопрос лишь вскользь в общем контексте политики в отношении интеллигенции [34].

Анализ причин, хода и последствий политических репрессий против интеллигенции Донбасса представлен также в работе Г. Куромии. Ученый приходит к выводу, что в сравнении с другими регионами Донбасс больше всего пострадал от политических репрессий 1920 – 1930-х годов [35].

Весь комплекс научных исследований, можно условно разделить на две большие группы: работы отечественных историков и труды зарубежных исследователей. В рамках первой группы можно выделить исследования, опубликованные в советский период, и работы, которые появились после 1991 года. Во многих отношениях труды советских и современных историков различаются между собой по характеру источниковой базы, методам и методологическими принципами исследования истории, а также по интерпретации результатов исследования.

Относительно зарубежной историографии, следует сказать то, что западными и российскими исследователями сделали определенный вклад в изучения истории интеллигенции Донбасса, однако, в целом, этот вопрос освещен очень поверхностно.

Определяя степень разработанности темы можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день отсутствует комплексное исследование по указанной теме. Наиболее изученной группой является техническая интеллигенция региона. Соответственно наиболее детально рассмотрены источники её формирования, отношения с властью, судебные процессы, повседневность. Значительно меньшее внимание уделено гуманитарной интеллигенции в 1930-е гг. Другие группы интеллектуальной элиты рассмотрены в недостаточной степени.

Таким образом, большинство работ анализируют интеллигенцию УССР и СССР в целом без учета региональных особенностей ее формирования и развития на протяжении 1920 – 1930-х годов. Проведенный анализ историографии делает актуальным комплексное исследование региональной интеллектуальной элиты на протяжении значительного периода с учетом указанных недостатков и проблем, которые остались вне поля зрения ученых.

Ссылки и примечания:

1. Бабко Ю.В. Коммунистическая партия в борьбе за создание новой технической интеллигенции в годы первой пятилетки (1928 – 1932 гг.). (По материалам высшей технической школы УССР): автореф. дисс. ...канд. ист. наук: спец. 07.00.01 «История КПСС» / Ю.В. Бабко; Киевский госуд. ун-т. – К., 1955. – 16с.; Терентьев В.П. Подготовка инженерно-технических кадров на Украине в годы первой пятилетки (для тяжелой промышленности): автореф. дисс. ...канд. ист. наук: спец. 07.00.02 «История СССР» / В.П. Терентьев; Харьковский госуд. ун-т. – Харьков, 1955. – 16с.; Шалдыбин П.Я. Борьба КПСС за создание и воспитание кадров производственно-технической интеллигенции в годы первой пятилетки (1928 – 1932 гг.): автореф. дисс. ...канд. ист. наук: спец. 07.00.01 «История КПСС» / П.Я. Шалдыбин; Киевский госуд. ун-т. – К., 1961. – 18с.
2. Репринцев А.Ф. Сучасна радянська історіографія про залучення буржуазних спеціалістів на бік Радянської влади / А.Ф. Репринцев // Питання історії СРСР. – К., 1974. – Вип.18. – С.58 – 63; Лутченко О. І. Питання формування і становлення технічної інтелігенції в радянській історіографії / О. І. Лутченко // УІЖ. – 1977. № 12. – С. 116 – 122; Андреюк Г.П. Некоторые вопросы выдвиженчества в советской исторической литературе / Г.П. Андреюк // Роль интеллигенции в построении и дальнейшем развитии социалистического общества в СССР: Респ. сб. науч. трудов / Ленинградский гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена. – Л., 1978. – Вып.2. – С.44 – 50; Астахова В. І. Питання формування і розвитку соціалістичної інтелігенції у радянській науковій літературі / В. І. Астахова // Вісник Харківського університету. – 1978. №168. – Вип. 13. – С.48 – 54; Зезина М. Р. Общее и особенное в социальном развитии интеллигенции советских союзных республик / М. Р. Зезина // Изменение социальной структуры народов СССР. Вопросы истории и историографии социальных преобразований 20 – 30-х гг. – М.: МГУ, 1982. – С. 110 – 127.
3. Ноткин Б.И. Советская интеллигенция в освещении современной англо-американской историографии / Б.И. Ноткин // История СССР. – 1972. – №3. – С.153 – 168; Добрускин М. О. Радянська інтелігенція і націоналістичні фальсифікатори / М. О. Добрускин // УІЖ. – 1974. №2. – С. 22 – 29; Багдасаров В. К. Критика современных буржуазных концепций формирования и развития советской интеллигенции (1917 1927): Научно-аналитический обзор / В. К. Багдасаров. – М.: Наука, 1983. – 43 с.
4. Главацкий М.Е. Историография формирования интеллигенции в СССР/ М. Е. Главацкий. – Свердловск: УрГУ, 1987. 107с.; Интеллигенция Советской Украины: (Некоторые вопросы историографии и методологического исследования) / АН УССР, Ин-т истории. – К.: Наукова думка, 1988. – 191с.
5. Бойко Ю.В. Становление советской интеллигенции в освещении французской немарксистской историографии 20-х – 30-х гг. / Ю.В. Бойко //

- Интеллигенция в советском обществе: межвуз. сб. науч. тр. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1993. – С. 110 – 121; Арефьева Т.К. Российская интеллигенция и власть в 20-е годы / Т. К. Арефьева // Российская интеллигенция в отечественной и зарубежной историографии: Тезисы докл. межгос. науч.-теор. конф. Иваново, 20 – 21 сентября 1995. Иваново: ИВГУ, 1995. Т. 1. – С. 78 – 80; Соскин В. Л. Интеллигенция советской России (1917 – конец 1930-х гг.): историографический аспект / В. Л. Соскин // Интеллигенция. Общество. Власть / ред.: С. А. Красильников, Т. Н. Осташко. – Новосибирск: НГУ, 1995. С. 5 – 33; Ермаков В.Т. О современных подходах к изучению историографии российской и советской интеллигенции / В. Т. Ермаков // Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции. Межвузовский сб. науч. тр. / Отв. ред. В.С. Меметов. – Иваново: ИВГУ, 1996. – С. 39 – 51; Соскин В. Л. Интеллигенция советской России (1917 – конец 1930-х гг.): историографический аспект / В. Л. Соскин // Интеллигенция. Общество. Власть / ред.: С. А. Красильников, Т. Н. Осташко. – Новосибирск: НГУ, 1995. С. 5 – 33.
6. Гнітько С. П. Інженерно-технічна інтелігенція Донбасу в 1920-ті – на початку 1930-х років: Автореф. дис... канд. іст. наук / С. П. Гнітько. – К.: Нац. акад. наук України, Ін-т історії України, 1996. – 25 с.; Анпілогова Т.Ю. Гуманітарна інтелігенція Донбасу в період нової економічної політики (1921 – 1928 рр.): Автореф. дис... канд. іст. наук / Т.Ю. Анпілогова. – Луганськ: Східноукр. нац. ун-т ім. В. Даля, 2006. – 19 с.; Струченков О. В. Інженерно-технічна інтелігенція Донбасу (кінець 1920-х – 1930-і роки): формування, умови життя, діяльність: автореф. дис... канд. іст. наук / О.В. Струченков. – Донецьк: Донец. нац. ун-т, 2008. – 20 с.
7. Чарыков Д. В. Изучение проблем теории интеллигенции в историографии 90-х гг. XX в. – начала XXI в.: на материале Урало-Сибирского региона: автореферат дис. ... кандидата исторических наук: 07.00.09 / Д. В. Чарыков – Челябинск, 2009. – 27 с.; Бобровский А. С. Интеллигенция Донбасса в 1920 – 1930-х гг.: характеристика понятия / А. С. Бобровский // Журнал исторических, политологических и международных исследований. – 2015. – № 2 (56). – С. 24 – 28.
8. Ленин В.И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (Отражение марксизма в буржуазной литературе) // Полное собрание сочинений: В 55-ти т. – 5-е изд. / В.И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М.: Политиздат, 1979. – Т.1. – С. 441.
9. Бухарин Н.И. Техническая интеллигенция и рабочий класс / Н.И. Бухарин // Правда. – 1920. – 3 марта; Луначарский А.В. Интеллигенция в её прошлом, настоящем и будущем / А.В. Луначарский. – М., 1924. – 75с.; Покровский Н.М. Наши спецы в их собственном изображении / Н.М. Покровский // Красная новь. – 1922. – №1. – С.49 – 58.
10. Киржнер Д., Турубинер Б. Условия труда и быта инжтехперсонала украинской горной промышленности / Д. Киржнер, Б. Турубинер //

- Инженерный работник. – 1928. – №11 – 12. – С.144 – 163; Ренке В.П. Кадры инженерно-технического персонала каменноугольной промышленности Донецкого бассейна / В.П. Ренке; под ред. К.В. Моисеенко. – Донецк: Изд-во Донугля, 1930. – 114с.
11. Сталин И. В. Об индустриализации и хлебной проблеме // Сочинения: В 13-ти т. / И. В. Сталин; Ин-т Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). – М.: Госполитиздат, 1952. – Т.11. – С. 171.
  12. Экономическая контрреволюция в Донбассе (Итоги шахтинского дела): Статьи и документы / Под ред. Н.В. Крыленко. – М.: Юрид. Изд-во НКЮ РСФСР, 1928. – 304с.; Шеин С.Д. Суд над экономической контрреволюцией в Донбассе. Заметки общественного обвинителя / С.Д. Шеин. – М.; Л.: Госуд. изд-во, 1928. – 128с.; Вышинский А.Я. Дело «Промпартии» / А.Я. Вышинский // Научный работник. – 1930. – №11 – 12. – С.7 – 25; Александровський С. Інтервенти і шкідники / С. Олександровський. – Харків: Український робітник, 1931. – 64с.
  13. Вольфсон С. Интеллигенция как общественная прослойка при капитализме и социализме / С. Вольфсон // Под знаменем марксизма. – 1939. – №8. – С.16 – 38; Тандит Л. Партия Ленина-Сталина и социалистическая интеллигенция / Л. Тандит. – М.: Московский рабочий, 1939. – 96с.
  14. Донецкий индустриальный институт за 20 лет. 1921 – 1941 гг. – Сталино: Изд. Донецкого индустр. ин-та, 1941. – 132с.
  15. Бабко Ю.В. Указ. Соч.; Терентьев В.П. Указ. соч.; Шалдыбин П.Я. Указ. соч.
  16. Курносков Ю. О., Бондар А. Г. У навчанні та праці: Підготовка кадрів інтелігенції в Українській РСР / Ю. О. Курносков, А. Г. Бондар. – К.: Наукова думка, 1964. – 343 с.; Советская интеллигенция: (История формирования и роста 1917 – 1965 гг.). – М.: Мысль, 1968. – 432 с.; Советская интеллигенция: Краткий очерк истории (1917 – 1975 гг.). – М.: Политиздат, 1977. – 318 с.
  17. Федюкин С.А. Привлечение буржуазной технической интеллигенции к социалистическому строительству в СССР / С.А. Федюкин. – М.: Изд-во ВПШ и АОН, 1960. – 87 с.
  18. Литвинова В.П. Діяльність Комуністичної партії та Радянської влади на Україні по встановленню товариських взаємовідносин між робітничим класом і старими спеціалістами (1920 – 1925 рр.) / В.П. Литвинова // Питання історії народів СРСР. – Харків, 1972. – Вип.14. – С.64 – 74; Литвинова В.П., Шейко В.Н. Инженерно-техническая интеллигенция Украинской ССР в начале реконструктивного периода / В.П. Литвинова, В.Н. Шейко // Вопросы истории СССР. – Харьков, 1985. – Вып.30. – С.94 – 100.
  19. Волков В.С. Коммунистическая партия и техническая интеллигенция в период строительства социализма в СССР (1928 – 1937 гг.): Курс лекций / В.С. Волков; Ленинградский гос.пед. ин-т им. А.И. Герцена. – Л.: Изд-во

- Ленинградского гос.пед. ин-та, 1975. – 168 с.; Коновалов М.А. Вирішальна сила соціалістичної реконструкції: (Діяльність КП України по підготовці та вихованню індустріально-технічних кадрів (1928 – 1937 рр.)) / М.А. Коновалов. – К.: Вид-во Київського ун-ту, 1973. – 229 с.
20. Полищук Н.М. Борьба Коммунистической партии за создание и воспитание инженерно-технических кадров (1928 – 1932): автореф. дисс. ...канд. ист. наук: спец. 07.00.01 «История КПСС» / Н.М. Полищук; Киевский госуд. ун-т. – К., 1971. – 22с.; Ткаченко Т.И. Деятельность Коммунистической партии по подготовке и воспитанию инженерно-технических кадров на Украине (1928 – 1932): автореф. дисс. ...канд. ист. наук: спец. 07.00.01 «История КПСС» / Т.И. Ткаченко; Одесский госуд. ун-т. – Одесса, 1974. – 27с.
21. Украинцев В.В. КПСС – организатор революционного преобразования высшей школы / В.В. Украинцев. – М., 1963. – 298 с.; Вища школа Української РСР за 50 років (1917 – 1967 рр.): У 2-х ч. / Відпов.ред. В.І. Пітов. – К.: Вид-во Київського ун-ту, 1967. – Ч.1. – 396 с.; Білоцерківський В.Я. Комуністична партія – організатор культурної революції на Україні (1926 – 1937 роки) / В. Я. Білоцерківський. – Харків: Вища школа, 1985. – 176 с.; Шалдыбин П.Я. Указ. работа; Титова Н.К. Деятельность КП(б)У по созданию и развитию рабочих факультетов на Украине (1921 – 1929 гг.): автореф. дисс. ...канд. ист. наук: спец. 07.00.01 «История КПСС» / Н.К. Титова; Харьковский госуд. ун-т. – Харьков, 1976. – 26с.; Джула С.С. Деятельность Коммунистической партии Украины по подготовке и воспитанию индустриально-технических кадров среднего звена в годы социалистической реконструкции народного хозяйства страны: автореф. дисс. ...канд. ист. наук: спец. 07.00.01 «История КПСС» / С.С. Джула; Львовский госуд. ун-т. – Львов, 1985. – 23 с.
22. Слуцкий О.Б. Радянське і культурне будівництво на Україні в перші роки боротьби за соціалістичну індустріалізацію країни (1926 – 1929 рр.) / О.Б. Слуцкий; Ін-т історії. – К.: АН УРСР, 1957. – 210 с.
23. Андреюк Г.П. Выдвиженчество и его роль в формировании интеллигенции (1921 – 1932 гг.) / Г.П. Андреюк // Из истории советской интеллигенции: [Сб.статей. Редколл. чл.-кор. АН СССР М.П. Ким (глав.ред.) и др.]. – М.: Мысль, 1966. – С.5 – 38.
24. Чагир С.М. Деятельность КП(б)У по выдвижению хозяйственно-технических кадров в области тяжелой промышленности и по обучению специалистов-практиков в годы первой пятилетки / С.М. Чагир // Тр. Донецкого индустр. ин-та. – 1959. – Т.43, вып.3. – С.47 – 78; Рудой А.Д. Мероприятия Коммунистической партии по подготовке производственно-технической интеллигенции из практических работников в годы второй пятилетки (на материалах Украины) / А.Д. Рудой // Научные зап. кафедры марксизма-ленинизма Ждановского металлург. ин-та. – 1959. – Т.1. – С.144 – 182; Валуїська Л.І. Висування робітників на керівну адміністративно-

- господарську роботу в Донбасі (1926 – 1929) / Л.І. Валуйська // УІЖ. – 1974. – №7. – С.72 – 77.
25. Ткачова Л.І. Інтелігенція Радянської України в період побудови основ соціалізму / Л.І. Ткачова. – К.: Наукова думка, 1985. – 192с.
  26. Елфимов Е., Щетинов Ю. Три процесса над старой интеллигенцией (1928 – 1931 гг.) / Е. Елфимов, Ю. Щетинов // Политическое образование. – 1989. – №16. – С.69 – 75; Касьянов Г.В. «Шахтинська справа»: про жертви сталінських репресій у Донбасі, 1928 р. / Г.В. Касьянов // Під прапором ленінізму. – 1989. – №22. – С. 55 – 61.
  27. Советская интеллигенция и её роль в коммунистическом строительстве в СССР: Всесоюз.конф. Тезисы / АН СССР, Ин-т истории СССР. – М., 1979. – Ч.1 – 2; XXVI съезд КПСС о развитии социально-классовой структуры советского общества в условиях социалистического и коммунистического строительства: Респ.науч. конференция: Тезисы докл. и сообщ. / АН УССР, Ин-т истории; Донецкий гос.ун-т. – Донецк, 1982. – 202с.
  28. Бут Г., Бут О. Будьонівські вороги (Донбас): Міфи та дійсність / Г. Бут, О. Бут // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 1997. – №1/2. – С. 109 – 118; Гнітько С. П. «Кадри вирішують все...». До 70-річчя судових процесів над технічною інтелігенцією / С. П. Гнітько // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ. – 1998. – №1/2. – С.80 – 95.
  29. Нікольський, В. М. Репресивна діяльність органів державної безпеки СРСР в Україні (кінець 1920-х – 1950-ті рр.) : Іст.-статист. дослідж. / В. М. Нікольський; Донец. нац. ун-т. – Донецьк: Вид-во ДонНУ, 2003. – 623 с.
  30. Бут О.М. Добров П.В. «Економічна контрреволюція» в Україні в 20 – 30-ті роки ХХ століття. – 2-е вид., виправл. і доповн. / Під заг.ред. О.М. Бута. – Донецьк: Вид-во «УкрНТЕК», 2002. – 316 с.; Лихолобова З.Г. Доля командирів індустрії в тридцяті роки / З.Г. Лихолобова // Реабілітовані історією: У 27-ми т.: Донецька область. – Донецьк: Вид-во КП «Регіон», 2004. – Кн.1. Науково-документальні нариси. – С. 365 – 382.
  31. Троян М.П. Стахановський рух: новий погляд / М.П. Троян // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Респ. міжвід. зб. наук. праць. – К.: Наукова думка, 1991. – Вип.1. – С.69 – 84.
  32. Бобровський А.С. Пріоритети сучасних дисертаційних досліджень з історії інтелігенції України початку 1920-х – кінця 1980-х рр.: історіографічний дискурс / А. С. Бобровський // Історичні і політологічні дослідження. – 2013. – №2 (52). – С. 72 – 79.
  33. Гнітько С. П. Інженерно-технічна інтелігенція Донбасу в 1920-ті – на початку 1930-х років: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / С. П. Гнітько; Нац. акад. наук України, Ін-т історії України. – К., 1996. – 25 с. Анпілогова Т. Ю. Гуманітарна інтелігенція Донбасу в період нової економічної політики (1921 – 1928 рр.): Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / Т. Ю. Анпілогова; Східноукраїнський національний ун-т ім. Володимира Даля. – Луганськ, 2006. – 19 с. Струченков О. В. Інженерно-

технічна інтелігенція Донбасу (кінець 1920-х – 1930-і роки): формування, умови життя, діяльність: автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.01 / О. В. Струченков; Донецький національний ун-т. – Донецьк, 2008. – 20 с.

34. Такер Р. Сталин у власти. 1928 – 1941. История и личность / Р. Такер; пер. с англ. / – М.: Весь мир, 1997. – 648с.; Черная книга коммунизма: Преступления. Террор. Репрессии: Пер. с фр. / Стефан Куртуа, Никола Верт, Жан-Луи Панне и др. – 2-е изд., испр. – М.: Три века истории, 1999. – 768с.
35. Куромія Г. Свобода і терор в Донбасі: Українсько-російське прикордоння, 1870 – 1990-і роки / Г. Куромія; пер. з англ. Г. Кьорян, В. Агеєв. – К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2002. – 510 с.

УДК 930.23:331.108 «1920/1930»

А. В. Чеботарева

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: abc5071@mail.ru

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР СОВЕТСКОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ (1920-1930-е гг.)

Аннотация

В статье проанализированы научные работы советских и современных исследователей, посвященные кадровой политике большевиков 1920-1930-х гг. Акцентируется внимание на обзоре отдельных аспектов проблематики.

Ключевые слова: историография, кадровая политика, номенклатура, элита.

Summary

The article analyzes the scientific works of soviet and modern researchers on the personnel policy of the bolsheviks of the 1920s-1930s. Focuses on the overview of selected aspects of problems.

Keywords: personnel policy, historiography, nomenclature, elite.

Становление новых независимых государств невозможно без поиска наиболее оптимальных форм и способов государственного управления, гармонизации отношений между обществом и государством. Практика показывает, что от рационального проведения государственной кадровой политики зависит динамика развития социально-экономических, политических, общественных и культурных процессов, определяющих уровень развития государственности. Учитывая это, активизация исследований проблем формирования, становления советской кадровой политики 20-30-х гг. XX века

является чрезвычайно актуальной и имеет важное научное, политическое и социальное значение.

В связи с этим особую актуальность приобретает осмысление историографии исторического опыта моделей кадровой работы, реализуемых на различных этапах развития советского государства.

Обозначенная проблема рассматривалась в работах Е. В. Долженковой [1], Н. С. Дорошко [2], Е. В. Билоуса [3], П. В. Киридоны [4] и др. Проанализировав историографию можно сделать вывод, что в существующих научных трудах рассмотрены лишь отдельные аспекты проблематики, таким образом комплексно данная тема не была исследована.

Изучение советской кадровой политики 20-30 гг. XX в. предполагает привлечение базового терминологического аппарата, где фундаментальными являются такие понятия как «кадры», «кадровая политика», «номенклатура».

Ключевым по своему содержанию является термин «кадры». Лаконичное и в то же время емкое по своему содержанию определение понятия «кадры» дает А. И. Турчинов: «кадры – основной квалифицированный состав персонала организации, находящийся в ее штате» [5]. А. С. Пашкова, Т. В. Иванкина, Е. В. Магницкая под кадрами понимают квалифицированных работников, прошедших предварительную профессиональную подготовку и обладающих специальными познаниями, трудовыми навыками или опытом работы в избранной сфере деятельности [6].

Сама же «кадровая политика» исследователями рассматривается как социальный институт, который представляет собой целостную, устойчивую, оформленную в правовом отношении общность людей, организующую обособленный социальный организм, обладающий определенной сложившейся структурой формальных и неформальных отношений, функций и поведенческих норм [7].

По определению Н. К. Смагулова, «кадровая политика» является объективно обусловленной практикой и теорией социального управления, выражающая стратегию субъекта управления в работе с персоналом (кадрами) [8].

В научной литературе последних десятилетий XX века развернулась дискуссия о феномене номенклатуры, сложился ряд подходов к определению этого понятия. Одни ученые пользуются понятием «номенклатура», другие – «новый класс», третьи – «правлящая политическая элита».

Вопрос о классовом характере номенклатуры в широкое употребление ввел М. Джилас. Новым классом исследователь назвал профессиональную партийную или политическую бюрократию, которая, по его мнению, «пользуется, управляет и распоряжается в конечном итоге обобществленным имуществом и всей жизнью общества» [9]. Такой же точки зрения придерживался и М. С. Восленский [10].

В своих работах некоторые исследователи определяют понятие «номенклатуры» как разновидность элиты, сформировавшейся в советском

государстве [11], так, В.Б. Пастухов отметил, что номенклатура в СССР переживала периоды становления и последовательного развития, превратившись за это время из класса «в себе» в «класс для себя» [12].

М. С. Дорошко и В. Ф. Колесник обосновали целесообразность применения в научной литературе термина «номенклатура» в противовес определению «новый класс», «элита». Они отмечают, что номенклатура в СССР не имела признаков элиты, а именно высокой образованности, интеллигентности, толерантности, преданности национальным идеалам [13].

П. В. Киридон предложил собственное определение этого термина: «под номенклатурой следует понимать социальное кастовое образование, свойственное странам социалистического лагеря. Формально она представляла собой списки руководящих должностей, право назначения на которые принадлежало исключительно партийным комитетам, а также перечни кандидатур на занятие соответствующих вакансий [14].

Российские историки Т. Г. Коржихина и Ю. Ю. Фигатнер, пришли к выводу, что номенклатура «это не только перечень должностей, но и документы, в которых скрыты сущностные механизмы господства и воспроизводства касты «руководителей», и основанная на них система, что приводит в действие этот механизм» [15].

Итак, учитывая весь спектр подходов к определению, можно отметить, что номенклатура представляет собой общественную прослойку населения, которая в основном занимает руководящие должности.

Теоретические проблемы кадровой работы, анализ принципов и механизмов политики партии по подбору и расстановке кадров стали предметом исследования в работах Б. Д. Лебина, М. Н. Перфильева, Е. Г. Гимпельсона, Т. П. Коржихиной, Ю. Ю. Фигатнера, О. В. Гаман-Голутвиной, С. А. Кислицина [16] и др. Особенностью этих работ является формирование в историко-партийной науке представлений о номенклатуре как единственно эффективном способе подбора и расстановки кадров. На основе многочисленных примеров исследователи доказали способность сложившейся номенклатурной системы чутко реагировать на изменения требований к кадровому потенциалу партийного аппарата.

В своей монографии Г. Л. Олех раскрывает вопросы строительства и эволюции партийного аппарата, а также облик партийного чиновничества – его численность, уровень квалификации и материального обеспечения. По мнению автора, уже «в начале 20-х годов XX века происходил ускоренный, внутренне противоречивый процесс кристаллизации партийного чиновничества как компактной замкнутой группы со своими узкокорпоративными интересами, принимающими самодостаточный характер» [17].

В. П. Пашин и Ю. П. Свириденко раскрыли процесс становления номенклатуры, ее организацию и конкретные правила учета [18], влияние номенклатуры на государственные и общественные органы управления, на жизнь советского государства [19].

Украинский исследователь Н. С. Дорошко обосновал, что революционеры, «буржуазные специалисты», выдвиженцы, члены ЛКСМУ и выходцы из других партий стали основными источниками формирования номенклатуры [20].

В монографиях Н. А. Фролова впервые исследуется роль и место выходцев с других политических партий в рядах большевиков, особенности их продвижения на руководящие должности в партийно-государственном аппарате республики [21].

Важным направлением советской кадровой политики было выдвижение рабочих и крестьян на руководящие должности в партийно-государственный и административно-хозяйственный аппарат. История выдвиженчества получила свое отражение в исторической литературе [22]. Особую группу составляют воспоминания активных участников установления большевистской власти, Е. Б. Бош, В. П. Затонского, Г. Лапчинского, М. А. Скрипника и других [23], которые были опубликованы преимущественно в 1920-х гг. В работе И. Красницкого содержатся данные о социальном составе руководящих работников украинской промышленности, а Я. Тун, согласно большевистским принципам кадровой работы, предпринял попытку обосновать необходимость выдвижения на руководящую хозяйственную работу так называемых практиков [24].

В диссертационной работе Т. И. Новосельцева исследовала становление и эволюцию системы выдвижения рабоче-крестьянских кадров на ответственные должности, автор выделил несколько этапов политики выдвиженчества [25].

Проблема обеспечения квалифицированными кадрами различных отраслей государственного управления оставалась актуальной для политического руководства СССР на всех этапах эволюции советского общества.

Вопросы подготовки управленческих кадров освещены как в работах советских, так и в работах современных исследователей. Среди советских историков, которые рассматривали данную проблему можно назвать С. А. Байбакова, Л. С. Гапоненко, Д. А. Михайлова, О. Д. Сковпена [26] и др.

Наиболее фундаментальные труды в этой области принадлежат Л. С. Леоновой. Методологический характер имеет ее разработка научной периодизации истории партийных учебных заведений в СССР, выявление ведущих тенденций в историческом опыте подготовки партийных кадров, освещение конкретных приемов решения ряда проблем, таких как, практика подбора слушателей партийных учебных заведений [27].

В своей статье М. П. Фильченков [28], исследовав работу Коммунистического университета имени Я. М. Свердлова, комвузов, Академии коммунистического воспитания, института Красной профессуры, областных совпартшкол I и II ступени, систему заочного образования партийного актива, раскрыл структуру политического просвещения, существовавшую в первые годы советской власти, описал правила приема и программы учебных заведений, профили подготовки и сроки обучения, обратил внимание на преподавательский состав, проанализировал статистику по поступившим или

получившим образование коммунистам. Л. М. Чижова [29], акцентируя внимание на подготовке партийных и советских работников, отметила, что в 1921–1923 гг. была значительно расширена сеть коммунистических университетов.

Подготовка и воспитание партийных кадров получили освещение в многотомной истории КПСС, в очерках истории коммунистических партий союзных республик, парторганизаций краев и областей.

Ценные сведения о качественных и количественных изменениях партийных рядов содержат статистические издания. Например, сборник «Подготовка кадров в СССР, 1927-1931 гг.» включает материалы обследования сети комвузов как «специальных заведений по подготовке партийно-советского актива районов и областей», в том числе статистические данные о составе учащихся, комплектовании, основных специальностях, лекторском составе комвузов [30].

Принадлежность к номенклатурной касте автоматически предоставляла доступ к пользованию всеми преимуществами, которые сложились в определенную систему.

Среди современных историков идет дискуссия по вопросу «когда же появились привилегии для руководящих работников?». По утверждению М. Мэтьюза [31], В. П. Пашина и Ю. П. Свириденко «система привилегий начала формироваться сразу же после революции, путем присвоения верхушкой партии права на законодательную деятельность, неподконтрольную государству, где сама власть одновременно являлась и привилегией, и непосредственным источником этих привилегий» [32]. Однако другие историки склонны относить это событие к более позднему времени [33], так, А. Н. Чистиков приходит к выводу, что система льгот и привилегий советской политической бюрократии сложилась в годы гражданской войны, в годы НЭПа она лишь модифицировалась и дополнилась новыми элементами [34].

Иерархический характер преференций доказал Г. Л. Олех: «привилегии в основном получали партийные функционеры в соответствии с должностным статусом» [35].

Большинство современных научных работ посвящены отдельным компонентам системы льгот советских управленцев. Так, М. В. Богословская сравнивает условия повседневности партийно-государственной номенклатуры с другими слоями советского общества, показывает резкий разрыв в уровне жизни между ними [36], И. Б. Орлов дает характеристику особенностям организации санаторно-курортного дела в СССР для номенклатуры [37], С. А. Головин в своей работе проследил процесс формирования системы имущественного неравенства в 20-30-е гг. XX века, в частности пришел к выводу, что политика создания статусных привилегий и дифференцируемых окладов являлась составной частью практической реализации ускоренной модернизации всей системы общественного производства [38].

Таким образом, анализ историографии, указанной нами темы, позволяет сделать вывод о растущем научном интересе к проблеме советской кадровой политика 1920-1930-х гг. Однако ее специфические особенности в первые годы становления большевистской власти до сих пор не стали предметом комплексного научного поиска. Публикации, которые появились в последние десятилетия, дают общее представление об отдельных аспектах проблемы.

Ссылки и примечания:

1. Долженкова Е. В. Историографический обзор кадровой политики России: Советский период / Е. В. Долженкова // Историко-Правовые проблемы: Новый ракурс. Вып. 5. – Курск, 2012. – С. 18-28.
2. Проблема формування та функціонування компартійно-державної номенклатури УСРР в 20-30-ті рр. ХХ ст. у вітчизняній та зарубіжній історіографії / М. С. Дорошко // Проблеми історії України: факти, судження, пошуки: Міжвід. зб. наук. пр. — 2004. — Вип. 11. — С. 32 – 47.
3. Білоус Е. В. Парти́но-радянська номенклатура західних областей України у першіповоєнні роки (історіографія проблеми) / Е. В. Білоус // Наукові праці історичного факультету Запорізького національного університету (XXXIII). – Запоріжжя, 2012. – С. 306-311.
4. Киридон П. В. Номенклатура: термінологічні інтерпретації в історіографії / П. В. Киридон // УІЖ. – К., 2012. – №12. – С. 171 – 182.
5. Турчинов А. И. Профессионализация и кадровая политика: проблемы развития теории и практики / А. И. Турчинов. – М.: Московский психолого-социальный институт – Изд. «Флинт», 1998. – 272 с.
6. Пашков П. А., Иванкина Т. В., Магницкая Е. В. Кадровая политика и право / П. А. Пашков, Т. В. Иванкина, Е. В. Магницкая. – М.: Юридическая литература, 1989. – 288 с.
7. Пицик Н. И. Государственная кадровая политика в органах власти и управления как социальный институт: Дис... докт. социол. наук: 22.00.04 / Н. И. Пицик. – М., 2006. – 428 с.
8. Смагулов Н. К. Кадровая политика большевиков в партийных и государственных органах Казахстана в 1917–1936 гг. / Н. К. Смагулов. – Караганда: КарГТУ, 2011. – 185 с.
9. Джилас Милован. Лицо тоталитаризма / М. Джилас. – М., 1992. – С. 196.
10. Восленский М. С. Номенклатура / М. С. Восленский. – М.: Захаров, 2005. – 640 с.
11. Фролов М. О. Компарти́но-радянська еліта в УСРР (1917-1922 рр.): становлення і функціонування / М. О. Фролов. – Запоріжжя: Прем'єр. – 2003. – 448 с.; Фролов М. О. Компарти́но-радянська еліта в Україні: особливості існування та функціонування в 1923 – 1928 рр. / М. О. Фролов. – Запоріжжя. – 2004. – 800 с.; Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции / О. В. Гаман-Голутвина. – М.:

- «Российская политическая энциклопедия (РОС – СПЭН), 2006. – 448 с; Бадовский Д. В. Трансформация политической элиты в России – от «организации профессиональных революционеров» к «партии власти» /Д. В. Бадонский//Полис. – 1994. – №6. – С.42–58.
12. Пастухов В.Б. От номенклатуры к буржуазии: «новые русские» /Б. В. Пастухов//Полис. – 1993. -№2. С.49-57.
  13. Дорошко М. С., Колесник В. Ф. Формування в Україні більшовицької партійно-державної номенклатури в 20-ті роки / М. С. Дорошко, В. Ф. Колесник // Український історичний журнал. – 1993. – №9. – С.40–51.
  14. Киридон П. В. Номенклатура: термінологічні інтерпретації в історіографії / П. В. Киридон // УІЖ. – К, 2012. №1.- С.171-182.
  15. Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия / Т. П. Коржихина, Ю. Ю. Фигатнер // Вопросы истории. – 1993. – № 7. – С.25-38.
  16. Лебин Б. Д., Перфильев М. Н. Кадры аппарата управления в СССР. Социологические проблемы подбора и расстановки / Б. Д. Лебин, М. Н. Перфильев. – М.: Наука, 1970. – 253 с.; Гимпельсон Е.Г. Советские управленцы. 1917-1920 гг. / Е. Г. Гимпельсон. – М.: Инт. - истории РАН, 1998. – 288с.; Гимпельсон Е. Г. Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917–1920 гг.) / Е. Г. Гимпельсон // Отечественная история. 1997. №5. С.44–54. ; Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизмы действия / Т. П. Коржихина, Ю. Ю. Фигатнер // Вопросы истории. – 1993. – № 7. – С.25-38. ; Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. Вехи исторической эволюции / О. В. Гаман-Голутвина. – М.: «Российская политическая энциклопедия (РОС – СПЭН), 2006. – 448 с.
  17. Олех Г. Л. Партийная машина РКП (б) в начале 1920-х гг.: устройство и функционирование / Г. Л. Олех. – Новосибирск, 1995. – С.62 – 100.
  18. Свириденко Ю. П., Пашин В. П. Коммунистическая номенклатура: истоки, сущность, содержание / Ю. П. Свириденко, В. П. Пашин. – М.: Государственная академия сферы быта и услуг (ГАСБУ), 1995. – 171 с.
  19. Пашин В. П., Свириденко Ю. П. Кадры коммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания / В. П. Пашин, Ю. П. Свириденко. – М.: Государственная академия сферы быта и услуг (ГАСБУ), 1998. – 244 с.
  20. Фролов М. О. Компартійно-радянська еліта в УСРР (1917–1922 рр.): становлення і функціонування / М. О. Фролов. — Запоріжжя: Прем'єр, 2003. — 448 с.; Фролов М. О. Механізм компартійно-радянської номенклатури і доля людини: політична біографія одного із керівників України у 1920-х – 1930-х рр. М. М. Попова/М. О. Фролов // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. — Запоріжжя: Просвіта, 2006. — Вип. XX. — С. 215–223.
  21. Дорошко М. С. Компартійно-радянська номенклатура УСРР у 20-30-ті рр. XX ст.: соціоісторичний аналіз / М. С. Дорошко. – К.: нац. ун-т ім.

- Т.Шевченка, 2004. – 154 с.; Дорошко М. С. Номенклатура: керівна верхівка Радянської України (1917-1938 рр.) / М. С. Дорошко. – К.: Ніка-Центр, 2008. – 368 с.
22. Волков В. С. Коммунистическая партия и техническая интеллигенция в период строительства социализма в СССР (1928-1937 гг.) / В. С. Волков. – Ленинград: ЛГПИ, 1975. – 168 с.; Волков В. С. Выдвиженчество в условиях становления административно-командной системы в СССР (20-30-е годы) / В. С. Волков//Российская интеллигенция. Страницы истории. – СПб, 1991. – С.43-67; Миловидов В. Л. Деятельность Коммунистической партии по формированию партийно-советских кадров в 1917-1925 гг./В. Д. Миловидов//Вопросы истории КПСС, 1977. – №5. – С.46-57; Чижова Л. М. Выдвижение- важнейшая форма подготовки руководящих партийных кадров (1921-1937 гг.) / Л. М. Чижова//Вопросы истории КПСС, 1973. – №9. – С.51-59
23. Бош Е. Б. Год борьбы. – 2 изд / Е. Б. Бош. – К., 1990. – 447 с.; Затонський В. П. Из спогадів про українську революцію / В. П. Затонський // Літопис революції. – 1929. – №5 – 6. – С.115 – 141; Лапчинський Г. Зародження радянської влади та перші кроки в одному з міст українських / Г. Лапчинський // Червоний шлях. – 1925. – №1 – 2. – С.121 – 145; Его же. Гомельское совещание: Воспоминания // Летопись революции. – 1926. – №5. – С.36 – 50; Его же. 3 перших днів Всеукраїнської Радянської влади: Спогади // Літопис революції. – 1927. – № 5. – С.59 – 69; Скрипник Н. Донбасс и Украина (Из истории революционной борьбы на Украине 1917-1918 гг.) / Н. Скрипник // Коммунист (Харьков). – 1920. – №4. – С.52 – 54.
24. Красницький І. Боротьба за кадри / І. Красницький. – Харків, 1930. – 76 с.; Тун Я. Кадри народного господарства / Я. Тун. – Харків, 1930. – 190 с.
25. Новосельцева Т. И. Выдвиженчество в кадровой политике Советского государства в 1920-1930-е годы: (на материалах Смоленской области): автореферат ... кандидата исторических наук (07.00.02) / Т. И. Новосельцева. – Брянск, 2004. – 24с.
26. Байбаков С. А. Партийное руководство подготовкой кадров для Советов в советских и советско-партийных учебных заведениях (1920-1932) / С. А. Байбаков. – М.: Издательство Московского университета Москва, 1980. – 139 с.; Гапоненко Л. С. Историческая преемственность и развитие ленинских традиций в подготовке кадров в партийных учебных заведениях/ Л. С. Гапоненко // Вопросы истории КПСС, 1981. – №1.; Михайлов Д. А. Подготовка руководящих и теоретических кадров партии в условиях социализма (1918-1932 гг.)/Д. А.Михайлов. – М., 1968. ; Сковпен О. Д. Осуществление ленинских принципов подбора, расстановки и подготовки партийных кадров в начальный период социалистической реконструкции народного хозяйства / О. Д. Сковпен. – М., 1971.

27. Леонова Л. С. Обизучении исторического опыта КПСС в подготовке партийных кадров / Л. С. Леонова // Вопросы истории КПСС, 1985. – №2. – С.29 – 34.; Леонова Л. С. Исторический опыт КПСС по подготовке партийных кадров в партийных учебных заведениях. 1917-1975 гг. / Л. С. Леонова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 205 с.
28. Фильченков М. П. Из истории партийных учебных заведений / М. П. Фильченков // Вопросы истории КПСС, 1958. - № 1. – С. 108–122.
29. Чижова Л. М. Из истории подготовки партийных работников (1921–1925 гг.) / Л. М. Чижова // Вопросы истории КПСС, 1968. – № 6. – С. 89–98.
30. Подготовка кадров в СССР, 1927-1931 гг. / Центр. упр. нар.-хоз. учета Госплана СССР; Сектор кадров, культуры и науки. – М.-Л.: Соцэкгиз, 1933. – 259 с.
31. М. Мэтьюз Становление системы привилегий в Советском государстве / М. Мэтьюз // Вопросы истории, 1992. – №2-3. – С.45-61.
32. Пашин В. П., Свириденко Ю. П. Кадрькоммунистической номенклатуры: методы подбора и воспитания / В. П. Пашин, Ю. П. Свириденко. – М.: Государственная академия сферы быта и услуг (ГАСБУ), 1998. – 244 с.
33. Леонов С. В. Рождение советской империи: государство и идеология 1917-1922 гг. / С. В. Леонов. – М., 1997.; Никулин В. В. Власть и общество в 20-е годы / В. В. Никулин. – СПб., 1997. – 193 с.
34. Чистиков А. Н. Советская политическая бюрократия: от «Военного коммунизма» к нэпу / А. Н. Чистиков // Россия в XX веке. Сборник статей к 70-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН, профессора В. А. Шишкина. – СПб., 2005. – С93.
35. Олех Г. Л. К вопросу о денежном содержании чиновников РКП(б) в начале 1920-х гг. / Г. Л. Олех // Номенклатура и номенклатурная организация власти в России XX в.: мат-лы интернет-конференции/отв. ред. В. П. Мохов. Пермь: Пермский гос. техн. ун-т, 2004. – С. 116-117.
36. Богословская М. В. Жилищные условия и медицинское обслуживание советской государственной элиты в 1920-30-е гг. / М. В. Богословская // Новый исторический вестник, 2006. – №1(14).
37. Орлов И. Б. Советский курорт 1930-х годов: на «экспорт» и для внутреннего пользования / И. Б. Орлов // Современные проблемы сервиса и туризма. – 2009. – №3. – С.25-30.
38. Головин С. А. Имущественная дифференциация доходов населения СССР в 20-30-е годы XX века / С. А. Головин // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2008. – № 66. – С.177-186.

УДК 971/979

Л.А. Скворцова

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донбасская национальная академия строительства и архитектуры»

e-mail: skvortsova.68@mail.ru

САЛЬВАДОР В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА ОТ ДИКТАТУРЫ К ДЕМОКРАТИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА

Аннотация:

Статья посвящена развитию историографии проблемы политической истории Сальвадора в 70-90-е годы XX века в период сложного процесса перехода от диктатуры к демократии. Проведен анализ работ отечественных и зарубежных авторов последней четверти XX века. Раскрыто состояние исследования темы по проблемно – хронологическому принципу. Определены направления дальнейшего исследования темы, которые нуждаются в изучении.

***Ключевые слова:** Центральная Америка, конфликт, революция, режим, армия, вооруженная оппозиция, демократия.*

Summary:

The article is devoted to the development of the historiography of the history of El Salvador's political problems in 70-90- years of the twentieth century, during the complex process of transition from dictatorship to democracy. The analysis of the work of domestic and foreign authors of the last quarter of the twentieth century. Open state of the research topic for the problem – chronological order. The directions of further research topics that need to be studied.

***Keywords:** Central America, the conflict, the revolution, the regime, the army, the armed opposition, democracy.*

Уникальный, и порой драматический опыт Сальвадора – государства, прошедшего через государственный переворот и длительный вооруженный конфликт, испытавшего государственный терроризм, репрессии и экономическую блокаду – отражает процессы, похожие на те, которые происходят сегодня в Донбассе. Политические события в Сальвадоре и события на Донбассе, связанные длительным вооруженным конфликтом, представляют особый интерес тем, что изучение опыта сальвадорского конфликта и путей его урегулирования может быть полезным для разрешения конфликта в Донбассе.

Делая акцент в исследовании политической истории страны на такие хронологические рамки, автор руководствуется тем, что в эти годы происходит

качественное изменение государственной структуры общества, становление идеологических ориентиров и эволюция основных политических партий, определяющих современную политику Сальвадора и, самое главное, была принята конституция страны, в которой заложены базовые основы демократии. Такие же изменения мы наблюдаем и в Донбассе, когда в условиях вооруженного противостояния происходит становление государственной структуры новой народной республики.

Целью статьи является исследование тенденций развития историографии политической истории Сальвадора в условиях перехода от диктатуры к демократии (70-90-е годы XX века).

Научная разработка поставленной проблемы характеризуется соответствующим количеством работ, имеющим к ней непосредственное отношение в комплексном подходе к изучению политической истории отдельных стран Центральной Америки, таких как Сальвадор, роль которых возрастает как в рамках региональной интеграции, так и в решении международных проблем. Однако в отечественной латиноамериканистике пока еще нет глубоких монографических исследований политической истории Сальвадора в 70-90-е годы XX века, что, несомненно, отражается на состоянии историографии исследуемой темы, а затрагиваемые вопросы в статье выходят далеко за рамки тем последних публикаций отечественных и зарубежных авторов, внимание которых фокусируется на отдельных аспектах данной проблемы.

Кроме того, большое количество работ историков и обществоведов опубликовано в первой половине 80-х годов и несут на себе отпечаток чрезмерной идеологизации, характерной для исторических исследований периода "холодной войны", и данная работа является попыткой осмыслить эту сложную и многогранную тему и дать объективный анализ политического развития Сальвадора.

В освещении новейшей истории Сальвадора внимание советских исследователей в начале 80-х годов привлекали проблемы создания и деятельности революционных организаций и массовых движений, темы революции и контрреволюции. В работах авторов Т.Е. Ворожейкиной, В.И. Гришина, Н.С. Леонова [1] проступает четкая грань революционной борьбы народа против реакционной политики правящего режима. Авторы жестко критикуют правящий режим и в ущерб беспринципности анализа и объективизма идеализируют леворадикальные течения, взгляды сальвадорских революционеров.

Приверженность революционной идеологии как главный стержень, классовый подход и революционная тематика стали основой коллективных монографий советских латиноамериканистов «Развивающиеся страны в современном мире: пути революционного процесса» [2] и «Пролетариат и революционный процесс в Латинской Америке» [3]. Авторы большое внимание уделяют исследованию причин революционного подъема в латиноамериканском регионе, при этом выдвигая на первый план предпосылки

идеологического характера, а антиимпериалистический импульс ставят решающим фактором в ходе развития конфликта. В работах А.В. Барышева, В.В. Пащука, И.М. Попова [4] критический анализ правящих режимов нередко сочетался с апологией леворадикальных течений. В целом, следует подчеркнуть, что в условиях идеологического противоборства "Запад-Восток" революционная тематика занимала прочные позиции в советской латиноамериканской историографии.

Из многочисленных работ, посвященных революционной тематике, следует выделить коллективные монографии под редакцией Д.Ф. Шульговского [5]. Работы привлекают к себе внимание исследованием проблем функционирования политической системы латиноамериканского общества, анализом различных концепций политического развития стран Центральной Америки 70-х – начала 80-х годов. Несмотря на то, что доминирует классовый подход в оценке политических событий, работы ценны тем, что в них обозначены специфические особенности функционирования политической структуры государства, представлены полный спектр политических классов, идейное многообразие идеологических течений сальвадорского общества.

Для более полного понимания государственно-политической структуры страны, автор обратился к работе юриста-международника Н.Н. Разумовича [6], в которой исследованы механизмы функционирования государственного аппарата, создания конституционных основ управления, дана характеристика политических компонентов общества в условиях правления военных режимов. В работе выделены основные политические функции и особенности государства, что, несомненно, является ценным материалом для исследования специфики политического развития страны в период авторитаризма. Вместе с тем, в работе представлен обобщенный анализ государственно-политической структуры латиноамериканского государства, дана характеристика идеологических течений в общем контексте развития стран Латинской Америки, не уделяется должного внимания анализу и оценке ведущих политических партий как одного из политических компонентов общества.

Изучению политической роли армии в развивающихся странах посвящены труды Г.И. Мирского и А.Ф. Шульговского [7]. Оба ученых сходны в оценке армии как влиятельной политической силы в правящем блоке с сохранением определенной степени автономности и сильной традиции в политической жизни общества и ставят вооруженные силы в политической системе на место отдельной партии (Г.И. Мирский), отдельного класса (А.Ф. Шульговский). Воззрения этих ученых расходятся в трактовках функций вооруженных сил, характера военных режимов, оценки реформаторского потенциала офицерства. Если Г.И. Мирский приписывает вооруженным силам функцию гаранта стабильности и порядка существующего режима, то А.Ф. Шульговский считает армию гарантом трансформации авторитарного режима в демократический. Отсюда, дальнейшая судьба демократии, по мнению А.Ф. Шульговского, будет зависеть от позиции вооруженных сил, в отличие от Г.И. Мирского, который,

не веря в прогрессивный потенциал армии, приписывал военным приверженность традициям, недоверие ко всему новому, равнодушие к либеральным ценностям. Воззрения этих ученых оказали воздействие на последующие исследования проблем сальвадорского милитаризма и военного правления. В этой связи следует упомянуть работы М.Л. Чумаковой [8], в которых впервые в рамках одной страны была рассмотрена идеологическая и политическая стратегия сальвадорской армии как основного компонента коалиции, составляющего правящий блок.

Среди авторов, изучавших партийно-политическую проблематику, следует выделить работу А.К. Стеценко [9], в которой представлен анализ идеологии и политики ведущей политической силы страны — Христианско-демократической партии. Примечательно, что автор одним из первых выходит за рамки внимания проблем советских латиноамериканистов, исследующих деятельность революционных организаций и левых партий. Работа отличается объективным подходом к оценке исследования. Автор справедливо утверждает, что христианская демократия в 80-х годах стала одним из доминирующих течений не только в Сальвадоре, но и в регионе в целом. Однако следует подчеркнуть, что исследование проведено в контексте тенденций внешней политики, не ясны взгляды партии и их усилия в решении проблем урегулирования конфликта в стране.

Со второй половины 80-х годов в работах отечественных авторов существенно стала меняться интерпретация политических событий, отход от идеологических штампов, характерных для первой половины 80-х годов. Это было связано с прекращением "холодной войны" и снижением международной напряженности. В связи с этим стали просматриваться новые подходы к исследованию Центральноамериканского конфликта в пользу объективности и беспристрастности анализа. Все же не исчерпали себя темы развития освободительного движения, революционных организаций. Стоит упомянуть коллективный сборник под редакцией Б. И. Мерина, в котором вниманию автора привлекла статья В.Н. Гришина [10]. Автор, пытаясь решить проблему единства революционно-демократических сил Сальвадора, основывается на новых тенденциях в вопросе революционной борьбы, в частности, стремлении к мирному диалогу, поиску разумных компромиссов во имя демократии. Однако все еще главенствует приверженность идеям революции, отождествление Компартии и вооруженной оппозиции как авангарда народа, идеализация народно-революционной власти.

Этой же тематике посвящены диссертационные работы В.Н. Крестьянинова, А.П. Родригес, А.В. Кузмищева [11], ценностью которых является введение в научный оборот и анализ документальных источников революционно-повстанческих организаций, многие из которых уникальны и не вводились ранее. Однако главный упор в исследовании сальвадорского конфликта авторы сделали на международный аспект решения конфликта, избегая анализа внутривнутриполитических проблем.

Вопросы развития роли армии в политической жизни латиноамериканских стран во второй половине 80-х годов продолжали волновать исследователей А.Ф. Шульговского и Г.И. Мирского [12], причем общетеоретические положения места и роли армии в политической структуре страны в работах были дополнены и по-новому оценены. Примечательно, что А.Ф. Шульговский в своих исследованиях пошел дальше, сделав неожиданный вывод о позитивной роли армии, ее способности не только быть реакционной силой, но и выступать в роли "защитницы" демократии.

В многочисленных работах отечественных латиноамериканистов В.П. Сударева, М.Л. Камынина, М.А. Оборотовой [13] освещались международные аспекты центральноамериканского кризиса. При этом главное внимание авторы уделяли политике США и СССР в Центральной Америке, вопросам международной солидарности. Проблема урегулирования давалась обычно в отрыве от анализа внутривнутриполитической проблематики. Новый подход к исследованию центральноамериканского конфликта отличает коллективную монографию «Центральноамериканский конфликт: от противоборства к урегулированию» [14]. Работа является деидеологизированным исследованием, отличается более синтезированным комплексным подходом. В монографии даны анализ природы и путей эволюции конфликта, вариантов его разблокирования, оценка перспектив постконфликтного устройства в контексте глобальных тенденций мирового развития и с учетом внутренних конфликтообразующих факторов.

Во второй половине 80-х годов предпринимаются попытки комплексного исследования проблем общественного развития стран Центральной Америки периода 70-х-начала 80-х годов. После монографии Н.С. Леонова по новой и новейшей истории [15], опубликованной в 1975 году, в которой освещался период 30-36-х годов XX века, только спустя десятилетие вышла коллективная монография отечественных латиноамериканистов [16]. Этот труд является первым советским фундаментальным исследованием сложных процессов общественно-политического развития стран Центральной Америки периода 70-х-начала 80-х годов. Авторы определили основные черты и закономерности общественного развития, сочетая экономические исследования с историческими и социологическими. Большое количество статистического материала, взятого из документальных источников, помогает вычленить основные причины сальвадорского кризиса и определить его характер как внутренний. Однако работа не лишена идеологизированного подхода, главное внимание сосредоточено на анализе политических предпосылок революционной ситуации. Причем трактовка революционного движения в Сальвадоре преподносится в общем контексте освободительной борьбы народа Латинской Америки, а сальвадорский революционный процесс — как один из этапов накопления революционного опыта для борьбы с мировым империализмом.

Столь же многоплановой является монография А.И. Строганова [17], в которой автор на основе комплексного исследования весьма тщательно и профессионально дал обобщающую оценку политической истории стран Центральной Америки, доведя события вплоть до 1995 года, тем самым дополнил имеющийся пробел хроники политических событий второй половины 80-х-начала 90-х годов.

Продолжились исследования в области партийно-политической, при этом внимание авторов все больше приковывают вопросы, связанные с изучением истории развития правых и правоцентристских партий. В этом плане весьма важными представляются статьи А.К. Стеценко и К.Г. Лаптева [18], рассматривающих идеологию и политику ведущих политических партий Сальвадора — Христианско-демократической партии (ХДП) и партии АРЕНА в условиях поставторитарной трансформации. Авторы весьма четко увязали идеологические и политические концепции партий с выборными процессами в стране, провели анализ внутрипартийных перемен в период 80-х годов, осветили позиции партийных лидеров по выходу страны из кризиса. Вместе с тем в работах дана обобщающая характеристика партий в рамках Центральноамериканского региона, слабо показана их роль в реформировании политической системы общества. Не освещены позиции партий по ряду важнейших вопросов, в частности, в сфере организации государственной власти, в отношении проблем мирного урегулирования.

Партийно-политическая проблематика не выходит за рамки вопросов, связанных с выборными процессами в стране, привлекая внимание политологов, историков, юристов международных. В этой связи стоит упомянуть публикации А.В. Барышева, И. Пшеничникова, М.Л. Чумаковой, А. К. Стеценко [19], в которых авторы исследуют проблему выборов в стране. И если А.В. Барышев остановился только на анализе результатов выборов, слегка коснувшись хода предвыборной борьбы, то остальные авторы критически проанализировали программные установки баллотирующихся партий и их кандидатов, характер политической борьбы накануне выборов, итоги избирательных кампаний, причем проблему выборов четко увязали в контексте развития демократических перемен в стране.

Не менее важным фактором в деле развития демократии стоял вопрос национального примирения в стране, поэтому чрезвычайно полезным в освещении вопросов мирного урегулирования становятся статьи М.Л. Чумаковой и В.Н. Гришина [20]. Авторы заметное место отводят анализу разработанных в 80-е годы вариантов разблокирования конфликта в рамках механизма "Эскипулас" в контексте с миротворческими усилиями непосредственно участвующих в конфликте сторон. Авторы сходны в оценке процесса урегулирования конфликта, считая его непростым, и, в отдельных случаях, очень острым. Однако если В.Н. Гришин полагает, что основную роль в мирном процессе играет внутренний фактор, указывая на перемены в стереотипах в пользу мира, как со стороны противоборствующих сил, так и

общества в целом, то М.Л. Чумакова уклон делает на внешний фактор, считая, что особая роль в подписании мира принадлежала ООН и ее специальному представителю Альваро де Сото.

Проблемы переходного периода содержатся в материалах дискуссий и круглых столов (по проблемам латиноамериканской безопасности, Центральноамериканской формуле урегулирования, особенностям формирования правового государства, авторитаризма и демократии), освещенные на страницах журналов "Латинская Америка", "Мировая экономика и международные отношения", а также в публикациях М.Л. Чумаковой [21] и в ее докторской диссертации [22]. Эти материалы восполнили пробел в вопросах изучения содержания политической истории Сальвадора на различных стадиях конфликта и выхода из него, анализа проблем пост авторитарной трансформации, помогая определить специфику переходного периода и дали импульс постановке проблемы взаимодействия внешних и внутренних факторов, определивших ход политического развития страны.

В зарубежной литературе есть работы, в той или иной степени затрагивающих сальвадорскую проблематику. Часть этих работ относится к началу 80-х годов – времени превращения региона в «горячую точку» мировой политики. Соответственно, многие исследования, касавшиеся вопросов политического развития Сальвадора, отражали утвердившиеся в годы «холодной войны» идеологические подходы в трактовке сущности политических событий, выдвигая на первый план темы революции и контрреволюции, противоборства сверхдержав и проблемы интернационализма, нередко в ущерб научной объективности и беспристрастности анализа. В обширном массиве этих исследований можно выделить несколько основных направлений: консервативное, либеральное, объективное, социал-демократическое и леворадикальное, в рамках каждого из которых представлены различные подходы в освещении и осмыслении политической истории Сальвадора.

Среди трудов консервативного направления выделяется работа американских ученых [23], опубликованная в начале 80-х годов. Авторы Стив Ропп и Джеймс Морис рассматривают политические события в регионе сквозь призму мирового противоборства сверхдержав, используя «теории домино» и «жестких ответов» на вызовы международного коммунизма. Эти исследователи принимали участие в разработке Центральноамериканской политики США и были связаны с исследовательскими центрами республиканской партии.

К этому же направлению относится работа Кастро Морана [24], представителя сальвадорского генералитета, для которой характерны преобладание антикоммунистических лозунгов, приверженность к традиционным ценностям — семьи, собственности и порядка. В работе рассматриваются политические процессы 70-х годов в контексте исследования вопросов политических функций вооруженных сил, реформаторского потенциала офицерства. В оценке военного режима преобладает национализм и апелляция

к мощи государства, а вооруженная оппозиция представляется подрывным элементом, для искоренения которой предлагаются репрессивные меры.

Либеральное направление в зарубежной историографии наиболее полно представлено в первую очередь работами американских исследователей и общественных деятелей, участвовавших в разработке латиноамериканской политики в период администрации Картера, а затем ставшими оппонентами рейгановскому курсу (Роберт Лейкен, Теодор Моран, Р. Боннер, Филипп Рассел). Для работ этих авторов характерны критическая оценка политики США в Сальвадоре и в регионе в целом и разработка предложений о внесении в американскую политику Центральной Америки серьезных корректив.

Авторы коллективного исследования «Центральная Америка. Анатомия конфликта» [25], подготовленного при содействии Фонда Карнеги под редакцией Р. Лейкена делают выводы о цикличности Центральноамериканской истории, размышляют о «зависимой демократии» в Сальвадоре и пытаются предсказать дальнейшую судьбу демократии. Так Вольтер Ла Фабер, подвергая критическому анализу политику США, приходит к выводу, что «экспортированная экономика» с преобладанием американских компаний, усиление Альянса прогресса, где главную роль играли американский капитал и военные советники, привели к тому, что в начале 80-х годов Соединенные Штаты стали главным сторонником сальвадорского режима. А это не могло остановить кровопролитие или сами реформы [26].

Исследователь Р. Лейкен, освещая генеалогию сальвадорских левых в сравнении, нашел не только общие точки соприкосновения, но и выделил различия демократической оппозиции в лице Революционно-демократического фронта (РДФ) и вооруженной оппозиции в лице Фронта Национального освобождения им. Ф. Марти (ФНОФМ). И на основе обобщающего анализа пришел к выводу, что «интеграция ФНОФМ-РДФ в единую организацию не совсем полезна, так как присущая оппозиции линия демократии превалирует над линией социализма и советизма, что несет опасность для судьбы демократических реформ» [27].

Исследуя роль армии в политике, историк Р. Миллет подчеркивает, что политика в отношении Центральной Америки не может игнорировать ведущую роль вооруженных сил. Будущее армии будет зависеть «от их способности эволюционировать от репрессивного преторианизма к институту, защищающему интересы и безопасность всей нации» [28]. К аналогичному заключению приходит Р. Боннер, анализирующий политику США в Сальвадоре и особенности политического развития страны на рубеже 70-80-х годов. Характерно его сравнение сальвадорской оппозиции с «политическим кубиком Рубика», а также выводы об особой роли военных в государстве: «военщина сама была законом и стояла над законом» [29]. А политолог Д. Дикей показал расхождения между целями и результатами американской политики в Сальвадоре, приведшей к усилению «фашистского правого крыла офицерского

корпуса» за демократическим фасадом, возведенным с помощью Вашингтона [30, Р.47].

В зарубежной историографии насчитывается ряд фундаментальных исследований, которые можно отнести к объективному направлению. Используя конкретно-исторический анализ и обширную источниковую базу, авторы этого направления освещают особенности политического развития страны, основные этапы эволюции политических систем, не обнаруживая при этом признаков идеологической предвзятости и тенденциозности.

К этому направлению следует отнести фундаментальное исследование Дж. Данкерлея «Власть на перешейке» [31], охватывающее период с XVI века до середины 80-х годов XX века. В книге воссоздана панорама политической истории стран региона, рассмотрены особенности их социально-экономического и политического развития и выделены характеристики авторитарных режимов. Богатейший фактический материал, обилие статистических данных, хронологических таблиц ставят книгу в ряд первоклассных исследований политической проблематики.

К этому же направлению относится книга Энрике Балойры «Сальвадор на переходе», в которой интерес вызывает предложенная автором периодизация современной истории этой страны: «этап «военного реформизма» 60-х годов сменяется «реакционным деспотизмом» 70-х годов» [32]. Привлекает внимание и исследование Дж. Норты «Горькая земля. Причины восстания в Сальвадоре» [33], в которой детально рассматривается деятельность и взаимоотношения партий и леворадикальных Повстанческих организаций, классифицируя их по двум направлениям: вооруженные и народные. Опираясь на обширную источниковедческую базу, автор анализирует программы и стратегию организаций, образующих левую оппозицию, и пытается делать прогноз общественно – политического развития страны в случае прихода к власти демократического правительства.

Среди работ латиноамериканских и Центральноамериканских авторов отсутствуют исследования объективного направления. Это, видимо, можно объяснить накалом идейно-политической борьбы в регионе, не оставившей в стороне и ученый мир стран региона. Для этих авторов была более характерна социал-демократическая направленность исследований с большим упором на проблемы социального неравенства, зависимой экономики, отсутствия демократии. В поле зрения авторов этого направления (Э. Торреса-Риваса, Р. Менхивара, Н. Марискаля, И. Эльякура) оставались проблемы политической модернизации и поиск путей выхода из кризиса.

Гватемальский исследователь Э. Торрес-Ривас, анализируя кризис власти, характеризует сальвадорский авторитаризм в декаду 70-х годов как «старое, но искусное государство» и вводит в связи с этим понятие «национального превентивного государства» [34]. Исходя из политической характеристики государственного механизма репрессивного характера, Э. Торрес-Ривас усматривает определенные основания для оптимизма в появлении новых

гражданских и нравственных сил в Центральноамериканском обществе, методы борьбы которых приняли чрезвычайно насильственный характер, ставшего ответом на постоянные репрессии, с помощью которых буржуазия осуществляла свое господство.

Продолжая тему государственного насилия, политолог И. Эльякуриа отмечает, что «последней фазой репрессивного насилия государства является конфликт, который переходит в состояние гражданской войны» [35]. При этом ученый справедливо замечает, что на определенном отрезке вооруженного противостояния отмечается переход к революционному насилию и репрессиям и приходит к выводу, что «насилие войны не бывает достаточным ни к сохранению статус-кво, ни к разрешению учрежденного насилия».

Статьи Н. Менхивара, анализирующие политические события в Сальвадоре, сопровождаются оценками ближайших перспектив политического развития. Например, характеризуя деятельность христианских демократов на рубеже 70-80-х годов в составе военно-гражданской хунты, ученый, основываясь на блестящем знании предмета исследования, делает прогноз о военных перспективах этого альянса, в котором христианские демократы займут второстепенное положение, а это грозит недолговечностью такого союза [36]. В последующей работе, написанной Н. Менхиваром в 1989 году, он предлагает сценарий политического урегулирования конфликта, который полностью подтвердился спустя 3 года [37].

Американская историография социал-демократического направления представлена работами ученых из исследовательского центра НАКЛИА (North American Congress of Latin America). Для авторов этого направления характерны резко критическое отношение к политике администрации Рейгана, осуждение политики правящего режима и явные симпатии к левым силам. Внимание этих исследователей привлекали пути революционного движения в странах региона. Так в книге Томми Монтгомери «Революция в Сальвадоре» автор жестко критикует политику военно-гражданской хунты и приходит к выводам о неизбежности краха реформистского проекта и победе революции. При этом она выражает надежду на победу «революционной левой» [38] и отдает дань восхищения повстанцам ФНОФМ. В исследовании отсутствует реальный анализ соотношения политических сил и военной мощи противоборствующих сторон.

Таких же воззрений придерживаются европейские ученые Р. Андино, Д. Мис, Р. Шмидт, считая, что «антиимпериалистическое движение в Сальвадоре явилось закономерной формой народной борьбы против зависимости и отсталости» [39]. При этом полностью исключаются признание реформистских проектов, и выражается надежда на победу национально-освободительного движения. Ставка на победу революции в Центральной Америке в целом снимает вопросы исследования мирного урегулирования военного конфликта в пользу развития демократии.

Для авторов леворадикального направления также характерны стойкие антиимпериалистические воззрения, лежащие в основе их видения политического развития. Это направление представлено в основном публицистическими статьями деятелей левых партий, руководителей повстанческих организаций. Работы В. Монтеса, Ш. Хандаля, Х. Вильялобоса, Х. Барриоса [40] посвящены проблемам единства левых сил, путей и форм революционной борьбы, тем самым содержат богатый материал для изучения стратегии и тактики революционеров-профессионалов, понимания их политических взглядов. Однако, содержащиеся в их публикациях оценки уровня экономического развития страны, соотношения политических сил имеют односторонний подход, что приводит к искажениям фактов сальвадорской действительности. Их вера в торжество революции, в справедливость народно-демократической власти нередко сочеталась с милитаристскими подходами к решению политических проблем.

Таким образом, анализ научной литературы по данной проблематике дает возможность сказать, что период 70-90-х годов XX столетия в истории Сальвадора не получил полноценного освещения в исторических исследованиях. Говоря об основных историографических проблемах исследования, фрагментарно освещенных в работах различных авторов, можно констатировать тот факт, что слабо исследованы вопросы, связанные с такими внутриполитическими проблемами Сальвадора как позиции и взгляды политических партий на перспективы общественного развития страны, конкретные шаги правительства по выходу страны из кризиса. Частично исследованы вопросы развития законодательной базы демократии, становление структур гражданского общества, проблем постконфликтного периода развития страны. И самым главным пробелом является отсутствие комплексного обобщающего труда по политической истории Сальвадора за последнюю четверть XX века. Автор статьи попытался восполнить пробел в отечественной научной литературе своим диссертационным исследованием [41], в котором проработаны обозначенные проблемы. В условиях продолжающихся региональных, локальных конфликтов в современном мире, тема политического конфликта в Сальвадоре, остается актуальной для дальнейшего исследования.

Ссылки и примечания:

1. Ворожейкина Т.Е. Революционные организации Сальвадора и народное движение // Латинская Америка, 1982, № 7. – С.23-36; Гришин В.К. Кризис диктатуры и развитие революционно-демократического движения // Страны Центральной Америки: тенденции социально-политического развития – М.: ИЛА РАН, 1986. – С. 156-182; Леонов Н.С. Сальвадорская драма // Латинская Америка, 1981, №8. -С.5-22.

2. Развивающиеся страны в современном мире: пути революционного прогресса / отв. ред. А.Е. Бовин, К.Л. Майданник, Э.Е. Обминский – М.: Наука, 1986 – 405 с.
3. Пролетариат и революционный процесс в Латинской Америке / отв. ред. Б.И. Мерин – М.: Наука, 1985 – 375 с.
4. Барышев А.В. Сальвадор: трудный путь к свободе – М.: Знание, 1981 – 64 с.; Пащук В.В. Латинская Америка: Сражающийся континент – К.: Рад. школа, 1987 – 232 с.; Попов И.М. Враг не пройдет! : Радио Кубы, Никарагуа, Сальвадора в борьбе против контрреволюции и империализма – М.: Искусство, 1989 – 172 с.
5. Господствующие классы Латинской Америки / под ред. А.Ф. Шульговского – М.: Наука, 1978 – 443 с.; Политическая система общества в Латинской Америке – М.: Наука, 1982 – 476 с.
6. Разумович Н.Н. Кто и как правит в Латинской Америке – М.: Международные отношения, 1967. – 264 с.
7. Мирский Г.И. Третий мир: общество, власть, армия – М.: Наука, 1976 – 408 с.; Шульговский А.Ф. Армия и политика в Латинской Америке – М.: Наука, 1979 – 566 с.
8. Чумакова М.Л. Сальвадор: армия в правящем блоке // Латинская Америка, 1984, № 3. – С.17-30.; Чумакова М.Л. Контрреволюционные силы в Сальвадоре // Научно-информационный бюллетень Латинской Америки – М.: АН ИЛА, 1984, №88. – С.5-32.
9. Стеценко А.К. Политические амбиции ХДП Сальвадора // Латинская Америка, 1985, № 2. – С. 16-26.
10. Гришин В.Н. Общее и особенное в решении проблем единства революционно – демократических сил Сальвадора // Латинская Америка 80-х: проблемы единства демократических и антиимпериалистических сил / под ред. Б.И. Мерица. – М.: ИЛА РАН СССР, 1988. Вып.4. – С. 164-177.
11. Крестьянинов В.Н. Проблемы борьбы сальвадорского народа за подлинную независимость и социальный прогресс в конце 70-х- начале 80-х годов. - Дис. канд. истор. наук. – М.: ИЛА РАН, 1985. ; Родригес А.П. Повстанческое движение в Сальвадоре в 80-е 90-е годы – Автореф. к-та истор. наук, 1995.; Кузмищев А.В. Левые силы: проблемы сотрудничества и борьбы (Центральная Америка конца 70-х – начала 80-х годов) – Дис. канд. истор. наук. М.: ИЛА РАН, 1991.
12. Шульговский А.Ф. Вооруженные силы и гражданское общество в условиях процесса демократизации // Государство, гражданское общество и процесс демократизации в Латинской Америке. – М.: ИЛА РАН, 1995. – С. 207 – 230.; Мирский Г.И. Роль армии в политической жизни стран "третьего мира" – М.: Наука, 1989. – 196 с.
13. Сударев В.П. Международные аспекты центральноамериканского кризиса // Актуальные проблемы международных отношений латиноамериканских стран/ отв. ред. Б.Ф. Мартынов – М.: ИЛА АН СССР, 1987. – С.61-79. ;

- Камынин М.Л. Проблемы Центральной Америки в ООН // Там же – С. 80-89.; Оборотова М.Л. США: борьба с освободительным движением в Центральной Америке (1977-1988) – М.: Наука, 1989. – 160 с.
14. Центральноеамериканский конфликт: от противоборства к урегулированию / под ред. В.П. Сударева и А.Н. Глинкина – М.: ИЛА РАН, 1992. -204 с.
  15. Леонов Н.С. Новая и новейшая история стран Латинской Америки – М.: Наука, 1975. – 328 с.
  16. Страны Центральной Америки: тенденции экономического и социально-политического развития/ под ред. В.В. Вольского, В.И. Морозова, Ю.Г. Онуфриенко, М. Л. Чумаковой. – М.: Наука, 1986. – 335 с.
  17. Строганов А.М. Новейшая история стран Латинской Америки – М.: Высшая школа, 1995. – 415 с.
  18. Стеценко А. К. Идеология и политика христианско – демократической партии Центральной Америки // Латинская Америка 80-х: партийно-политическая структура стран региона. – М.: АН ИЛА, 1989,- С.80-96. ; Лапшев Е.Г. Идеология и политика латиноамериканского неоконсерватизма // Там же.- С.26-40.
  19. Барышев А.В. Балаган с "выборами" // Новое время, 1984, №21. – С.12-13. ; Пшеничников И. Трудные дни Сальвадора // Эхо планеты, 1989, № 12,- С.16-19.; Чумакова М.Л. Сальвадор: перемены в верхах // Латинская Америка, 1989, № 8,- С. 33-44.; Стеценко А.К. Сальвадор // Социальная и политическая ситуация в Латинской Америке. Итоги 1990-91 – тенденции 1992 гг. / отв. ред. З.Л. Ивановский. - М.: ИЛА РАН, 1992. - С.111-117.
  20. Чумакова М.Л. Сальвадор: долгий путь к миру // Латинская Америка, 1992. – № 5 - 6. – С.3 - 14.; Гришин В.Н. Сальвадор: проблемы и перспективы национального примирения // Латинская Америка, 1989, № 9.- С.35-43.
  21. Чумакова М.Л. Факторы политической стабилизации в переходный период // Латинская Америка, 1996, № 7 - 8. – С. 134 - 139. ; Чумакова М. Л. Куда идет Центральная Америка // Латинская Америка, 1993, № 5. – С.33 - 42.
  22. Чумакова М.Л. Политические процессы в Центральной Америке (70-е-90-е годы). – Дис ..... д-ра полит. наук. – М.: ИЛА РАН, 1996.
  23. Ropp S., Morris G. Central America of conflict. – N.Y., 1981.
  24. Moran Castro Funcion politica del ejercito salvadoreno – San Salvador, 1984. – 455 p.
  25. Central America. Anatomy of conflict/ Ed by R.S. Leiken – N.Y., 1982.
  26. La Faber W. The burdens of the past // Central America. Anatomy of conflict. – P.49-67.
  27. Leiken R. The Salvadoran left// Ibid- P. 1 11-130.
  28. Millett R. Praetorians or Patriots? The Central American military// Ibid -P.69 -91.
  29. Bonner R. Weakness and Deceit United State policy and el Salvador.-N.Y., 1984.-P.67.
  30. Dickey Ch. Obedesco pero no cumplo // Central America. Anatomy of conflict. – P. 47.

31. Dunkerley L. Power in the Isthmus. A political history of modern Central America. – London-New-York, 1980. – 690 p.
32. Baloyra E. El Salvador in transition – London, 1982. – 236 p.
33. North G. Bitter Grounds. Roots of Revolt in el Salvador – Toronto, 1982.-110 p.
34. Torres-Rivas E. Centroamerica: guerra, transicion y democracia //Бюллетень научной документации/ Сост. И.Г. Мартинес – М. : ИЛА СССР, 1987, № 9.- С.25-38.
35. Ellacuria I. Ractores endogenos del conflicto centroamericano: crisis economica y desequilibrios sociales // Там же. — М.: ИЛА СССР, 1987, №9. – С.7-25.
36. Menjivar R. Democracia cristiana y militares perspectivas de una alianza // Estrategia, 1980, № 32.
37. Menjivar R. El Salvador: problemas y perspectivas // America Central hasia 2000. Desafios y opeiones.- Caracas, 1989.
38. Montgomeri T Revolution in el Salvador.-Boulder, 1982.- 252 p.
39. Андино Р., Мис Д., Шмидт Р. Революция в Центральной Америке – Перевод с немец. – М.: Прогресс, 1985,- 199 с.
40. Монтес В. Что происходит в Сальвадоре // Проблемы мира и социализма, 1977, № 12. – С.59-61.; Хандаль Ш.Х. Центральная Америка – кризис военных диктатур // Латинская Америка, 1979, №6.- С.32-36.; Хандаль Ш.Х. Суть революции – наступление // Проблемы мира и социализма, 1985, № 4.- С.24-30.; Villalobos J. For que lucha el FMLN? Analisis y co inclusiones sobre el actual estado de la guerra en el Salvador- Managua, 1989- 59p.; Барриос Х. Наступление ради политического урегулирования //Проблемы мира и социализма, 1990, № 3.-С.84-86.; Барриос Х. Народная власть действует // Проблемы мира и социализма, 1985, № 11.- С.39-40.
41. Скворцова Л.А. Сальвадор в условиях перехода от диктатуры к демократии (70-90-е годы XX века) – Дис. ... канд. истор. наук. 07.00.02. «Всеобщая история». – Донецк: ДонГУ, 1999.

Отечественная и региональная история

УДК 93:37.018.32(477.6)«192»

В.Ю. Носков

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: n.v.vladimir@gmail.com

ФОРМИРОВАНИЕ ОБРАЗА ВОЕННОГО ДЕТСТВА В СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЕ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ИЮНЬ–ДЕКАБРЬ 1941 г.)

Аннотация

В статье рассматривается становление образа детства в пропаганде СССР на начальном этапе Великой Отечественной войны, в основу которого были положены советские довоенные идеологические представления о ребенке. Образ счастливого советского детства соединял заботу государства о ребенке и государственное руководство его воспитанием. Усложнение функций образа военного детства, прежде всего, доминирование мобилизационных задач, привели к усложнению его структуры.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, советская пропаганда, образ, детство.

Summary

The article considers the formation of the image of childhood in the propaganda of the USSR at the initial stage of the Great Patriotic War, which is based on the pre-war Soviet ideological representation of the child were placed. The image of a happy Soviet childhood connected the care of the state of the child and state leadership of his upbringing. Complication the functions of the image of the military childhood, especially the dominance of mobilization tasks, led to the complication of its structure

Keywords: Great Patriotic War, Soviet propaganda, the image, childhood.

Великая Отечественная война явилась не только геополитическим, боевым, технико-экономическим, внешнеполитическим, но и ментальным, мировоззренческим, идеологическим противостоянием. Неотъемлемой частью войны стали пропагандистские технологии, направленные на мобилизацию вооруженных сил и населения. С началом военных действий содержание советской пропаганды, сохранившей партийно-государственную монополизацию и высокую степень институционализации, претерпело существенные изменения, теоретические установки уступили место эмоционально насыщенным, художественно ярким образам. В этом контексте детские темы, сюжеты превратились в одни из ведущих во всех формах и средствах пропаганды, ведь генетическая, историческая, культурологическая,

религиозная природа отношения родителей к ребенку была и остается одним из ключевых факторов воздействия на общественное сознание.

В условиях современных острых идеологических дискуссий, масштабного применения манипулятивных практик закономерно вырос интерес отечественных исследователей к организации советской пропагандистской работы периода Великой Отечественной войны. Среди ключевых образов общественного сознания периода Второй мировой войны наиболее изученным является образ врага. Е. Сенявская акцентирует внимание на том, что одним из маркеров образа захватчиков было определение «детоубийцы», при этом характеристика жертв агрессии включалась в смысловую структуру образа врага [1]. Исследователи пропагандистских образов выделяют три основных этапа развития советской пропаганды в период Великой Отечественной войны: июнь – декабрь 1941 г. – использование довоенных образов; декабрь 1941 г. – август 1944 г. – разработка и трансляция сложных, тесно связанных с народными представлениями пропагандистских образов, военно-мобилизационной направленности; сентябрь 1944 г. – май 1945 г. – доминирование образа И. В. Сталина и государства в пропагандистских практиках [2]. К анализу собственно пропагандистского образа военного детства никто из историков пока специально не обращался.

Цель статьи – проанализировать поиск советской пропагандой форм и содержания образа военного детства в контексте общих идеологических изменений в наиболее сложный мобилизационный период лета и осени 1941 г.

Источниковую базу исследования составили директивные документы, сообщения Совинформбюро, материалы советской прессы.

В 1920–1930-е гг. образ детства в советском смысле пространстве коррелировался с общественными трансформациями, метафорически воплощал «рождение» и «взросление» первого в мире социалистического государства. На уровне публичной риторики 1930-х гг. такой образ являл собой двуединую структуру. С одной стороны, презентовалась забота со стороны государства, направленная на создание условий для безопасного и полноценного развития несовершеннолетних. С другой стороны, дети рассматривались в качестве «маленьких» взрослых, особые усилия государства направлялись на их подготовку к будущей миссии строителей коммунизма, на трудовое, военно-патриотическое воспитание[3].

Образы детства активно использовались для противопоставления социалистического строя «империалистическому» окружению. Например, Р. Фраермантак критиковал гитлеровские «Нюрбергские расовые законы» 1935 г.: *«Вспоминаешь процентную норму для евреев в школах, вспоминаешь погромы и, что куда хуже погромов, то ужасное чувство безысходности, тоски, которое никогда не покидало людей, не покидало даже меня, маленького мальчика»* [4]. Фашизм представал в виде силы, несущей угрозу детям и разрушающей детство. В годы гражданской войны в Испании (1936–1939 гг.) в советской периодике появились описания авиаударов по республиканским

городам, как, например, в статье «Жизнь осажденного Мадрида» в газете «Артемівський робітник»: *«Ежедневно здесь погибают десятки людей, среди них много женщин и детей, разорванных, искаженных, искалеченных бомбами и снарядами немецких и итальянских интервентов»* [5].

К концу 1930-х гг. на формирование образа детства в советской пропаганде значительное влияние оказало конструирование образа будущей войны. О.В. Будницкий обращает внимание на факты появления и широкого распространения исторических работ, а затем и публицистических, художественных произведений, кинофильмов, мемориальных практик, связанных с личностями Александра Невского, А.В. Суворова, историей Отечественной войны 1812 г. [6]. Военные победы прошлого, в информационных компаниях должны были обосновать обществу неизбежность успеха СССР в грядущей войне. Эти идеологические компании положили начало постепенному размыванию идеи мировой революции и, в свою очередь, укреплению патернализма в общественных взглядах и настроениях [7].

Нападение Германии 22 июня 1941 г. повлекло за собой фундаментальные изменения в идеологической системе СССР, война стала единственным определяющим фактором жизни государства, а победа – абсолютной ценностью. Уже в первые дни с момента начала боевых действий, в речах руководства страны и газетных публикациях определяется не только название конфликта, но и происходит его смысловое наполнение, в основу которого положен принцип тотальности, подразумевавший вовлечение всего народа в борьбу с врагом. Идея Великой Отечественной войны на протяжении 1941–1945 гг. доминировала во всем советском смысловом пространстве. Получили распространение идентификаторы, метафорически связанные с семьей и детством, подчеркивающие родственность всех граждан СССР между собой, их неразрывную связь с героическим прошлым. Первое обращение И. В. Сталина к советскому народу после начала Великой Отечественной войны по радио 3 июля 1941 г. начиналось словами: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! Бойцы нашей армии и флота! К вам обращаюсь я, друзья мои!» Центральным стал женский образ «Родины-матери», который был генетически связан с дореволюционной идеологемой «России-матушки», но включал более широкий смысл, поскольку подразумевал все народы СССР [8]. Так, в пропагандистских материалах, текстах присяг и художественных произведениях символическая всеобщность единства граждан выражалась в обозначении советских граждан как сыновей и дочерей Советской Родины, трудового народа. Ярким примером этой тенденции может служить плакат Кукрыниксы с текстом С. Маршака: «Бьёмся мы здорово, колом отчаянно – внуки Суворова, дети Чапаева» [9].

Представление о том значительном месте, которое занимали образы детей и детства в советской пропаганде периода Великой Отечественной войны, дают сообщения Совинформбюро, которое в соответствии с Постановлением ЦК ВКП (б) и СНК СССР от 24 июня 1941 г. осуществляло руководство всей

работой по освещению международных событий, внутренней жизни страны, составление и публикацию сведений по материалам Главного командования [10]. Автором этой статьи подсчитано, что за период 1941–1944 гг. упоминания о советских несовершеннолетних гражданах присутствуют в 384 сообщениях, что составляет 16,2 % от общего сводок. В июле – декабре 1941 г. дети, школьники, ученики, учащиеся, пионеры, юные патриоты упоминались в 45 сообщениях Совинформбюро (см. табл.1). В июле 1941 г. из 11 сообщений 3 были посвящены преступлениям против детей, 5 – трудовому участию детей в общей борьбе и 3 – боевым подвигам детей. Такое соотношение сводок по их содержанию отражает лишь корректировку образа детства и попытку его целостной трансляции. Объединение новых тем и лозунгов со структурными элементами предвоенного образа детства мы встречаем в одном из наиболее ярких произведений военной публицистики начального периода войны – «Письмах к товарищу» Бориса Горбатова: «Товарищ! Если ты любишь Родину и своего сына, и будущее его дорого тебе, – бей, без пощады бей, без жалости бей врага!» [11].

Не сразу произошел отказ от пропагандистского акцента на заботе государства о детях. Так, в своей директиве от 23 июня 1941 г. Главное управление политической пропаганды РККА нацеливало начальников управлений политпропаганды фронтов, округов, армий главный упор в политическом обслуживании мобилизованных в пунктах формирования делать на разъяснении постановлений СНК о пенсиях и пособиях семьям военнослужащих [12]. Однако смысловое наполнение образа ребенка как объекта государственной заботы входило в острое противоречие с действительностью, в которой Советский Союз терпел военные поражения и вынужден был сдавать территории стремительно наступающему врагу. Наиболее распространенным мобилизационным детским образом становится образ ребенка-жертвы, направленный на формирование образа врага как «детоубийцы», он доминировал в радиоэфирах, газетах, кинематографе, агитационных плакатах, открытках. Так, в сводках Совинформбюро этот образ доминирует с ноября 1941 г., в декабре было передано 12 соответствующих сообщений (т.е. вчетверо больше, чем в июне) (см. табл.1), в целом же на протяжении войны преступления против детей и детства разоблачались в 365 сообщениях.

Таблица 1

Распределение сообщений Совинформбюро, включающих информацию о детях, по месяцам, 1941 г. [13]

Содержание сводки \ Месяц	Июль	Август	Сентябрь	Октябрь	Ноябрь	Декабрь	Всего
Преступления против детей	3	9	7	3	7	12	31
Детский труд	5	1	–	1	–	–	7
Подвиги детей	3	–	3	–	–	–	6
Всего	11	10	10	4	7	12	45

Первые сообщения о детских жертвах были связаны с авиационными ударами Люфтваффе по населенным пунктам. На примере фрагмента из сообщения Совинформбюро от 6 июля 1941 г. нетрудно заметить использование опыта освещения в прессе испанских бомбардировок: *«Гитлеровские летчики расстреливают с самолетов мирных жителей и гонятся даже за детьми. Один из фашистских стервятников напал на днях на грузовой автомобиль, отвезивший в тыл женщин и детей. Пулеметной очередью бандит убил жену техника Зеленко и тяжело ранил 3-летнего мальчика»* [14]. В дальнейшем внимание к бомбардировкам снижается, за исключением освещения блокады Ленинграда. Собственно, одним из первых воплощений образа ребенка-жертвы стал плакат «Не простим немецко-финским бандитам» (декабрь 1941 г.). На нем изображена убитая школьница, лежащая на снегу, а рядом – окровавленные тетради.

Главное место в создании образа ребенка-жертвы заняло освещение преступлений фашистов на оккупированной территории. На начальном этапе Великой Отечественной войны, в силу практически полного отсутствия информации, имело место непонимание характера и масштабов преступлений против детей и детства, что вело к формированию искаженного и неубедительного образа. Описание немецких солдат в прессе основывалось на старых стереотипах. В сводке от 29 августа 1941 г. говорится, что *«В селе Козинец немецкий кавалерист за пропавшую уздечку поджег избу колхозника Паламарчука и зарубил насмерть его ребенка»*. Сочетание «кавалерист» и «зарубил» апеллирует к образам белоказаков, которые пашкой убивают невинных людей и т.д. В свою очередь, стоит отметить факт отсутствия на вооружении личного состава Вермахта подобных видов клинкового оружия. В сообщении Совинформбюро от 25 ноября 1941 г. после описания преступления

утверждалось: «Женщины собрались к месту убийства и устроили демонстрацию «Долой фашистских разбойников!» 15].

Осенью 1941 г. начинается активный поиск информации о положении населения оккупированных территорий. Осознание необходимости формировать информационные материалы на достоверных фактах отражает запись в дневнике советского писателя, корреспондента «Правды», руководителя оперативной группой писателей при политуправлении Балтфлота В. Вишневого от 19 сентября 1941 г.: «Есть люди, которые сейчас теряются: живут слухами, пьют, распускают нервы. Надо бороться за души людей! Шире, активнее агитацию и объективную информацию» [16]. Степень актуальности достоверных данных наглядно иллюстрирует в своих воспоминаниях главный редактор «Красной звезды» (1941–1943 гг.) Д. И. Ортенберг: «В одном из сел под Харьковом встретили они старшего политрука Сергея Езерского, только что вырвавшегося из немецкого плена. Захватили его гитлеровцы раненым и отправили <...> в так называемую «Уманскую яму». Согнали туда не только военнопленных, а и множество мирных жителей – стариков, женщин, детей. Голод, пытки, истязания, травля собаками, расстрелы по малейшему поводу и без повода – все было здесь» [17]. Полученную информацию спешно передали в Москву по армейской спецсвязи.

Военные реалии внесли изменения в освещение советскими информационными ресурсами сюжетов, связанных с трудовым и военно-патриотическим воспитанием несовершеннолетних. Следует отметить, что в данных сюжетах изменения произошли наиболее быстро. С одной стороны, возникла острая потребность активного включения несовершеннолетних в трудовую деятельность и оборону страны, а с другой – и в довоенной пропаганде дети позиционировались не только как объект воспитания, но и как активные граждане. В 7 сводках Совинформбюро за первые 6 месяцев войны содержалась информация об участии школьников в сельскохозяйственных работах, помощи учеников семьям военнослужащих, работе учащихся профтехучилищ на промышленных предприятиях. Три сводки за июль 1941 г. содержали сюжеты о помощи детей в поимке диверсантов (полностью в предвоенной литературно-пропагандистской стилистике), а вот уже в сентябре появились сообщения о подвигах детей на оккупированной территории (три сводки) (см. табл.1). В дальнейшем главную роль в формировании образов ребенка-труженика и ребенка-героя играли пресса, фотоискусство, художественная литература, кинематограф.

Рассмотренный материал позволяет сделать следующие выводы. Цельный идеологический образ советского детства 1930-х гг. объединял в себе представления о ребенке как объекте заботы государства и как социализирующемся посредством трудового воспитания гражданина и патриота. Важной задачей, ставшей перед советским агитпропом, в первые дни войны стала обеспечение мобилизации населения страны на войну с

агрессором. В этом контексте, значительная роль отводилась сюжетам посвященных детям и детству, Усложнение функций, усиление ответственности, поиск наиболее эффективных форм влияние на общественное сознание привели к принципиальной трансформации образа детства. На протяжении июня–декабря 1941 г. в отличие от довоенного цельного образа «счастливого детства», внутренняя структура образа военного детства приобрела сложный гетерогенный характер. Образ военного детства составили обладающие значительной автономией и внутренне структурированные образы ребенка-жертвы, ребенка-подопечного, ребенка-труженика, ребенка-героя.

Ссылки и примечания:

1. Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е. С. Сенявская. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 288 с.
2. Галимуллина Н.М. Советско-партийная пропаганда периода Великой Отечественной войны как проблема историко-политического анализа: автореф. дис... канд. ист. наук: 23.00.01 «Теория политики, история и методология политической науки» /Н.М. Галимуллина. – Казань, 2005. – 20 с.
3. Литовская, М. А. «Потешное войско» в русской литературе 1930-х годов / М.А.Литовская // Мальчики и девочки: реалии социализации: сборник статей. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2004. – С.328-337
4. Ольга Севина Эхо «Священной войны». Контекст эпохи: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://olg15960418.narod.ru/sntwarcont.html>
5. Артемівський робітник. – 1938. – 8 января
6. Одесса: жизнь в оккупации. 1941–1944 / Сост., отв. ред. – М.: Политическая энциклопедия, 2013. – 229 с.
7. Сенявский А.С. Трансформация советской идеологии в период Великой Отечественной войны и ее влияние на психологию народа / Сенявский А. С. Сенявская Е. С. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ebookiriran.ru/index.php?view=article&section=8&id=156>
8. Рябов О.В. «Россия-Матушка»: История визуализации / О. В. Рябов: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cens.ivanovo.ac.ru/almanach/riabov-2008.htm>
9. Плакаты войны и победы.1941–1945 / Сост. П.А.Снопков и др. – М: Контакт–Культура, 2005. – С. 8–16.
10. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986) [В 15 т.]: сборник. Т.7: 1938–1945 / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – 9-е изд., доп., испр. – М.: Политиздат, 1985. – С.213.
11. Горбатов Б. Годы борьбы. Произведения военных лет / Б. Горбатов. – М.: Воениздат, 1955. – С.161
12. Русский архив: Великая Отечественная. Т.17-6 (1-2): Главные

политические органы Вооруженных Сил СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Документы и материалы / Под. общ. ред. Золотарева В.А. – М.: ТЕРРА, 1996. – С.19–20.

13. Составлено автором по материалам: Сообщения Советского информбюро: в 8 кн. Т.1: Июнь–декабрь 1941 года. – М.: Издание Совинформбюро, 1944. – 456 с.
14. Там же. – С.29.
15. Там же. – С.372.
16. Вишневский Вс. Собр. соч.: в 5 т. Т.3 / Всеволод Вишневский – М.: Гос. изд-во художественной литературы, 1960. – С.134
17. Ортенберг Д.И. Июнь – декабрь сорок первого: Рассказ-хроника / Д.И.Ортенберг. –М.: «Советский писатель», 1984. – С.177–178.

Всемирная история

УДК 94(3)

Л.Л. Селиванова

Центр античной истории Отдела сравнительного изучения древних цивилизаций ИВИ РАН (Москва)
e-mail: larleon@mail.ru

МОНУМЕНТ ДАОХА (история одного предательства)

Аннотация:

В статье, на примере скульптурного посвящения фессалийского династа Даоха II в Дельфы (IV в. до н.э.), показано, как патриотическая идея борьбы с варварами была использована правителем, предавшим родину царю Македонии Филиппу. Анализируется надпись на базе одной из статуй монумента. Материал может быть использован в преподавании истории Древней Греции и в политических науках для иллюстрации того, как представитель правящей элиты жертвует национальными интересами ради личного благополучия.

Ключевые слова: *Панэллизм, Фессалия, Даох II, Филипп II Македонский.*

Summary:

While the dedication of a sculptural group by the Thessalian dynast Daochus II to Delphic sanctuary carried the message of a patriotic fight against the barbarians, the author reinterprets it as reflecting Daochus' betrayal of Thessaly to the Macedonian king Philip II. This material can be used in classes on ancient Greek history and political science to illustrate how an individual member of the ruling elite sacrificed national interests for the sake of personal advantage.

Keywords: *Panhellenism, Thessaly, Daochus II, Philip II of Macedonia*

Современная крайне нестабильная международная обстановка: мировой экономический кризис, смена конфигурации геополитических сил, растущая напряженность, инспирированные извне вооруженные конфликты, «цветные революции», государственные перевороты, предваряемые информационной агрессией с внедрением политических мифов, превращение военной силы в одно из главных средств решения всех проблем, – эти и другие вызовы и угрозы международной и региональной безопасности в эпоху глобализма заставляют вновь актуализировать старые дискурсы. В их числе вопросы взаимоотношения власти и общества, правительства и народа, роль политических элит в судьбах стран и народов, личная ответственность первых лиц государства, способность власти своевременно и адекватно отвечать на внешние вызовы, отстаивая

национальные интересы. В переломные моменты истории, когда проверку на прочность проходят государство, общество, индивидуум, в поисках выхода из кризиса обращаются к историческому опыту. Богатый материал для этого дает эпоха Филиппа Македонского, который проводил успешную активную экспансию, умело сочетая военные и политические средства, используя борьбу различных группировок и деятелей в своих целях. После битвы при Херонее в 338 г. до н.э. Греция потеряла свою независимость и подпала под власть Македонии. Социально-экономический кризис, внутренние смуты, политическая раздробленность и междоусобицы не позволили грекам создать единый фронт и противостоять общему врагу. Но еще задолго до победы македонян в греческих полисах происходило идейное брожение, вылившееся в борьбу двух политических группировок – олигархической и демократической. Первая, промакедонская, видела в Филиппе спасителя, «учредителя порядка», объединителя эллинов в походе на Восток, против персов. Вторая считала его злейшим врагом греческой демократии, независимости и свободы. В условиях агонии полисного строя все попытки патриотически настроенных демократических сил оказались обречены на поражение. И во многом благодаря предательству олигархов, готовых пойти на любые сделки с иноземцами ради сохранения власти и привилегий. Об одном из таких предателей и пойдет речь в статье.

Предметом нашего исследования является надпись IV в. до н.э. на базе статуи Телемаха из Фарсала, найденная в Дельфах и опубликованная директором Французской археологической школы в Афинах Т. Омоллем в 1897 г. [1]. Статуя была частью памятника правящей династии, который посвятил в Дельфы фессалийский династ Даох II, сын Сизифа [2], когда исполнял обязанности гиеромнемона [3] в 338-334 гг. до н.э. Монумент изначально располагался к северо-западу от храма Аполлона. Восемь мраморных изображений представляли восемь членов фессалийского рода в шести поколениях, начиная с его основателя тетрарха Акнония (V в. до н.э.) и заканчивая юным Сизифом II [4]. Предваряет вереницу некая сидящая фигура, о которой еще будет сказано. Сама по себе эта группа не является исключительной: подобные приношения (которые немецкий археолог А.Х. Борбайн определяет термином *Familiengruppe* [5]) известны в греческих святилищах с конца IV в. до н.э. Такие посвящения связаны с политической ситуацией того времени: переломной эпохой перехода от полисной системы к монархическому типу власти в регионах. Семейные памятники эллинистических правителей должны были выражать безусловное превосходство правящей династии в образах успешных властителей, воинов, атлетов, а также декларировать преемственность поколений [6]. В этом же контексте рассматривался и монумент Даоха. Исследовались также художественные особенности, техника, стиль, цвет и происхождение мрамора, авторство (Лисипп или его школа), архитектурный контекст, последовательность расположения и атрибуция отдельных изображений, поскольку из-за плохой сохранности некоторые персонажи идентифицировать

сложно. Однако попытка интерпретировать этот источник в свете политической истории ранее не предпринималась. Мы покажем, что этот монумент стоит среди прочих особняком, благодаря заложенной в него идее.

Даох среди своих славных предков перечисляет олимпийских победителей: прадеда Агия и его братьев Телемаха и Агелая, живших в начале V в. до н.э. [7]. Агий, первый фессалиец, победивший в панкратии на Олимпийских играх [8], стяжал также пять побед на Немейских, три на Пифийских и пять на Истмийских [9]. Все братья были пифиониками [10]: Агий – победитель в панкратии, Агелай – в беге на стадий среди мальчиков [11], Телемах – в борьбе, о чем свидетельствует надпись на пьедестале его статуи:

Также и я был родным его братом и столько же точно,
Будучи первым в борьбе, вынес победных венков
В те же года. Но убил я Тирренца, сильнейшего мужа,
Ибо хотел он того. Имя мое – Телемах.

(Пер. наш.)

Надпись представляет интерес во многих отношениях [12] и прежде всего для истории античного спорта [13]. Лакуны имеются во всех строчках, но спорными являются только две. Одна из них – в третьей строке, в имени: T[υρ]σηνων.

Упомянутый в ней *Тирренец* кажется неуместным: известно, что иностранцы не имели права участвовать в Панэллинских играх (Hdt. V. 22; Paus. V. 24, 9; Philost. *Gymn.* 25). Это правило соблюдалось неукоснительно, а единичные исключения, имевшие место позже, все же требовали формального обоснования. Так, Александру I Македонскому, сыну Аминты пришлось-таки доказывать свое греческое происхождение [14] (Hdt. V. 22; VIII. 137). Тирренцы же были не только варварами, но и имели стойкую репутацию пиратов (Strabo. V. 2, 2) [15], а запятнанных не допускали (Hdt. 5. 22; Paus. V. 24. 9; Philost. *Gymn.* 25; Dem. XXIII. 40). В Дельфах времени Агия, Телемаха и Агелая находилось приношение липарцев (жителей острова близ Сицилии), благодаривших бога за морскую победу над этрусками. От этой большой скульптурной группы сохранился только пьедестал, на котором, по сообщению Павсания (Paus. X. 11, 3-4; 16, 7), располагалось 20 курсов (Аполлонов?) по числу захваченных тирренских кораблей [16]. Л. Моретти восстанавливает лакуну не как TυρσηνωΨν, а как T[αρ]σηνων, т.е. не «тирренца», а «тарсейца» [17]. Однако в V в. до н. э. Тарс еще не был греческим полисом [18]. По мнению Р. и М. Брофи, речь идет об этрусском городе Цере, где проживало греческое население и который, по легенде, был основан пеласгами из Фессалии и назывался тогда Агилла. В Дельфах находилась сокровищница агиллейцев, а сами они, следуя оракулу, основали у себя гимнастические и конные состязания [19]. Греки уважали агиллейцев за отказ от пиратства, мужество и справедливость (Hdt. I. 167; Strabo. V. 2, 3). Р. и М. Брофи

полагают, что автор надписи сознательно опустил имя убитого соперника и использовал прозвище, дабы выделить победу предка: гораздо престижнее было одержать верх над варваром, чем над греком [20]. Привычка давать различные клички, в том числе и по месту происхождения, была распространена среди атлетов древности [21] так же, как и в наши дни. И Тирренец – скорее всего прозвище западного грека, борца-тяжеловеса из Цере-Агиллы.

Зачем же понадобилась Даоху такая мистификация? Для чего выдавать победу своего прадеда над западным греком за победу над варваром? Только ли ради красного словца (победа на Общегреческих играх приравнивалась к военной победе, тем более, когда враг повержен и убит)? Но ведь оба его предка и так были прославленными периодониками, т.е. победителями во всех четырех великих Панэллинских агонах.

С самого начала формирования греческой цивилизации противопоставление эллинов и варваров придавало ей заведомо враждебный, агрессивный характер [22], а чувство превосходства и презрения к другим народам постепенно переросло в глубокий антагонизм «мы – они», «грек – не грек». В классическую эпоху эта оппозиция развилась в идею о естественном предназначении варваров быть рабами свободолюбивых эллинов. Наиболее полно идея этнического и культурного противопоставления была разработана в конце IV в. до н.э. в доктрине панэллинизма, которая окончательно сформировала негативный образ варвара [23]. Это как раз время создания надписи [24] и эпоха потери греческой независимости. Фессалия же попала под протекторат Македонии еще раньше, в 352 г. до н.э. [25], и как раз благодаря этому самому Даоху, сдавшему родину новому варвару [26]. В 339 г. до н.э. сей любимчик Филиппа был отправлен в числе других послом в Фивы, благодаря чему и стал тетрархом Фессалии [27]. Именно его и ему подобных громит Демосфен в своей 18-й речи (Pro cor. 295-296) как предателя, обольстившего собственный народ, ввергнув его в рабство тому, кто прежде подчинялся грекам, «как и подобает варварам». Сам же тетрарх вряд ли мог обольщаться по поводу настроений своих подданных, тем более по прошествии пятнадцати лет, увенчавшихся потерей греческой независимости. Еще полтора десятилетия – и нарыв вскроется в Ламийской войне [28], которую афиняне назовут «эллинской», подчеркнув, что воюют за свободу всей Эллады (Huper. Epit. 16). Приношение Даоха именно в Дельфы – это еще один поклон в сторону Филиппа, вмешавшегося летом 346 г. в Третью священную войну под предлогом защиты Дельфийского святилища (Dem. V; Paus. X. 3, 1; Athen. XIII. 10, 560 b-c). Отныне крупнейший религиозный центр эллинов Пилейско-дельфийская амфикиония стал покорным орудием македонской политики. Обоснованным поэтому представляется мнение о том, что первая статуя, предстоящая фессалийским династам, является изображением не кого-то из членов семьи [29] и не Афины Итоники [30], чтимой в Фарсале, а Аполлона [31]. Таким образом, под его защиту вместе со всей династией Даох ставил и себя.

Изобразив своего предка победителем варвара, которым тот вовсе не являлся, варвара Филиппа – греком, защитником эллинских ценностей, а себя, понятно, поборником тех же идей, будучи на деле пораженцем-компрадором, Даох филигранно вписал свой замысел в концепцию панэллинизма.

Такая инверсия в форме монументальной (буквально) пропаганды должна была помочь ему оправдаться в глазах подданных, представить себя выразителем интересов народа и, в конечном счете, сохранить власть семьи. Ставя в общегреческом святилище монумент во славу своего рода, Даох, по сути, воздвигал памятник самому себе в расчете на долгую память благодарных потомков. Время, однако, рассудило иначе, оставив от статуи правителя лишь фрагменты его стоп [32]. *Sic transit gloria mundi*.

Ссылки и примечания:

1. Homolle Th. *Ex-voto* trouvés à Dèlphes. – Statues du Thessalien Daochos et de sa famille // BCH. – 1897. – Vol. 21. – P. 593; FD. T. III. 4, 460. – P. 134-138.
2. Moretti L. *Iscrizioni agonistiche greche*. – Roma, 1953. – № 21. – P. 68-75; Maass M. *Das antike Delphi. Orakel, Schätze und Monumete*. – Darmstadt, 1993. – S. 204-207; Amandry P. *La fête des Pythia* // ΠΡΑΚΤΙΚΑ ΤΗΣ ΑΚΑΔΗΜΙΑΣ ΑΘΗΝΩΝ. 1990. – Athènes, 1991. – № 6. – P. 279-317; Jacquemin A. *Offrandes de Delphes*. – Paris, 1999. – P. 51, 139; Jacquemin A., Laroche D. *Le monument de Daochos ou le trésor des Thessaliens* // BCH. – 2001. – Vol. 125, livr. 1. – P. 305-333.
3. Гиеромнемоны – официальные лица по религиозным делам, представлявшие города и племена в амфикионии. Они формировали коллегию, занимались архивами, финансами, заведовали праздниками, осуществляли контроль над храмовым хозяйством, в некоторых полисах были даже эпонимами. Службу несли от полугода до нескольких лет. Термин «гиеромнемон» иногда использовался для перевода латинского слова pontifex. Лучше всего известно о гиеромнемонах Дельфийско-Пилейской амфикионии, которых было 24. Hepding H. *Hieromnemes* // RE. – Stuttgart, 1913. – Bd. VIII. – 16 Hbd. – Sp. 1490-1496; Walton F.R. *Hieromnemes* // OCD². – 1976. – P. 514. В IV в. до н.э. роль амфикионии упала. Демосфен называл ее «тенью в Дельфах», перефразировав эзоповскую поговорку (Dem. V. 25).
4. По мнению Т. Омолля, первоначально группа состояла из семи фигур и завершалась скульптурой самого дарителя. Позже Даох добавил изображение своего сына. См.: Homolle Th. *Lysippe et l'ex-voto de Daochos* // BCH. – 1899. – Vol. 23. – P. 460-461.
5. Borbein A.H. *Die griechische Statue des 4. Jahrhunderts v. Chr. Formanalytische Untersuchungen zur Kunst der Nachklassik. Habilitationsschrift Marburg 1972/73* // JDAI. – 1973. – 88. – S. 88 ff.
6. Hintzen-Bohlen B. *Die Familiengruppe – ein Mittel zur Selbstdarstellung hellenistischer Herrscher* // JDAI. – 1990. 105. – S. 129–130; Ridgway B.S. *Hellenistic Sculpture. T. I. The Styles of ca. 331-200 B.C.* – Madison, 2001. – P.

- 68-69; Ma J. Statues and Cites. Honorific Portraits and Civic Identity in the Hellenistic World. – Oxford, 2013. – P. 225-226.
7. Moretti L. Olympionikai, i vincitori negli antichi agoni olimpici. – Roma, 1957. – P. 192; Homolle Th. Lysippe et l'ex-voto de Daochos. – P. 438 ss.; Gardiner E.M., Smith K.K., Dinsmoor W.B. The Group dedicated by Daochus at Delphi // AJA. – 1909. – Vol. 13. N. 4. – P. 450 ss.; Jacquemin A. Op. cit. – P. 51, 139.
8. Homolle Th. *Ex-voto* trouvés à Dèlphes. – P. 593; Ebert J. Griechische Epigramme auf Sieger an gymnischen und hippischen Agonen. – Berlin, 1972. – № 43.
9. В соответствии с идеей двойного чествования, копия скульптуры победителя посылалась на его родину (Homolle Th. Lysippe et l'ex-voto de Daochos. P. 438; Partida E.C. The nexus of inter-regional relations established by creators and artisans in the Ancient sanctuary and the town of Delphi // Pallas. – 2011. – 87. – P. 231, no 75). Полагают, что монумент Даоха был мраморной копией бронзовой группы в Фарсале работы Лисиппа. См.: Preuner E. Ein delphisches Weihgeschenk. – Lpz., 1900. – S. 47-54; Dohrn T. Die *Marmor-Standbilder* des Daochos-Weihgeschenks in Delphi // Antike Plastik. – 1968. – Vol. 8. – S. 50; Fontenrose J. The Cult of Apollo and the Games at Delphi // The Archaeology of the Olympics: The Olympics and Other Festivals in Antiquity / W.J. Raschke (Ed.). – Madison, 1988. – P. 132; Amandry P. Op. cit. – P. 311.
10. Т.е. победителями на Пифийских играх. См.: Ziegler K. Πυθιονίκαи // RE. – Stuttgart, 1963. – Bd. 24. – Sp. 563-564. Монтгомери и Кнаб считают Агия и Телемаха периодониками. См.: Montgomery H.C. Περιοδικίης // RE. – Stuttgart, 1937. – Bd. XIX, 1. – Sp. 813; Knab R. Die Periodoniken. Ein Beitrag zur Geschichte der gymnischen Agone an den vier griechischen Hauptfesten. – Gießen, 1934. – S. 11/12.
11. Homolle Th. *Ex-voto* trouvés à Dèlphes. – P. 593; Ebert J. Op. cit. № 46.
12. Например, в контексте темы «цивилизация и варварство». См.: Селиванова Л.Л. «Я памятник себе воздвиг...» (Греки и варвары в монументальном искусстве классической Греции) // Цивилизация и варварство. Пограничье как феномен, состояние и культурно-историческое пространство / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. – М.: ИВИ РАН, 2015. – Вып. IV. – С. 367-384.
13. Спортивный и гендерный аспекты надписи были рассмотрены в статьях: Селиванова Л.Л. Победа и/или смерть на Общегреческих играх // ПИФК. 2014. – № 1. – С. 3-22; Она же. Бык, Александрийский Верблюд и другие атлеты // Адам и Ева. Альманах гендерной истории / Под ред. Л.П. Репиной. – М.: ИВИ РАН, 2013. – № 21. – С. 216-240.
14. Македонские цари возводили себя к Гераклу через его праправнука Темена, завоевавшего Аргос (так наз. возвращение Гераклидов). Потомком его был Пердикка, бежавший с братьями в Македонию, предок Александра в седьмом колене (Hdt. VIII. 137; Apollod. II. 8. 2-5; Paus. II. 18. 7; III. 1,5; IV. 3, 3-6). Спартанцы, тем не менее, дали македонцу уничижительную

- характеристику: тиран, помогающий другому тирану (Мардонию), верить ему нельзя, ибо «варвары нечестны и неискренни» (Hdt. VIII. 143).
15. Риджуэй Д. Этруски // Кембриджская история древнего мира. Т. IV. Персия, Греция и Западное Средиземноморье. Ок. 525-479 гг. до н.э. – М.: Ладомир, 2011. – С. 757, 778; Gras M. *Trafics Tyrrhéniens archaïques*. – Paris, 1985. В V-III вв. до н.э. тирренцами называли всех италийских корсаров, не только этрусков. См.: Ormerod H.A. *Piracy in the Ancient World*. – Liverpool, 1924. – P. 127-130, 152-154.
  16. Maass M. *Op. cit.* – S. 195; Jacquemin A. *Op. cit.* – №№ 337-338; Eadem. *Ordre des termes des dedicaces delphiques // Annali di archeologia e storia antica. Nuova serie 2*. – 1995. – P. 154. – №№ 222, 223; Partida E.C. *Op. cit.* – P. 232.
  17. Moretti L. *Iscrizioni agonistiche greche*. – P. 71-72.
  18. Ruge W. *Tarsos // RE*. – Stuttgart, 1932. – Bd. II. 8. – Sp. 2413-2418; Ebert J. *Op. cit.* – S. 143.
  19. Parke H.W., Wormell D.E.W. *The Delphic Oracle. Vol. II: The Oracular Responses*. – Oxford, 1956. – № 64; Maass M. *Op. cit.* – S. 195; Johnston S.I. *Delphi and the Death // Mantikê. Studies in Ancient Divination*. Ed. by S.I. Johnston and P. T. Struck. Brill. – Leiden, Boston, 2005. – P. 301-302.
  20. Brophy R., Brophy M. *Deaths in the Pan-Hellenic Games II: All Combative Sports // AJPh*. – 1985. – Vol. 106. – № 2. – P. 175.
  21. Селиванова Л.Л. Бык, Александрийский Верблюд... С. 228-229; Decker W. *Beinamen antiker Athleten // Antike Lebenswelten. Konstanz-Wandel-Wirkungsmacht. Festschrift fur Ingomar Weiler zur 70. Geburtstag*. Hrsg. von P. Mauritsch, W. Petermandel, R. Rollinger und Ch. Ulf unter Mitarbeit von I. Huber. – Wiesbaden, 2008. – S. 161-178.
  22. Порой говорят даже о шовинизме и ксенофобии. См.: Никишин В.О. Эллинский шовинизм в архаическую и классическую эпохи: возникновение и развитие // Труды кафедры древних языков: к 50-летию кафедры. – Вып. 15. Сер. III. *Instrumenta studiorum*. – № 6. – М.; СПб., 2000. – С. 46-51; Фролов Э.Д. Парадоксы истории – парадоксы античности. – СПб.: Издат. дом СПбГУ, 2004. – С. 221-223; Маринович Л.П. Возникновение и эволюция доктрины превосходства греков над варварами // Античная цивилизация и варвары // Л.П. Маринович (ред.). – М.: Наука, 2006. – С. 11. Э.В. Рунг предостерегает от искушения модернизмом и предпочитает использовать понятия «эллиноцентризм» и «этническая предосудительность». См.: Рунг Э.В. Представление персов как варваров в греческой литературной традиции V в. до н.э. // Мнемон. Вып. 4. – СПб., 2005. – С. 127-128.
  23. Маринович Л.П. Указ. соч. – С. 23-29; Рунг Э.В. Указ. соч. – С. 125-166; Клейменов А.А. Влияние дихотомии «эллины–варвары» на оценку полководческого искусства Филиппа II в античной историографии // Цивилизация и варварство: парадоксы победы цивилизации над варварством / Отв. ред. В.П. Буданова, О.В. Воробьева. – Вып. 2. – М.: ИВИ

- РАН, 2013. – С.93 -106; Morgan C. The origins of pan-Hellenism // Greek Sanctuaries. New approaches. Ed. by N. Marinatos and R. Hägg. – L., N.Y., 1993. – P. 18-44.
24. Ученые датируют ее временем между 339 и 332 гг. до н.э. См.: Homolle Th. Lysippe et l'ex-voto de Daochos. – P. 440; Idem. La date de l'ex-voto de Thessaliens // BCH. – 1898. – Vol. 22. – P. 633; Gardiner E.M., Smith K.K., Dinsmoor W.B. Op. cit. – P. 449; Lefèvre R. L'Amphictionie pyléo-delphique. Histoire et institutions. – Paris, 1998. – P. 24-25; Ebert J. Op. cit. – S.137; Moretti L. Op. cit. – P. 68; Jacquemin A. Ordre des termes des dedicaces delphiques. – P. 154, no 228; Maass M. Op. cit. – S. 204.
25. Glotz G. Philippe et la surprise d'Élatée // BCH. – 1909. – Vol. 3. – P. 528; Badian E. Philippus II // New Pauly. – Leiden, Boston, 2007. – Vol. II. – Sp. 28-30.
26. Филипп укрепился в Фессалии также с помощью матримониальных связей, женившись на Филинне Лариссейской и на Никесиполиде Ферской (Athen. XIII. 5, 557 с), на второй после Олимпиады. Говорили, что все его свадьбы были связаны с очередными войнами. Греческий биограф III в. до н.э. Сатир насчитал семь жен Филиппа, хотя не все они были законными. См.: Шахермайр Ф. Александр Македонский. – М.: Наука, 1984. – С. 42-44.
27. Foucart P. Démostènes et les Hiéromnémons Thessaliens // RPh. – 1899. – 23. – P. 105-111.
28. Эллинская, или Ламийская война (323-322 гг. до н.э.) – восстание греческих городов против македонского владычества после смерти Александра. Македонский наместник Антипатр был осажден в крепости Ламия (Фессалия). Но после поражения в морском сражении при Аморгосе в 322 г. до н.э. Афины попали под контроль Македонии. См.: Маринович Л.П. Конец независимой Греции (Ламийская война) // Эллинизм: экономика, политика, культура / Отв. ред. Е.С. Голубцова. – М.: Наука, 1990. – С. 103-140; Ханиотис А. Война в эллинистическом мире: Социальная и культурная история. – СПб.: Нестор-История, 2013. – С. 32, 255-256.
29. Homolle Th. *Ex-voto* trouvés à Dèlphes. – P. 438.
30. Gardiner E.M., Smith K.K., Dinsmoor W.B. Op. cit. – P. 468-469, 471, 475; Will Er. À propos de la base des Thessaliens muniction à Delphes // BCH. – 1938. – Vol. 62. – P. 292-293.
31. Thémélis P. Contribution à l'étude de l'ex-voto delphique de Daochos // BCH. – 1979. – Vol. 103. 2. – P. 507-520; Fontenrose J. Op. cit. – P. 131; Maass M. Op. cit. – S. 204; Jacquemin A., Laroche D. Op. cit. – P. 314, fig. 6; 325.
32. Gardiner E.M., Smith K.K., Dinsmoor W.B. Op. cit. – P. 454, fig. 7; Jacquemin A., Laroche D. L'éphémère gloire de Daochos. Architecture delphique et histoire thessalienne. Actes de l'Association (9 novembre 1998 – 17 juin 1999) // REG. – 1999. 112. – P. X-XI.

Список сокращений

- ПИФК – Проблемы истории, филологии, культуры.
AJA – American Journal of Archaeology.
AJPh – American Journal of Philology.
BCH – Bulletin de correspondance hellénique.
New Pauly – Brill's Encyclopaedia of the Ancient World New Pauly. Ed. by H. Cancik and H. Schneider. – Leiden, Boston.
FD – Fouilles de Delphes.
JDAI – Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts.
OCD² – The Oxford Classical Dictionary. Oxford, N.Y., 1976.
RPh – Revue de philologie de littérature et d'histoire anciennes.
RE – Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft von Pauly–Wissowa G.
REG – Revue des études grecques.

УДК 336.2

К.Л. Слабунов

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: slavetniu@mail.ru

ВОССТАНИЕ ИНСУРГЕНТОВ ИХЭТУАНЕЙ (1898-1901 гг.) И РЕЛИГИОЗНО-КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ КИТАЯ

Аннотация

В статье описывается переломный момент в истории Китая. Поражение в военном конфликте с возрождающейся Японией в 1895 году имело для Китая тяжелые последствия: утрату суверенных прав, усиление процессов раздела Китая империалистическими державами. Передел Поднебесной вызвал глубокий кризис национального сознания, вылившийся в катастрофу боксерского восстания «Ихэтуаней» 1898-1901 гг. В статье сделан упор на изучении китайской коллективной психологии и восточной ментальности, что позволяет рассматривать восстание как организованное движение с мощным идеологическим фундаментом.

Ключевые слова: *Китай, раздел, кризис, империя, восстание, восточная ментальность.*

Summary

The turning point in the history of China is described in the article. An unexpected defeat in the military conflict with the reviving Japan in 1895 has brought

serious consequences to China, i.e. a loss of the sovereign rights which reinforced the division of China by imperialistic powers.

Redivision of Tianxia had caused a deep crisis of national consciousness, which lead to catastrophe of the Boxer Rebellion “Yihetuan” of 1898-1901. The article focuses on studying Chinese collective psychology and Oriental mentality that allow to view uprising as an organized movement with powerful ideological foundation.

Keywords: *China, division, crisis, empire, uprising, Oriental mentality*

Последние годы XIX века для Китая прошли под знаком глубокого политического разлома. Неожиданное поражение в военном конфликте с возрождающейся Японией в 1895 году обернулось тяжелыми последствиями: фактической утратой суверенитета, все более интенсивным проникновением в Китай империалистических держав. Своеобразные соревнования по переделу Поднебесной вызвали глубокий кризис национального сознания, вылившийся в катастрофу боксерского восстания 1900 года. Процессы, происходившие в Поднебесной на рубеже XIX–XX веков, привели к подъему национального движения против раздела страны западными государствами. Результатом этого стало свержение династии Цин и приход к власти республиканского правительства.

По этой проблематике довольно много работ, которые обобщают материалы по движению инсургентов – «боксеров», но специально не рассматривают идеологию и глубину истоков движения. Китайский историк Фань Вэнь-Лань в работе «Новая история Китая» описывает последовательность событий, поверхностно характеризуя идеологию повстанцев [1]. События в Китае конца XIX – начала XX в. рассматривались в работах В.Я. Аварина, А.В. Меликсетова и ряда других авторов [2].

Актуальность нашей работы обусловлена тем, что в современных напряженных социально-политических условиях просматривается практика манипулирования сознанием, эмоциями и идеалами обычных людей.

Это вызывает необходимость более глубокого изучения исторических условий формирования и особенностей массовой психологии, выявления типичного в поведении, заложенного в сознание людей их воспитанием, культурой, языком, религией. В этой связи материалы восстания общества справедливости «Ихэтуань» в его взаимосвязи с народными движениями в истории Китая в целом и с многофакторностью идеологических причин в рамках специфической восточной традиции представляют особый интерес. Продуктивным будет анализ событий китайской истории рубежа XIX – начала XX вв. не только как отдельного восстания с точки зрения какой-либо теории, например, марксистской, как в предшествующей историографической традиции, а с учетом современных наработок в исторической науке – в рамках междисциплинарного подхода.

В современном корпусе социальных и гуманитарных наук прочное место заняла история ментальностей. Как самостоятельное направление этот раздел исторической науки связан с попытками переориентировать науки о прошлом с «истории героев» на «историю рядовых людей». В центр научных трудов были поставлены вопросы изучения эмоций и мыслей рядового человека, воззрения народа «простых людей», анализ движущих механизмов их социального поведения.

Научная проблема заключается в том, что корни восстания скрываются в глубине вековых традиций китайской истории, бережно передающихся из поколения в поколение и сохраняющих свое значение по настоящее время.

В этой работе мы прослеживаем связующие звенья исторической цепочки. Новизна исследования заключается в попытке обосновать характер восстания не как стихийного и беспорядочного действия народных масс, а как организованного движения с мощным идеологическим фундаментом, с помощью которого его лидеры создавали и вели свои отряды в бой против вооруженных современными средствами иностранных легионов.

В статье сделан упор на изучении китайской коллективной психологии и восточной ментальности, в основе которых лежит культурный архетип, связанный с традициями, нравами, обычаями, умонастроениями людей, широким кругом их представлений о мире. Менталитет включает в себя также представления о человеке, его месте в природе и обществе.

Крестьянские восстания можно охарактеризовать как консервативные, ибо их идеалы находились не в будущем (как у интеллигенции), а в прошлом. Китайской ментальности были присущи коллективные страхи, фантазии, отдельные и довольно жестокие проявления фанатизма и жестокости, что объяснялось тяжелыми условиями крестьянской жизни: ее бедностью, голодом, эпидемиями и высокой смертностью. Присущие западному менталитету качества существенному отличаются от восточного. «Западный человек» стремится к постоянному обновлению, преобразованию жизни, к социально-экономическому прогрессу, для него свойственна опоры на дух здорового индивидуализма, ценность отдельного человека, его свободы, самостоятельности и внутренней ответственности за свою судьбу. Характерен дух состязательности между людьми на основе равенства их возможностей. Восточная картина мира опирается на следование вековым традициям с акцентом на адаптацию к складывающимся условиям жизни, на дух коллективизма и единства народа, сплоченного общей собственностью, общиной, религией, сильной централизованной властью, коллективистскими нормами поведения. Отдельный человек воспринимается как винтик огромной «машины» общества [3].

Такой подход к рассматриваемому материалу может подтолкнуть к более глубокому изучению данной проблематики.

Источниками по теме являются воспоминания, дневники, мемуары современников и участников событий, а именно: работы русского журналиста

Д.Г. Янчевецкого, дипломатов Д.И. Абрикосова, А.П. Извольского, И.Я. Коростовца, государственного деятеля С.Ю. Витте, генерала П.Н. Краснова, врача В.В. Корсакова [4].

Помимо этого, при исследовании использовались документы, например, секретная телеграмма поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву 23 февраля / 9 марта 1898 года [5], а также различные договоры и др. [6].

В целом, в ходе изучения материала мы наблюдаем, что в Поднебесной на рубеже XIX–XX столетий, несмотря на правление закостеневшей и гнивающей династии Цин, доживающей свои последние дни во главе с фактически незаконно управляющей императрицей-регентшей Цыси, начало развиваться реформаторское движение китайских социалистов. Во главе его стояли интеллектуалы Кань Ювэй, Сунь Ятсен, Тянь Цичао, пропагандировавшие своеобразное космополитическое виденье будущего Поднебесной [7].

Реформаторы понимали, что без сотрудничества с Западом невозможно вернуть былую славу и величие Китая, и создали «Союз Возрождения Китая», целью которого было свержение путем вооруженного восстания режима Маньчжуров [8]. Своеобразно обновленное конфуцианство десятью годами позднее стало политически значимым в контексте амбициозной программы реформ «ста дней» молодого императора Гуансюя. И хотя восстание закончилось провалом, оно посеяло семена трансформации китайского общества, давшие свои плоды позднее.

В результате неудачного восстания 28 сентября 1898 года на площади Цайшикоу были казнены реформаторы Тань Сытун, Лю Гуанди, Ян Жуй, Кан Юпу, Линь Сюй и Ян Шэньсю. Вслед за их казнью правительство поспешило без суда расправиться и с остальными видными сторонниками реформ; император был заключен под домашний арест. Кан Ювэй и его соратники благодаря помощи иностранцев бежали из страны. Эти события привели к усилению власти регентши, обозлили ее против иностранцев, которых она обвиняла в пособничестве реформаторам и императору Гуансюю, позволившем провести вооруженный переворот. Это стало последней каплей, переполнившей чашу терпения и недоверия Цыси к иностранному влиянию. Боясь дальнейших провокаций, она начинает лихорадочно искать союзников и обращает свой взор на старых и ярых противников династии маньчжуров, боровшихся против нее со времени захвата ими власти в Китае в 1644 г.

Этими врагами, пользовавшимися в народе уважением и почетом, были тайные общества, организации и секты. Наиболее влиятельным было общество справедливости «Ихэтуань», изучавшее эзотерическую систему китайского бокса или гунфу «Багуацзяо», или восьми триграмм – Ицзина, последователей знаменитых предшественников секты «Белый лотос – Байляньцзяо», наиболее активно боровшихся против маньчжурской власти и организовавших известное в истории Китая крупное восстание 1796-1804 гг. [9].

Союз справедливости «Ихэтуань» стал использоваться как средство разжигания войны против западных государств с осени 1899 г., в результате неудавшегося переворота и ставки Цыси на тайные общества через своих доверенных лиц она подкупила многих сектантских лидеров материальными ценностями, неограниченными правами, и другими привилегиями. В результате этого выдвигавшиеся первоначально два типа лозунгов – антиправительственные и антииностранные – из первоначального лозунга «Долой Цин, восстановим Мин» переросли в парадоксальный призыв «Поддержим Цин, изгоним заморских дьяволов», что и привело тайные общества в положение Инсургентов [10].

Бродячие лекари, маги, гадалки и торговцы и т.д. – таков был состав членов сект группы «Багуацзяо». Фактически они были последователями древнего общества «Байляньцзяо». Члены секты приходили на выручку бедствующим, помогали больным и страждущим делом, советом или просто добрым словом, а иногда и обещанием скорой перемены к лучшему, совершали это именем своей религии, приобщая собеседников к своим верованиям, принципам и целям [11].

Стоит заметить, что изучая материалы, характеризующие религиозную традицию в Китае, мы наблюдаем присутствие в религиозных сектах своеобразной идеи о природном изначальном равенстве людей или идеи изначального равенства всех людей перед богом, которые уходят в глубокую древность и передаются из поколения в поколение. Вспомним некоторые примеры начала народных восстаний.

В обстановке экономического и политического упадка в Китае в 184 г. н. э. вспыхнуло грандиозное восстание разоряющихся свободных производителей и зависимых земледельцев, а также рабов, известное как восстание Жёлтых повязок. Его возглавил даосский проповедник Чжан Цзио – основатель одной из тайных даосских сект.

Восстание Красных повязок против монгольского владычества и монгольской империи Юань привело к падению империи, восстановлению независимости Китая и установлению в 1368 г. в нём китайской династии Мин. Началом восстания принято считать 1351 г. Оно, как и восстание Жёлтых повязок, началось с крестьянских бунтов, возглавляемых разными религиозными и сектантскими организациями, в том числе Обществами Белого лотоса.

Таким образом, в различные периоды истории Поднебесной в кризисные моменты происходила консолидация китайцев благодаря культурно-религиозной традиции, что в интерпретации бунтующего народа было страшной, сокрушающей «материальной силой». Именно эти идеологические принципы и являются основополагающим фактором верований «Байляньцзяо». Идея равенства в сектантских религиях Китая возникла особенно рано. Стремясь воплотить ее в жизнь, представители даосских религиозных сект

«Тайпиндао» Чжан Цзюэ, «Удоумидао» под руководством Чжан Лу возглавили ряд крестьянских восстаний уже во втором веке нашей эры [12].

Народные общины в виде тайных обществ по существу представляли собой готовые организационные единицы на случай столкновения с властями. В решающий момент, когда главари секты бросали лозунг, призывающий начать восстание, все это срабатывало, обеспечивая активную поддержку со стороны крестьян. В данной же ситуации на рубеже XIX-XX вв. народный патриотизм фактически стал инструментом в руках династии Маньчжуров, стремившейся сохранить свою власть любой ценой.

Возвращаясь к хронологии событий, подчеркнем, что именно в этот период и начинает набирать обороты народное освободительное движение. В отличие от крупного народного восстания тайпинов 1850-1864 гг., руководство тайного общества «Ихэтуань» (отряды справедливости и мира) исповедовало ксенофобию, отвергая все пришедшее в Китай с Запада.

Идеалом «Общества справедливости» было возвращение к устоям традиционной китайской жизни, а важнейшим лозунгом, особенно на начальном этапе восстания, стал призыв к уничтожению и изгнанию всех иностранцев из Китая. И здесь мы наблюдаем, что императорский двор явно и неявно начинает поддерживать погромы иностранных селтльментов, особенно благоприятствовать разорению иностранных религиозных миссий, поджогам католических церквей, (число которых в те годы исчислялось сотнями по всему Китаю), а также уничтожению Православия, достаточно активно развивавшегося в этот период [13].

Характерно то, что эсхатологическая доктрина «Белого Лотоса» о приближающемся изменении мирового состояния стала актуальной и усилилась в конце XIX – начале XX в. Этому, помимо причин общего плана, способствовало, в частности, распространение новых религиозных текстов, в которых главный акцент делался именно на названной доктрине.

В частности, доктрина религии «Байляньцзяо» вселяла в восставших уверенность, что они помогают высшим силам осуществить очистительную стадию «бедствий», непосредственно предшествующую наступлению на земле царства Будды Майтрейн – царства всеобщего благоденствия и справедливости [14].

Стоит вспомнить, что вслед за знаменитым восстанием «Байляньцзяо» 1796-1804 гг., в 1813 г. поднялись приверженцы «Багуацзяо», которые также придерживались религиозных воззрений «Белого Лотоса». Движение 1813 г. «было наполнено космологическим и эсхатологическим символизмом, целиком основанным на идее смены кальпы», приходе царства света и добра.

Исходя из вышеперечисленного, не удивительно, что на стезю агитации китайского народа в этот период становятся проповедники общества «Ихэтуань», ставшие яркими врагами всего иностранного, а особенно христианского миссионерства. Инсургентам также стали помогать буддийские

жрецы, т.к. массовое распространение христианства в Поднебесной стало угрозой не только их вероисповеданию, но и им лично.

Вот так очевидец описывает причины массового наплыва крестьян в отряды инсургентов.

Указывая на причины появления союзов «Дадао» и «Хунцюань», губернатор провинции Шаньдун Юй Сянь в докладной записке императору (6 декабря 1899 г.) отмечал: «В связи с тем, что мирное население, неоднократно подвергаясь оскорблениям со стороны христиан, пытается самостоятельно защитить себя и свою семью, в последние годы усвоивших приемы (Дадао) становится все больше. Особенно много появилось людей, желающих обучиться технике добровольцев – (ихэ) цюаней, именуемых союзом «Хунцюань» («красный кулак»), которые также ставят перед собой цель защитить свои семьи. И таким образом появились союзы «Дадао» и «Хунцюань» [15].

Прекрасно сочетался с идеологией инсургентов и фактор существования в Китае религиозной терпимости, так называемый синтез трех религиозно-идеологических систем (конфуцианства, буддизма, даосизма), сделавшей синкретизм и эклектичность органическим свойством всех китайских тайных религий [16].

Глашатаи справедливого бога имели на вооружении веру в культ Майтрейи, которая в наиболее тяжелые для китайского народа времена становилась идейной силой, пропагандирующей равенство, человеколюбие, сострадание и помощь ближнему, а также воспитывала и организовывалась в древнюю воинскую структуру с помощью традиционного эзотерического магического искусства «Гунфу».

Приемы «цюань», по-видимому, были давно известны в Китае. Об их существовании имеется упоминание еще в указе императора Юнчжэня (1727 г.), где говорится, что «издавна довольно часто встречались люди, использовавшие приемы кулачного боя и называвшие себя наставниками» [17].

Из всего приведенного, мы можем утверждать, что идеи тайных религиозных обществ были голосом народа, который терпел много лет бедствия, унижения и нищету и сейчас был готов консолидироваться и восстать в результате накаленности ситуации в государстве [18].

Методы и лексика, с помощью которых гуру ихэтуаней проповедовали наступление эпохи бедствий, обладали мистическим оттенком, присущим народным религиям. Для этого использовались различные средства гадания по иероглифам, условный язык, тайные объяснения, система знаков десятичного и двенадцатеричного циклов и пр. [19].

Хочется заметить, что культ «Майтрейя» является краеугольным камнем учения «Белого лотоса», этой типологически наиболее полной и наиболее мощной системы сектантских движений. Под ее лозунгом в Поднебесной уже не раз вспыхивали многолетние крестьянские восстания, как уже было замечено, и это еще раз подтверждает цепочку взаимосвязей, существование преемственности. Брошенный в условный момент клич о пришествии мессии –

Будды светлого будущего (Майтрейи) или князя света (Мин-вана) – бежал по этой цепи, как искра по фитилю, повсеместно вызывая вспышки начинающего восстания.

В основу психологической подготовки ихэтуаней закладывались древние религиозные речитативы, восхваляющие силу боевого искусства, зовущие духов наказать «заморских дьяволов».

Коллективное чтение боевых мантр вводило толпу в транс, и в таком состоянии безоружные бойцы часто бросались под ружейный и артиллерийский огонь, не ощущая страха и боли, и подчас одерживали «Пирровы победы», погибая. Таким образом, мы наблюдаем, что в ходе массовых культовых действий сознание, ум и чувства человека подвергались весьма сильному и целенаправленному воздействию адептов секты, а совместное чтение священных текстов или проповеди происходило не только и не столько посредством убеждения, сколько, прежде всего, силой внушения и своеобразного массового эзотерического транса [20].

Изучая историю тайных организаций, мы наблюдаем глубинную социальную потребность интеграции в группу, что было в высокой степени присуще людям дальневосточного региона, а крестьянам в особенности. Разрозненность, распыленность и неорганизованность рождали не только ощущение беспомощности, но главное, крестьянин мог идентифицировать себя как личность крестьянин мог только в составе некоего коллектива, в его духовной атмосфере.

Рассматривая традиционный фундамент различных обществ, мы наблюдаем феномен характерного персонализма, который является для всех универсальных культов противопоставлением потустороннего, мифологического мира реальному, логически подчиненному порядку мер и вещей в материальном мире европейского сознания, – это также явилось немаловажным фактором религиозного протеста инсургентов против действительности иностранного насилия и попиранья традиционных культов [21].

Гунфу не были специфичны только для сектантских движений. Они представляют собой элемент китайской и, шире, дальневосточной традиции, хотя некоторые их элементы и аспекты присущи только сектантским практикам.

Акцентируем и повторим: гунфу служили одной из структурообразующих основ сектантских религиозных движений и питали их жизненными соками, уходя корнями в глубину общекультурного массива. На этом держалась преемственность, взаимодействие отдельных групп во времени и пространстве, определяя их динамизм, т. е. те черты, которые делали их *движениями*. Именно гунфу, собственно, и превращали высшие религиозные установки сектантского вероучения в достояние масс приверженцев [22].

Фактор преемственности следует по руслу китайской истории и просматривается повсеместно. Мы наблюдаем, что восстание тайпинов (1850-

1864 гг.) также испытало, если не прямое, то хотя бы косвенное воздействие сект [23].

Это проявилось в виде традиционного многовекового опыта соединения приверженности народных масс к «неканонической» религии. Неслучайно в восприятии многих китайцев тайпины отождествлялись с «Байляньцзяо» [24].

Что же касается движения ихэтуаней, специалисты спорят только о степени его причастности к «Байляньцзяо», не ставя его в принципе под сомнение. Здесь идет речь об использовании того же принципа наименования ответвлений по восьми триграммам «Ицзина», который применяла секта «Багуацзяо» в соответствии с указаниями, содержащимися в священных текстах, играющих важную роль в пророчествах и пропаганде ихэтуаней [25]. Характерно, что методы тренировок Байляньцзяо путем выдержки определенного срока и использование ихэтуанями заклинаний совпадают.

Срок тренировки для достижения неуязвимости и «святости» был различный: по одним источникам он был коротким – три, семь дней; по другим – весьма продолжительным – 108 дней или до 400 дней. Заклинания были разнохарактерными по содержанию и по длительности. Одни состояли из 8, 12, 16, 20 иероглифов, другие содержали более 10 фраз. «Тот, кто знал семь-восемь слов, – считали ихэтуани, – мог противостоять 10 тысячам человек, а знавший 16-17 слов мог легко разрушать дома иностранцев» [26].

Подводя итог, можно сказать, что общество справедливости «Ихэтуань» сыграло важную роль в исторических событиях, неся в себе продолжение идей своего предшественника секты «Белый лотос» и оказав значительное влияние на культурно-идеологическую сферу в Китае. Не единожды учение «Байляньцзяо» в наиболее тяжелые для китайского народа времена становилось идейной силой, пропагандирующей равенство и человеколюбие [27].

Идеи инсургентов были словом народа, который много лет терпел бедствия, унижения и нищету. Нигилистическое отношение чань к эрудиции, рационалистическому и прагматическому интеллекту, передавшееся ихэтуаням, обусловило формирование в их идеологии воинствующего невежества, ярой ненависти к знаниям и к формам передачи знаний [28].

Поднебесная, оказавшись в промежутке между феодальным обществом и попытками робкого реформирования, оказала, несмотря на свою отсталость, достойное сопротивление колониальным странам с их огромным потенциалом новых технологий, опытом ограбления более слабых народов. Несмотря на подавленное восстание, унижительные договоры, события «боксерского восстания» привели к постепенному возрождению китайского национализма. Традиционная культура и религии показали свою гибкость, выживаемость, что в итоге способствовало восстановлению китайской государственности.

Феномен возрождения современного Китая – кроется в этих культурных традициях, которые на протяжении тысячелетий были маяком и путеводителем для многих народов и стран, населявших Дальний Восток.

Ссылки и примечания:

1. Фань Вэнь-Лань. Новая История Китая. – М.: Наука, 1958. – С.476-500.
2. Аварин В.Я. Борьба за Тихий океан. – М.: Госполитиздат, 1952. – С.467; Калюжная Н.М. Восстание Ихэтуаней (1898-1901 гг.). – М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978.
3. Воскресенский А.Д. Россия и Китай: Теория и История межгосударственных отношений. – М.: Общественный научный фонд, 1999. – С.121-140.
4. Янчевецкий Д.Г. У стен недвижного Китая // Дневник корреспондента «Нового Края» на театре военных действий в Китае в 1900 году. – СПб.: Порт-Артур, 1903.- С. 440-503; Абрикосов Д.И. Судьба русского дипломата. – М.: Русский путь, 2008. – С.453-498; Извольский А.П. Воспоминания. – М., 1989. – С. 90-101; Коростовец И.Я. Россия на Дальнем Востоке. – Пекин: Восточное просвещение, 1922. – С.87-95; Витте С.Ю. Избранные воспоминания. – М.: Мысль, 1991. – С.504-509; Краснов П.Н. Борьба с Китаем. – СПб.: Русское чтение, 1901. – С.78-102; Корсаков В.В. Китайская императрица Цы-Си // Вестник Европы. №1. –1909. – С.85.
5. Секретная телеграмма поверенного в делах в Пекине Павлова министру иностранных дел Муравьеву 23 февраля / 9 марта 1898 года // Красный архив. 1938. Т. 5.
6. Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842-1925). – М.,1927. – С. 118; Калюжная Н.М. Восстание Ихэтуаней (Документы и материалы). – М.: Наука, 1968. – С.57-150.
7. Алексеев В.В., Думан Л.Н., Петров А.А. Китай: героическая борьба за национальную независимость. – М.: Просвещение, 1940. – С.223-235.
8. Борох Л.Н. Союз Возрождения Китая. – М.: Наука, 1971. – С.103-134.
9. Поршнева Е.Б. «Учение Белого Лотоса» – идеология народного восстания (1796-1804 гг.) – М.: Наука, 1972. – С.53-104.
10. Энциклопедия нового Китая. – М.: Прогресс, 1989. – С.235-300. – Режим доступа: <http://www.shaolin.ru/china/history/179/>
11. Поршнева Е.Б. Верования «Байляньцзяо» как идеология восставшего крестьянства // Тайные общества в старом Китае. – М.: Наука, 1970. – С.54-112.
12. Сидихменов В. Я. Китай: Страницы прошлого. – М.: Прогресс, 1987. – С.148-200.
13. Андреева С.Г. Антимиссионерские выступления в Китае во второй половине XIX века и особенности положения Пекинской духовной миссии. Общество и государство в Китае: XXXII научная конференция / Институт востоковедения. – М.: МГУ, 2004. – С.11-15.
14. Поршнева Е.Б. Религиозные движения позднесредневекового Китая, Проблемы идеологии: автореф. дис. ... док. истор. наук / Е. Б. Поршнева. – М.: Наука. 1991. – С.10-18.

15. Калюжная Н.М. Восстание Ихэтуаней (1898-1901 гг.). – М.: Наука: Главная редакция восточной литературы, 1978. – С.114-305; Архивные материалы об ихэтуанях. Т. I.С. 38-40. – Режим доступа: <http://drevlit.ru/docs/kitay/XIX/1880-1900/Ihetuan/41-60/53.php>
16. Меликсетов, А.В. История Китая: Учебник / под ред. А.В. Меликсетова. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – С.434-447.
17. Егоров Б.А. Чань-буддизм и движение ихэтуаней (конец XIX – начало XX вв.) [Рукопись] : автореферат дис... канд. ист. наук : 07.00.03 / Б. А. Егоров ; Бурят. гос. ун-т. – Улан-Удэ, 1998. – С. 19-21.
18. Казючиц М. Ф. Философско-религиозные основания внутренних школ ушу: автореф. дис канд. фил.наук / М.Ф. Казючиц. – М.: МГУ, 2006. – С.18-22.
19. Twitchett D., Fairbank John K. The Cambridge History of China. Volume II). Cambridge University Press, 2008. – P.115-121.
20. Ян Цзюнь-мин. Корни китайского цигун (секреты практики цигун). – К.: София, 1997. – С.53-65.
21. Покровский М.Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. – М.: Красная Новь, 1923. – С.350-363.
22. Халбазыков Д.В. Буддизм в истории Китая эпохи Мин (1368-1644 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист.наук / Д. В. Халбазыков. – Улан-Удэ, 2008. – С.19-21.
23. Зельницкий А.Д. Формы «религиозного синкретизма» в Китае. Автореф. дис.... канд. филос. наук / А.Д. Зельницкий. – СПб., 2006. – С.16-22.
24. Костяева А.С. Тайные общества Китая в первой четверти XX века. – М.: Наука, 1995. – С.36-40.
25. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – М.: Наука. 1970. – С.280-285.
26. Покровский М.Н. Дипломатия и войны России в XIX столетии: сборник статей. – М.: Красная новь, 1923. – С.256-300.
27. Дацышен В.Г. Христианство в Китае (история и современность). – М.: Наука, 2007. – С.123-130.
28. Смирнова Н.Д. Общественная мысль и политическая борьба в Китае на рубеже XIX – XX веков в отечественной историографии XX века. Автореф. дис. ... канд. ист.наук / Н.Д. Смирнова. – Петрозаводск, 2007. – С. 16-19.

УДК 94: 3555.426(460)

Ю.Г.Беловолов

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: kafedramoivp@gmail.com

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В ИСПАНИИ 1936-1939 ГГ.

Аннотация

Статья посвящена одному из самых трудных и трагичных периодов в истории Испании, положившей начало целой исторической эпохи, связанной с гражданским противостоянием и установлением диктатуры Франко, сыгравшей ключевую роль в становлении современного Испанского государства.

Ключевые слова: гражданская война, диктатура Франко, добровольческое движение, анархизм, фашизм.

Summary

The history of modern states is a series of black and white stripes. This article is dedicated to one of the most difficult and tragic periods in the history of Spain. Put the top of an entire historical epoch, which played a key role in the formation of the modern Spanish state.

Keywords: civil war, the dictatorship of Franco, the volunteer movement, anarchism, fascism.

В истории мирового освободительного движения выдающееся место занимает героическая борьба испанского народа против фашистских мятежников и иностранных интервентов в 1936-1939 гг.

Прошло уже более 80 лет с того июльского дня 1936 г., когда по условному сигналу «над Испанией безоблачное небо», переданному радиостанцией города Сеута в испанском Марокко, начался военно-фашистский мятеж, переросший в героическую схватку испанцев с силами реакции и фашизма.

Мир сразу оценил значение этой схватки: на испанской земле решалась не только судьба Испании, там определялось будущее Европы. С затаенным дыханием следили сотни миллионов людей за ходом испанской войны, с тревогой передвигали они флажки на карте Испании. Борьба, которую вели испанцы, была неравной. Против них воевали не только Франко и испанские реакционеры, не только Гитлер и Муссолини с их могущественной военной машиной, но и правящие круги Англии, Франции и США, осуществлявшие под видом «политики невмешательства» в испанские дела блокаду испанской республики. Преодолевая многочисленные преграды, в Испанию со всех

концов земного шара устремились антифашисты, полные решимости любой ценой остановить продвижение интервентов и франкистов. В марте 1939 г. факел антифашистской войны, ярким пламенем горевший на Пиренейском полуострове почти три года, погас. В Испании установилась франкистская диктатура, терзающая свободолюбивый народ.

Национально-революционная война в Испании в 1936-1939 гг. заняла достойное место в ряду важнейших событий всемирной истории. Середина 30-х годов XX в. была ключевым этапом в борьбе сил мира и войны.

Советский Союз в эти годы прилагал огромные усилия для создания системы коллективной безопасности в Европе, для организации отпора агрессорам.

Большой вклад в сплочение антифашистских и антивоенных сил внес VII конгресс Коммунистического Интернационала, состоявшийся в Москве летом 1935 г. Конгресс выработал правильную стратегическую ориентацию, он призвал рабочий класс к единству действий в борьбе против фашизма и угрозы новой войны, к созданию Народного фронта.

События, начавшиеся 18 июля 1936 г. выступлением генералов и монархических организаций, сразу же оказались в центре мировой политики. На карту была поставлена не только судьба демократии в Испании, но и решение многих проблем, от которых в значительной мере зависело будущее всего Европейского континента [1].

Прогрессивные преобразования в Испании, даже проводимые в рамках парламентско-демократического строя, вызвали вмешательство мощных сил извне. Внутренний конфликт был превращен в международный. В январе 1936 г. политические партии и организации подписали пакт о создании Народного фронта; месяц спустя Народный фронт одержал победу на выборах в кортесы. Началась новая полоса в истории Испании, ознаменованная воодушевлением масс, складыванием единства рабочего класса и других сторонников Республики. Но одновременно происходила консолидация реакционных сил. Крупная буржуазия, помещики, офицерский корпус, встали на путь подготовки вооруженного переворота. В качестве политической силы реакции на авансцену выдвигается партия «Испанская фаланга», созданная Франко. В 1934 г. в Риме был заключен пакт между представителями Франко и Муссолини, причем последний обязался помочь в свержении республиканского правительства оружием и деньгами [2].

Мятеж, начавшийся 18 июля, на первых порах развивался неблагоприятно для заговорщиков. Вооруженные выступления гарнизонов против правительства были в большинстве центров страны подавлены. Главная опора мятежников — марокканские части и «иностранный легион» — находились в Африке, для их перевозки на полуостров у Франко не было средств. В этот момент на помощь франкистам были направлены немецкие «юнkersы». Гитлер распорядился оказать мятежникам полную поддержку [3].

На транспортных самолетах, предоставленных Германией, Франко в течение двух недель перебросил из Тетуана в Испанию 18 тыс. марокканских солдат и офицеров с полным снаряжением. В Германии были подготовлены крупные боевые авиасоединения, которые затем, в ноябре 1936 г., в составе легиона «Кондор» были отправлены в Испанию.

Страх французских правящих кругов перед укреплением демократии на Пиренейском полуострове, желание ослабить Народный фронт во Франции и демократические силы в Англии, стремление использовать фашистскую Германию в качестве ударной силы против СССР – все это побуждало правящие круги этих стран не только не препятствовать интервенции фашистских государств в Испанию, но и поощрять ее.

В этих условиях уже в первые дни военного мятежа возникла англо-французская идея соглашения о невмешательстве в испанские дела, официально предложенная Л. Блюмом всем правительствам, предназначенная замаскировать политику поощрения агрессии в Испании, придать этой политике приемлемый для широкой публики вид. Осуществлять наблюдение за выполнением соглашения поручалось созданному в Лондоне комитету из представителей 27 европейских государств. Вопреки замыслам инициаторов «невмешательства», усилиями советской дипломатии лондонский комитет был использован для информирования международного общественного мнения о фактах преступной вооруженной интервенции в Испании государств Германии, Италии и Португалии и для разъяснения принципиальной позиции Советского Союза [4].

Советское правительство заявило, что не считает себя связанным обязательствами соглашения о невмешательстве в большей мере, чем другие участники соглашения, которые продолжают снабжать оружием мятежников.

Начиная с сентября 1936 г. в Испанию направилась широким потоком различного рода материальная помощь – результат кампании солидарности, развернутой советской общественностью. Со второй половины октября из СССР в Испанию поступили первые транспорты военных материалов – самолеты, танки, стрелковое и артиллерийское вооружение и боеприпасы. С сентября 1936 г. по март 1939 г. в республиканской зоне работало 600 советников из СССР.

Национально-революционная война испанского народа вызвала массовое движение солидарности во всем мире. Как подлинно народное движение оно отличалось богатством и разнообразием форм и вовлекло людей различной социальной принадлежности, разных профессий, политических и религиозных убеждений. Это изменило характер войны, развернувшейся в Испании. С точки зрения национальной, она не была уже гражданской войной. В результате иностранной интервенции война для испанского народа превратилась в национально-революционную: национальную – потому что была войной за свободу и демократию, против фашизма [5].

В частности, давлением общественности объясняются периодические ослабления жестких мер контроля на франко-испанской границе, что давало возможность транзита грузов, идущих на помощь Республике, в том числе и военных материалов из Советского Союза. Вызов демократии, независимости народов, социальным завоеваниям трудящихся, рождал готовность силой ответить на насилие. Стремление личным участием, с оружием в руках преградить дорогу фашизму – таков был ответ многих сотен рабочих и демократов-антифашистов на итало-германскую агрессию в Испании.

Действительно, интернациональные бригады, объединившие в своих рядах добровольцев – антифашистских борцов всех политических направлений, вошли в историю как наиболее полное выражение международной солидарности и помощи испанскому народу со стороны мирового антифашистского фронта. Организация отбора добровольцев, их отъезда за рубеж, проезда до Испании легла почти целиком на плечи прогрессивных сил разных стран. Республика выстояла 32 месяца. 26 апреля 1937 г. Герника, священный город басков, подверглась жестокой бомбардировке германского авиационного легиона «Кондор» [6].

30 января 1938 г. было создано первое франкистское правительство. В исторической литературе существуют различные оценки общего числа, интернациональных добровольцев в испанской Народной армии. Чаще всего называется цифра 35 тыс., хотя такой вдумчивый и компетентный военачальник, каким был командир 35-й дивизии Республиканской армии генерал Вальтер (К. Сверчевский), считал вполне вероятной цифру 42 тыс. Затруднения в этом вопросе он объяснял слабостью учета личного состава на базе в Альбасете и в самих интернациональных бригадах. 15 ноября закончилось сражение на р. Эбро, которое было последним в боевом пути добровольцев на испанской земле. Как и два года назад, в дни Мадридской обороны, защитники Республики продемонстрировали самоотверженность, стойкость, преданность идеалу свободы и родины.

Мюнхенское соглашение Англии и Франции с Германией и Италией о расчленении Чехословакии было самой крупной, но не последней приманкой, брошенной Германией в надежде подтолкнуть ее к нападению на СССР. Следующей жертвой должна была стать Испания. Блокада на море и на франко-испанской границе душила Республику мертвой хваткой. С опустевшими после сражения на р. Эбро складами боеприпасов, с невосполненными потерями винтовок, пулеметов, орудий, танков, самолетов встретила Народная армия декабрьское наступление 1938 г. на Каталонию 400 тыс. франкистов и была сломлена в неравном бою. Падение Каталонии стало прологом к поражению испанского народа в марте 1939 г.

В последние дни каталонской трагедии ради спасения сотен тысяч беженцев – женщин, детей, стариков, уходивших от мести победителей к французской границе, интернационалисты (еще оставшиеся в Испании в ожидании эвакуации) снова взялись за оружие, сдерживая в аррьергардных боях

передовые части противника. 1 апреля 1938 г. Франко объявил об окончании войны. Развернулся террор против республиканцев. В гражданской войне погибло около 300 тысяч человек [7].

Военное поражение испанской республики состояло в неадекватном соотношении вооруженных сил воюющих сторон в пропорции три к одному: войска Германии, Италии и Франко против Республики. 26 января 1938 г. пал последний бастион Республики – занятие франкистами Барселоны. Англия и Франция признали правительство Франко. 1 апреля 1939 г. Франко в официальном сообщении объявил: «Война закончена».

Таким образом, после 32 месяцев героической борьбы Испанская республика пала. С 1939 г. в Испании установилась диктатура Ф. Франко, просуществовавшая до ноября 1975 г. Гражданская война обошлась Испании в 450 тыс. погибших (5% довоенного населения). По приблизительным подсчетам, погибло 320 тыс. сторонников республики и 130 тыс. националистов. Каждый пятый погибший стал жертвой не собственно военных действий, а политических репрессий по обе стороны фронта. В 1939-1940 гг. количество смертных казней достигало 20-30 ежедневно. Кроме расстрелов, националисты стали применять гарроту – изощренный средневековый способ казни, отмененный в XIX в. По меньшей мере, 200 000 «красных» испанцев прошло через тюрьмы и ссылки. Свыше 300 000 бывших солдат Республики были отправлены на принудительные работы – дорожные, строительные, работы в шахтах. Их сроки колебались от года до 20 лет. [8]

Гражданская война в Испании 1936-1939 гг., ее содержание и последствия отличаются глубокой внутренней противоречивостью. Испания вступила в эпоху гражданской войны как в основном аграрная страна, переживавшая болезненный переход к индустриальному городскому обществу и к современной политической демократии. В стране обострились существенные социально-культурные и политические конфликты. Но не только накаленная общая обстановка и развал экономики, но и отсутствие у гражданского общества арсенала отработанных и усвоенных государственными руководителями навыков политического компромисса вели страну к гражданской войне. Положение государства ухудшали и неудачи во внешней политике. Исход испанской войны означал историческое поражение анархизма и политизированных профсоюзов, постоянно угрожавших общественному порядку. Поражение Испанской республики имело тяжелые международные последствия, способствовало развязыванию второй мировой войны. Но героическая борьба испанского народа не была напрасной. Она почти на три года сковала силы международной реакции, явилась важным этапом в развитии международной антифашистской солидарности. Был накоплен большой опыт борьбы против фашизма. Испанская республика 1936-1939 гг. явилась первым опытом демократической республики нового типа, предшественником государств народной демократии, воспринявших ее опыт.

Ссылки и примечания:

1. Гражданская война в Испании 1931 – 1939 гг. / Пер. с англ. Хью Томас. – М.: Центрполиграф, 2003. – С. 146.
2. Гофман Г. Мангейм – Мадрид – Москва. Воспоминания. – М.: Воениздат, 1982. – С.236.
3. Данилов С. Ю. Гражданская война и общенациональное примирение. США, Россия, Испания. – М.: ГУ ВШЭ, 2004. – С. 85.
4. Гражданская война в Испании 1931 – 1939 гг. / Пер. с англ. Хью Томас. – М.: Центрполиграф, 2003. – С. 179.
5. Гражданская война в Испании 1936 – 1939 / Николай Платошкин. – М.: Олма-пресс: Красный пролетарий, 2005. – (Серия «Архив»). – С. 36.
6. Гражданская война в Испании / Под ред. В. Гончарова – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун.-та, 2006. – С. 284 .
7. Всемирная история: Справочник. – М.: ОЛМА-Медиа – Групп., 2009. – С. 111.
8. Гражданская война в Испании 1936 – 1939 / Николай Платошкин. – М.: Олма-пресс: Красный пролетарий, 2005. – (Серия «Архив»). – С. 39.

УДК 94(592.3): 314.113 “1959/1990”

Л.С. Милокост

кандидат исторических наук,

Луганский государственный университет имени Тараса Шевченко

e-mail: lubov.milokost@mail.ru

СИНГАПУР: ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА ЛИ КУАН Ю

Аннотация:

В статье анализируется демографическая политика правительства Ли Куан Ю, выделены основные периоды и рассмотрена их основная характеристика

Ключевые слова: *демографическая политика, фертильность, Сингапур, Ли Куан Ю.*

Summary:

The article is devoted to the complex investigation of the demographic policy of the Lee Kuan Yew government. The authors has offered two periods and considered their main characteristics

Keywords: *population policy, fertility, Singapore, Lee Kuan Yew*

Период конца XX – начала XXI вв. явился своеобразным «рекордсменом» по количественным и качественным изменениям существующей мировой системы, что, в довольно общих чертах, подтверждается параллельными процессами глобализации и локализации, переходом от однополярности к многополярности, изменением мировых экономических центров и геополитических реалий. Одним из элементов глобальной трансформации экономической и политической карты мира является появление новых индустриальных стран, модель их «перехода» из клуба развивающихся стран в ряд экономик «первого мира». Яркий образец подобной трансформации – Республика Сингапур, которая за достаточно короткий по историческим меркам период национального суверенитета, по выражению Ли Куан Ю, смогла создать «оазиса «первого мира» в регионе «третьего мира» [1].

Республика Сингапур является примером всемирного процесса глобализации экономики и формирования новой политической системы, развития демократических институтов и гражданского общества, социальных преобразований. Заметим, что решение социальных задач является одним из структурных составляющих государственной экономической безопасности, обеспечение которой предполагает наряду с рядом других факторов и стабильное существование населения, что оказывает значительное влияние на демографические процессы. Актуальность изучения опыта демографической политики, проводимой сингапурским правительством, определяется возможностью его имплементации странами «развивающегося» мира.

Все вышеперечисленное определяет выбор темы исследования, целью которого является анализ демографической политики правительства Сингапура, рассмотрение ее характерных черт в период 1959–1990 гг. Хронологические рамки обусловлены пребыванием на посту премьер-министра – отца сингапурского «экономического чуда» – Ли Куан Ю.

С конца 1960 – начала 1970-х гг. правительство Сингапура приступило к реализации «амбициозной программы» обновления городов, социально-экономического планирования и обширной индустриализации. В то же время страна столкнулась с рядом острых проблем, среди которых были дефицит доступного жилья, безработица, резкое увеличение численности населения. Последнее обуславливалась двумя факторами: с одной стороны, снижением уровня смертности, а с другой – постоянно высоким уровнем рождаемости [2]. Одной из целей проводимых реформ было повышение уровня жизни населения. Реформаторы исходили из того, что достигнутые успехи в этой сфере будут нивелироваться в связи с растущими темпами прироста населения. Данный концепт был положен в основу разработки четкого плана по снижению темпов роста населения. Одним из первых шагов в этом направлении было создание Агентства по вопросам планирования семьи и народонаселения (Singapore Family Planning and Population Board) в 1966 году. Главной задачей

данной институции было снижение уровня рождаемости и достижение коэффициента воспроизводства с нулевым ростом населения [3].

Основным средством изменения численности населения рассматривалась политика планирования семьи под лозунгами «Take Your Time to Say Yes» и «Stop at Two». Правительство предполагало переориентировать молодежь на более позднее заключение брака и создание семьи в составе только двоих детей. Практическое воплощение данная программа действий получила в легализации аборт, в возможности их осуществления, как в государственных, так и частных клиниках. Добровольная стерилизация была не только легализована, но и вводились определенные льготы для родителей из этой категории, а именно: приоритетное положение для детей, поступающих в престижные школы, уменьшение налогов. Кроме того, были введены экономические рычаги воздействия на семьи, которые решались заводить больше чем двоих детей. Это выражалось в увеличении налогов и отказе от предоставления оплачиваемого отпуска по беременности и родам для женщин с рождением третьего или последующего ребенка.

Предпринятые правительственные меры дали свои результаты. В 1970-х и начале 1980-х гг. произошло резкое падение уровня рождаемости. Планируемый нулевой уровень рождаемости был достигнут в 1975 г. [4]. Справедливости ради, заметим, что это произошло благодаря целому комплексу причин, которые определялись, прежде всего, социально-экономическими изменениями, а не только продуманной демографической политикой государства. Среди таких причин можно назвать увеличение количества женщин, которые были заняты в производстве, и изменение их роли в семье, трансформацию ценностных ориентиров.

Определенным рубежом в демографической политике стало начало 1980-х гг., что было связано с вопросом о качественных аспектах низкой рождаемости. Дело в том, что перепись населения 1980 года продемонстрировала различие между социально-экономическими группами в плане воспроизводства населения [5]. Так, данные переписи свидетельствовали, что если на каждую женщину без высшего или средне специального образования приходилось в среднем 4,3 ребенка, то данный показатель на долю женщин с высшим образованием составлял 1,6 ребенка. Анализ этой тенденции стал основой для внесения определенных корректив в проводимую политику правительства.

В октябре 1983 г. в своем выступлении Ли Куан Ю заявил, что «если наши мужчины – выпускники высших учебных заведений хотят, чтобы их дети тоже преуспевали в жизни, то было бы очень глупо с их стороны выбирать себе в жены менее образованных и менее интеллектуально развитых жен» [6]. Это положило начало «великим брачным дебатам» и созданию Агентства социального развития (Social Development Unit) во главе с доктором наук Эйлин О из Национального Университета Сингапура. Главной задачей данного агентства было решение проблемы незамужних образованных женщин посредством создания возможности для их общения с мужчинами с высшим

образованием. Как писал Ли Куан Ю, характеризуя роль этого нововведения, «..поскольку традиционные методы поиска партеров для вступления в брак были разрушены системой всеобщего образования, правительству пришлось создать альтернативу свахам прошлого» [7].

Чем же объясняется такая обеспокоенность качественными показателями демографической политики? Конечно, необходимостью формирования качественной рабочей силы, без которой не возможен экономический рост. Помимо опасений по поводу нехватки высококвалифицированной рабочей силы, на первый план вышла проблема быстрого старения населения. Так, по прогнозам аналитиков, к 2026 году доля пожилых людей составит 25% населения, что практически совпадет с показателем трудоспособного населения (30%) [8].

Начиная с 1980-х гг. приоритетной целью правительства было обеспечение рабочей силой рынка труда и реализация плана по увеличению населения страны до 6,5 миллионов к 2070 г. [9]. Эта задача реализовывалась путем введения специальных налоговых льгот для замужних женщинам с высшим и средним специальным образованием, а также для женщин, окончивших высшую и общеобразовательную школу в виде уменьшения подоходного налога после рождения третьего и четвертого ребенка. Для создания определенных стимулов отказа от рождения второго или третьего ребенка женщинам до 30 лет с низким уровнем образованности вводилась оплата в размере \$ 10 000 при условии прохождения процедуры стерилизации.

В аспекте изменения демографической политики правительства следует остановиться на ее этнической характеристике. Ситуация складывалась так, что предыдущее снижению темпов рождаемости затронуло в большей степени китайцев, а в меньшей степени индийцев и малайцев. Однако, именно среди китайского населения были самые высокие показатели процента людей с высшим или средним специальным образованием. Таким образом, правительственная оппозиция «усмотрела» в новых мерах элементы изменения этнического баланса в обществе. Не удивительно, что евгеника, расовые и дискриминационные элементы политики сделали предлагаемые правительственные меры чрезвычайно непопулярными, что привело к потере правящей партии значительного процента голосов на всеобщих выборах 1984 года [10].

В 1987 году был констатирован провал программы социальной евгеники, так как тенденция существования большого процента одиноких женщин с высшим образованием и отказа иметь более двух детей в подобных семьях в целом не была решена. В марте этого же года была запущена программа с лозунгом «Have Three Or More Children If You Can Afford It». В новом подходе была сделана попытка избежать элитарного тона эпохи евгеники, установив новый «критерий доступности», акцент которого был смещен на возможности повышения образовательной квалификации детей в семьях, где родители не имели высшего образования [11]. Внедрение новой демографической политики

было сопровождено обширной пропагандистской компанией в средствах массовой информации для популяризации нематериальных преимуществ иметь больше двух детей. Например, широко был разрекламирован лозунги «Children – Life would be empty without them» и «Life’s fun when you’re a dad and mum».

Таким образом, в демографической политике Сингапура в период 1959–1990 гг. можно выделить два основных этапа: 1960–1970-е гг. и 1980-е гг.–1990-й год. На каждом из этапов набор конкретных средств реализации планирования, основная стратегическая цель определялась конкретными условиями развития. В первый период – это необходимость решения проблемы быстрого темпа прироста населения, безработицы и улучшения показателей школьного образования, нехватка жилищного фонда. Второй период поставил на повестку дня необходимость реагировать на запросы рынка труда и процесса старения населения.

Ссылки и примечания:

1. Ю, Ли Куан Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1966-2000) : пер. с англ. Александра Боня / Ли Кван Ю. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 213. – С.40–41
2. Theresa Wong, Brenda S.A. Yeoh Fertility and the Family: An Overview of Pro-natalist Population Policies in Singapore [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.populationasia.org/Publications/RP/AMCRP12.pdf>
3. Understanding Singapore Society / J.H. Ong, C.T. Kong, E.S. Tan. – Singapore: Times Academic Press. – P.120–123.
4. Theresa Wong, Brenda S.A. Yeoh Fertility and the Family: An Overview of Pro-natalist Population Policies in Singapore [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.populationasia.org/Publications/RP/AMCRP12.pdf>
5. Neo Boon Siong & Geraldine Chen Dynamic governance: embedding culture, capabilities and change in Singapore [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.untagsmd.ac.id/files/Perpustakaan_Digital_2/PUBLIC%20ADMINISTRATION%20Dynamic%20governance%20%20embedding%20culture,%20capabilities%20and%20change%20in%20Singapore.pdf
6. Ю, Ли Куан Из третьего мира – в первый. История Сингапура (1966-2000) : пер. с англ. Александра Боня / Ли Кван Ю. – М. : Манн, Иванов и Фербер, 213. – С. 117
7. Там же. – С. 120
8. Chan, A. and Yeoh, B.S.A. Gender, family and fertility in Asia: An introduction / A. Chan and B.S.A Yeoh // Asia-Pacific Population Journal. – 2002. – №17 (2). – P. 7.
9. Cheung P. Micro-consequences of low fertility in Singapore / P. Cheung // Asia-Pacific Population Journal. – 1990. – № 5 (4). – P. 37
10. Neo Boon Siong & Geraldine Chen Dynamic governance: embedding culture, capabilities and change in Singapore [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.untagsmd.ac.id/files/Perpustakaan_Digital_2/PUBLIC%20ADMINISTRATION%20Dynamic%20governance%20%20embedding%20culture,%20capabilities%20and%20change%20in%20Singapore.pdf

11. Theresa Wong, Brenda S.A. Yeoh Fertility and the Family: An Overview of Pro-natalist Population Policies in Singapore [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.populationasia.org/Publications/RP/AMCRP12.pdf>

УДК 323.1(410)(=152) «1981»

В.И. Скопылатова

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: viktoryaist@gmail.com

БОРЬБА КАБИНЕТА МАРГАРЕТ ТЭТЧЕР С ИРЛАНДСКОЙ РЕСПУБЛИКАНСКОЙ АРМИЕЙ (1981 г.).

Аннотация:

В статье рассмотрены хронология и основные события противостояния заключенных представителей Ирландской Республиканской Армии и правительства Великобритании во главе с Маргарет Тэтчер. Проанализирована политика и стратегия английского правительства призванная погасить протест и действия протестующих, которым удалось вызвать широкий резонанс и снискать поддержку ирландского общества. Бескомпромиссная политика британского правительства толкнула Ирландскую Республиканскую Армию на путь еще большей радикализации и криминализации своей борьбы.

***Ключевые слова:** Ирландская Республиканская Армия, Маргарет Тэтчер, правительство Великобритании, протест.*

Summary:

The article deals with the chronology and main events of confrontation between prisoners representatives of the Irish Republican Army and the British government led by Margaret Thatcher. Analyzed policy and strategy, with which the English government tried to suppress the protest and the actions of the protesters, who managed to cause a wide resonance and to win the support of Irish society. The uncompromising policy of the British government pushed the Irish Republican Army on the path to even greater radicalization and criminalization of their struggle.

***Keywords:** The Irish Republican Army, Margaret Thatcher, the British government, the protest.*

Актуальность избранной темы заключается в том, что 1981 год стал поворотным в противостоянии правительства Великобритании, во главе с

Маргарет Тэтчер и представителями Ирландской Республиканской Армии, потому что именно голодный протест заключенных тюрьмы Мэйз и непреклонная позиция правительства Великобритании, по этому вопросу, способствовали криминализации деятельности Ирландской Республиканской Армии и массовым протестам.

Целью нашей статьи является изучение противостояния британского правительства и Ирландской Республиканской Армии в 1981 году, когда волна протестов прокатилась по тюрьмам Великобритании, в которые были заключены члены Ирландской Республиканской Армии. В рамках этого противостояния изучение голодного протеста, олицетворением которого стал Бобби Сэндс, как фактора обострившего взаимоотношения Великобритании с Ирландской Республиканской Армией.

Для реализации заявленной цели были поставлены следующие задачи: во-первых – выявить предпосылки обострения противостояния британского правительства и Ирландской Республиканской Армии; во-вторых – определить стратегию, при помощи которой, кабинет Маргарет Тэтчер решал возникшую проблему; в-третьих – проанализировать последствия политики британского правительства в отношении протестующих заключенных тюрьмы Мейз.

Историографическая база статьи представлена рядом работ зарубежных авторов. Дж. Байером Беллом, американский автор, в своем исследовании «Ирландские беды: поколение насилия», предоставляет авторскую аналитику базирующуюся на исторических фактах. Работа Дж. Б. Белла вызывает интерес еще и потому, что автор является не только историком, но признанным экспертом по терроризму [1]. Еще одно исследование, которое вызвало интерес при написании нашей статьи, Дж. П.Куган«ИРА»: в работе изучены происхождение Ирландской Республиканской Армии, история протестов, голодовок и бомбежек, которые проводились Ирландской Республиканской Армией. Автор рассматривает деятельность Ирландской Республиканской Армии не как террористическую, а как противостояние на религиозной почве [2].

Источниковая база исследования состоит из публичных заявлений Маргарет Тэтчер [3], периодических изданий, таких как Дейли Мэйл, Сан, Санди Экспресс, которые поддерживали официальный курс британского правительства. Целью британской прессы было формирование общественного мнения, которое бы осуждало деятельность Ирландской Республиканской Армии в целом и голодный протест заключенных в частности.

Хронологические рамки темы, рассматриваемой в статье, охватывают 1981 год – год активного протеста заключенных представителей Ирландской Республиканской Армии и начавшейся в рамках этого протеста голодовки, которая унесла жизни десяти людей и криминализовала дальнейшую деятельность Ирландской Республиканской Армии.

В июле 1972 года был закреплен специальный статус для всех заключенных, так или иначе связанных с Ирландской Республиканской Армией

[4]. Особый статус заключенных стал одним из главных условий, при выполнении которого, представители Ирландской Республиканской Армии согласились на встречу с правительством Великобритании для того, чтобы обсудить перемирие. Особый статус, который предоставлялся заключенным представителям Ирландской Республиканской Армии, фактически приравнивал их к военнопленным и предоставлял им ряд привилегий, прописанных в Женевской конвенции [5].

В докладе для комитета гражданских свобод, прав человека и мер по борьбе с терроризмом в Северной Ирландии, Г. А. Гардинер – который являлся его председателем, заявил, что необходимо пересмотреть особый статус заключенных представителей Ирландской Республиканской Армии, так как его предоставление не только подрывает авторитет тюремной администрации, но и пагубно сказывается на поддержании дисциплины среди заключенных [6]. Правительство учло эту рекомендацию и было принято решение о приостановлении предоставления особого статуса представителям Ирландской Республиканской Армии, а также лицам осужденным за терроризм. Все заключенные после 1 марта 1976 года, приравнивались к заключенным по уголовным статьям и не могли считаться военнопленными и пользоваться привилегиями предоставляемыми военнопленным, согласно Женевской конвенции.

Противостояние правительства Великобритании во главе с Маргарет Тэтчер и членов Ирландской Республиканской Армии в очередной раз обострилось, во время борьбы заключенных тюрьмы Мейз за свои права и признание их политзаключенными, а не осужденными на уголовной статье.

Все осужденные члены Ирландской Республиканской Армии приравнивались к осужденным совершившим уголовные преступления, единственным отличием, которое выделяло их среди остальных осужденных – это особый блок «Н» в тюрьме Мейз, в который их помещали.

Первым протестующим стал Киран Ньюджент, категорически отказавшийся надевать тюремную робу, которая делала его похожим на обычного уголовника, он требовал того чтобы ему разрешили носить его собственную одежду, естественно такое право ему предоставлено не было и он облачился в тюремное одеяло. Позднее к этому протесту присоединилось еще 40 человек, а облачение заключенных получило название «одеяло протеста».

Заключенные требовали присвоения им статуса политзаключенных и связи с этим выдвигали пять требований: уникальное право носить не тюремную форму, а собственную одежду; предоставление права не выполнять тюремную работу наравне с остальными заключенными; свободу в связи и общением с другими заключенными и на организацию различного рода мероприятий, в том числе образовательных и развлекательных; разрешения на один еженедельный визит, письмо и посылку; полное право на помилование [7].

Протестующие понимали, что «одеяло протеста» не возымело должного и ожидаемого эффекта, поэтому, была предпринята радикальная форма

протеста, так называемые, «грязные протесты», во время которых, заключенные отказывались соблюдать личную гигиену, вымазывали стены своих камер в биологические нечистоты, но, на это, в ответ от правительства не последовало реакции или хотя бы динамики в сторону выполнения требований бастующих.

Тогда заключенные предприняли один из самых радикальных методов протестов, которые были только доступны им в условиях тюремного заключения – голодовка.

Первая голодовка была завершена через 53 дня после ее объявления, благодаря тому, что протестующие ошибочно восприняли некоторое смягчение режима содержания заключенных за уступки правительства. Но никаких изменений в содержании заключенных не произошло, и тогда, было принято решение начать второй этап голодовки.

Мировая общественность ждала от Маргарет Тэтчер реакции в ответ на объявление голодовки, представителями Ирландской Республиканской Армии и Ирландской Национальной Освободительной Армии, заключенных в тюрьму Мэйз, но её не последовало. Тэтчер проявила свою поистине железную волю и заявила: «Если преступник желает умереть и самостоятельно лишить себя жизни, значит, будет так, в конце концов, это его собственный выбор, которого не было у его жертв» [8].

Премьер Министр, заявила, что не собирается никого кормить насильно и только в случае потери сознания протестующим его родственники могут воспользоваться правом и принимать решение о его лечении самостоятельно.

В ходе голодовки, резонансным стало избрание Бобби Сэндса в парламент от Фермана и Южного Тирона – это означало, что заключенный пользуется широкой поддержкой, а власти Великобритании в противовес ему предстают в невыгодном свете. Поэтому была необходима неоднозначная реакция со стороны правительства Великобритании, чтобы в дальнейшем избежать подобных прецедентов. 2 июля 1981 г. был принят парламентский акт, запрещающий баллотироваться в парламент лицам, которые были осуждены на срок превышающий 1 год или обвинялись в терроризме [9]. Принятие такого акта свидетельствует о том, что правительство Великобритании во главе с Маргарет Тэтчер проводило политику, которая бы не позволила героизировать противников из Ирландской Республиканской Армии, но в силу жесткости и бескомпромиссности не всегда успешно.

3 октября 1981 г. голодовка была завершена. Завершение протеста, который в истории получил название ирландского голода 1981 года, было встречено приветствием Джеймса Прайора, нового госсекретаря Северной Ирландии и всего мирового сообщества. Британское правительство во главе с Маргарет Тэтчер в конечном итоге вынуждено было уступить требованиям

голодающих по большинству пунктов, но статус политзаключенных так и не был присвоен протестующим.

Проанализировав политику британского правительства, во главе с Маргарет Тэтчер приходим к следующим выводам:

Премьер министр Великобритании оказалась бессильна перед лицом протестующих, сломить их волю не удавалось ни заключением, ни презрительным игнорированием, ни попытками очернить и криминализировать заключенных Мейза.

Кабинету министров, под руководством Тэтчер, пришлось в срочном порядке принимать законодательный акт, который, не позволил заключенным, или осужденным, более чем на год, баллотироваться в парламент, что свидетельствует о том, что правительственные силы Великобритании видели реальную угрозу в протестующих и предпринимали шаги, для того, что были лишены их широкой поддержки, ореола мучеников и возможности в дальнейшем вести политическую деятельность.

Правительство, в конечном итоге уступившее практически по всем требованиям протестующих, но из-за показного упрямства, позволившее в мучениях умереть десяти людям, допустило тем самым стратегическую ошибку – протестующие стали символом угнетения Северной Ирландии, подтолкнуло представителей Ирландской Республиканской Армии к еще более радикальному и террористически окрашенному пути сопротивления и борьбе за свои идеи и веру.

Ссылки и примечания:

1. J. Bowyer Bell *The Irish Troubles: A Generation of Violence, 1967-92*, N.Y., 1993.
2. Jim Pat Coogan *The I.R.A. L.*, 1995.
3. Margaret Thatcher, *In Defense of Freedom*, Buffalo, N.Y.: Prometheus Books, 1987.
4. Kieran McEvoy *Paramilitary Imprisonment in Northern Ireland: Resistance Management, and Release (Clarendon Studies In Criminology)*; Oxford University Press, USA, 464 p., 2001.
5. Geneva convention relative to the treatment of prisoners of war of august 12, 1949 (Geneva convection III).
6. Report of a Committee to consider, in the context of civil liberties and human rights, measures to deal with terrorism in Northern Ireland. Chairman: Lord Gardiner Presented to Parliament by the Secretary of State for Northern Ireland by Command of Her Majesty.
January 1975: режим доступа – <http://cain.ulst.ac.uk/hms0/gardiner.htm#1>
7. Republican hunger strikes in the Maze prison October 1980 – October 1981: Режим доступа –
http://www.bbc.co.uk/history/events/republican_hunger_strikes_maze.

8. Margaret Thatcher, In Defense of Freedom, Buffalo, N.Y.: Prometheus Books, 1987.
9. Revised Statute from The UK Statute Law Database Representation of the People Act 1981 (с. 34): Режим доступа – <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20100612050234>
10. Margaret Thatcher, In Defense of Freedom, Buffalo, N.Y.: Prometheus Books, 1987.
11. Moen, D. (2000) «Irish Political Prisoners and Post Hunger-Strike Resistanceto Criminalization», British Criminology Conference: Selected Proceedings. Volume 3, Режим доступа – <http://www.lboro.ac.uk/departments/ss/bsc/bccsp/vol03/moen.html>;
12. Roy Greenslade The IRA hunger strike and Fleet Street's graveyard of truth ,Режим доступа – <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2011/jun/17/ira-hunger-strike-fleet-street>.

Международные отношения

УДК 327.8

М.М. Кухтин

кандидат политических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail:mikhail-kukhtin@yandex.ru

ГЕОПОЛИТИКА ТРЕТЬЕЙ ПУНИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ

(149-146 гг. до н. э.)

Аннотация

Статья посвящена анализу причин, хода и результатов третьей Пунической войны. Война выявила проблемы, стоявшие перед расширявшейся римской средиземноморской державой. Военная организация и стратегическое мышление римлян не вполне соответствовали требованиям времени, что затрудняло защиту завоеванного и дальнейшую экспансию. Позже они в основном преодолели данные недостатки.

Ключевые слова: *Древний Рим, Карфаген, геополитика.*

Summary

The article is devoted to the analysis of the causes, course and results of the Third Punic War. The war highlighted problems which the expanding Roman Mediterranean power faced. The military organization and strategic thinking of the Romans did not fully correspond to the imperatives of the time, which hampered the defense of the conquests and further expansion. They overcame these drawbacks for the most part later.

Keywords: *Ancient Rome, Carthage, geopolitics.*

Третья Пуническая война традиционно привлекала к себе меньше внимания историков, чем борьба римлян и карфагенян за Сицилию или походы Ганнибала. На это есть серьезные причины, поскольку именно вторая Пуническая война окончательно решила вопрос о господстве над Западным Средиземноморьем в пользу Рима, после нее Карфаген уже не был великой державой и не мог надеяться вернуть себе данный статус в обозримом будущем. Соответственно, с точки зрения геополитики и военной стратегии третья Пуническая война представляет несколько меньший интерес, чем предыдущие столкновения Рима и Карфагена. Она продолжалась сравнительно недолго, а силы противников были несоизмеримы, что заранее предрешало ее исход. Однако карфагеняне сопротивлялись тригода, что было неожиданно при данном соотношении сил. В течение войны Карфаген сковывал значительные ресурсы, которые Римская республика могла бы задействовать на других

направлениях и подчинить себе Восточное Средиземноморье быстрее, чем это произошло в действительности. Следовательно, хотя изучение хода самих военных действий дает сравнительно немного важных уроков, однако можно получить новое знание, поместив войну, саму по себе далеко не судьбоносную для Рима, в широкий геополитический контекст и установив связи между ней и событиями, происходившими в 150-140-е гг. до н. э. в других районах Средиземноморья. Приведенных соображений достаточно для обоснования актуальности заявленной темы.

Целесообразно изучить третью Пуническую войну в контексте борьбы Римской республики с эллинистическими монархиями, восстаниями рабов и покоренными племенами. Стоит рассмотреть, как успешно римляне решали разноплановые задачи в условиях нехватки времени и ресурсов. Это поможет пролить свет на структуру римского государства, особенности его армии и экономики, ответить на вопрос, что именно обеспечило римлянам решающее преимущество в борьбе за господство над Средиземноморьем с сильными и многочисленными конкурентами.

Научная новизна исследования обусловлена тем, что традиционная историография была, за рядом исключений, склонна рассматривать третью Пуническую войну как сугубо локальный конфликт, события которого недостаточно поучительны в военном и политическом отношении. Помещение войны в геополитический контекст, охватывающий все Средиземноморье и важные события, предшествовавшие ей и сопровождавшие ее, позволяет взглянуть на последнюю схватку Рима и Карфагена под несколько непривычным углом зрения.

Теоретическое значение статьи заключается в том, что она проливает свет на особенности римской армии, дипломатии и государственного устройства в целом в рассматриваемый исторический период. Выводы статьи помогут подробнее проследить как эволюцию республиканских учреждений, так и динамику и механизмы римской экспансии. Практическое значение статьи обусловлено тем, что геополитические закономерности, выявленные на материале одной эпохи, часто находят себе известное, хотя и ограниченное, применение в другие эпохи, например, в современном мире. Известно, что географические реалии в гораздо меньшей степени подвержены изменениям, чем реалии политические, экономические, военные и культурные.

Объектом исследования являются причины, ход и результаты третьей Пунической войны, предметом – их географическая обусловленность, их связь с более ранними и параллельно происходившими событиями в различных районах Средиземноморья. Хронологические рамки работы охватывают 152-146 гг. до н. э., географические – Средиземноморье.

Труд К. А. Ревяко «Пунические войны» [1] содержит подробное изложение событий войны и ряд ценных наблюдений, касающихся временных неудач Рима и результатов вооруженного конфликта для римлян и известного им мира.

Сведения из упомянутой монографии были дополнены за счет специальных трудов по истории Древнего Рима [2] и карфагенской морской державы[3].

После второй Пунической войны Ганнибал вел тайные переговоры с сирийским царем Антиохом III, укреплял и реформировал Карфаген, готовясь к реваншу. Потом под давлением римлян и своих врагов в самом Карфагене он был вынужден бежать в державу Селевкидов. Рим выиграл войну с Сирией (192-189 гг. до н. э.), Ганнибал бежал еще раз и после долгих скитаний принял яд в столице Вифинии Никее[4].

Когда Рим выиграл третью Македонскую войну (171-167 гг. до н. э.), он стал сильнейшей державой теперь и Восточного Средиземноморья. У него были развязаны руки для окончательного разгрома все еще сильного Карфагена. В 152 г. до н. э. посольство римлян обнаружило город в цветущем состоянии, что усилило беспокойство сената. Кроме того, в 150 г. до н. э. Карфаген, согласно договору, переставал быть данником Рима. Римляне искусно поддерживали затяжной конфликт Карфагена и нумидийского царя Масиниссы[5], однако это не решало проблему в долгосрочной перспективе. Карфаген сохранял еще достаточно сил, а если бы он окончательно ослабел и был захвачен Нумидией, это стало бы новой угрозой для римских интересов в Африке.

После долгих споров в Риме возобладала радикальная точка зрения, выраженная словами Марка Порция Катона Старшего: «Кроме того, я думаю, что Карфаген должен быть разрушен». При этом ни в Риме, ни в Карфагене не было полного единства мнений о внутренней и внешней политике государства. Римляне быстро нашли повод для войны: вопреки договору 201 г. до н. э. Карфаген без разрешения римского сената начал войну с Нумидией. Город, уничтожение которого уже было для римского правительства самоцелью, не мог полагаться даже на ближайших союзников. С другой стороны, римляне испытывали трудности с комплектованием армии, они были вынуждены держать большие силы в Иберии, Греции и Македонии. Однако война началась [6].

Во время третьей Пунической войны римляне участвовали еще в трех крупных военных конфликтах. Они подавили восстание Андриска в Македонии 149-148 гг. до н. э., разгромили Ахейский союз в войне 148-146 гг. до н. э. Много времени и сил ушло на борьбу с иберийскими племенами в 154-139 гг. до н. э., закончившуюся победой Рима. Одно время вождь лузитан Вириат был настолько успешен, что римляне признавали его независимым лузитанским царем. К 149 г. до н. э. Рим уже разгромил сильных врагов – Сирию и Македонию, но столкнулся (одновременно или через короткие промежутки времени) с рядом врагов более слабых, что заставляло экономить и грамотно распределять силы и отчасти обусловило затяжной характер последней войны с Карфагеном.

Карфагеняне сдали римлянам оружие и флот, но требование переселиться вглубь континента глубоко возмутило их, и они, воспользовавшись

промедлением римлян, приготовились к войне. Карфаген был хорошо укреплен, римляне не ожидали сопротивления, а в тылу у них стояла еще одна карфагенская армия, поэтому сразу взять город не удалось. Во время осады римское командование допустило ряд ошибок. Сципион Эмилиан, напротив, воевал умело и добился дипломатических успехов – к римлянам перешел известный карфагенский полководец с большим отрядом, к ним на помощь пришла нумидийская армия. Карфагеняне тоже не теряли времени зря. Они овладели Ливией, вели с Андриском и с наследниками покойного нумидийского царя Масиниссы переговоры о создании антиримской коалиции [7].

В 147 г. до н. э., когда Сципиона избрали консулом и назначили командующим африканской армией, в войне наступил перелом. Полководец восстановил в армии пошатнувшуюся дисциплину. После падения Неферисавсы Ливия покорилась римлянам. Карфаген был блокирован с моря и с суши, отрезан от поставок продовольствия. Весной 146 г. до н. э. после шестидневного штурма город был взят и разрушен римлянами [8]. Была образована новая римская провинция Африка, римская экономика получила мощный импульс к развитию.

Между второй и третьей Пуническими войнами Карфаген восстановил свою экономическую мощь и прежнюю численность населения, однако его вооруженные силы оставались слабыми, а суверенитет – ограниченным. В городе враждовали три политические группировки – проримская, пронумидийская и демократическая, выступавшая за возрождение карфагенской мощи. Карфагену оставалось лишь надеяться на улучшение международной обстановки. Как известно, его надежды не оправдались. После третьей Македонской войны римляне стали проводить более агрессивную внешнюю политику, в том числе и на африканском направлении. Договор 201 г. до н. э. не содержал точного определения границ между Нумидией и Карфагеном и запрещал последнему начинать войны без санкции римского сената. Карфагеняне стояли перед выбором: нарушить запрет и дать Риму повод к новой войне или фактически капитулировать перед Нумидией. Все это в совокупности делало поражение Карфагена неизбежным. С другой стороны, Рим не смог одержать быструю и легкую победу над старым противником из-за недостаточной боеспособности своей африканской армии, ошибок ее командования и необходимости одновременно вести несколько военных кампаний в разных местах. Римская экспансия вела к геополитической интеграции Средиземноморья, связывала в единую политическую и экономическую систему народы, между которыми раньше не было регулярных контактов. Отныне от римского руководства требовался новый уровень стратегического мышления, поскольку дальнейшая экспансия была сопряжена с риском распыления сил, а достигнутые границы было достаточно трудно защищать. Вооруженный конфликт выявил внутренние слабости Рима и показал, что ни военное превосходство, ни успешная дипломатия не дают

твердой гарантии, что ему не придется сражаться на нескольких фронтах сразу. Не сделав Средиземное море «римским озером», римляне не могли рассчитывать на окончательное оформление своей государственной территории и долгий период стабильности и процветания.

Избранное направление исследований весьма перспективно. Проведя геополитический анализ третьей Пунической войны, можно обратиться к геоэкономике и геокультуре, поскольку победа римлян ускорила созревание рабовладельческих отношений во всем Средиземноморье и «социокультурное перемешивание» [9] населявших его народов. Наконец, с предложенной точки зрения можно рассмотреть многие другие войны древности.

Ссылки и примечания:

1. Ревяко К.А. Пунические войны / К.А. Ревяко. – Минск: Издательство «Университетское», 1988. – 272 с.
2. Ковалев С.И. История Рима. Новое издание, исправленное и дополненное / С.И. Ковалев / под. общ. ред. проф. Э.Д. Фролова. – СПб.: Полигон, 2002. – 864 с.; Моммзен Т. История Рима / Т. Моммзен. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – Т. 2. – 640 с.
3. Циркин Ю.Б. От Ханаана до Карфагена / Ю.Б. Циркин. – М.: Астрель, АСТ, 2001. – 528 с.; Шифман И.Ш. Карфаген / И.Ш. Шифман / Сост. и авт. вступ. статьи И.Р. Тантлевский. – СПб.: Издательство СПбГУ, 2006. – 518 с.
4. Ревяко К.А. Пунические войны / К.А. Ревяко. – Минск: Издательство «Университетское», 1988. – 272 с. – С. 218-221.
5. Ibid. – С. 221-223.
6. Ibid. – С. 225-229.
7. Ibid. – С. 230-238.
8. Ibid. – С. 239-244.
9. Переслегин С.Б. Возвращение к звездам. Фантастика и эволюция / С.Б. Переслегин // Серия «Philosophy». – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, СПб.: TerraFantastica, 2010. – 570, [6] с. – С. 500.

УДК 332.122

А.В. Бредихин

кандидат исторических наук,

*Центр политологических исследований Финансового университета при
Правительстве РФ, Центр проблем развития и модернизации ИМЭМО им.
Е.М. Примакова РАН*

e-mail: dyachkino@yandex.ru

ПРИГРАНИЧНЫЕ АГЛОМЕРАЦИИ В ПРОЦЕССАХ НАДНАЦИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ ЕАЭС И КИТАЯ

Аннотация:

Пространство Азиатско-Тихоокеанского региона включает в свой состав ряд наднациональных образований, в том числе и Евразийский Экономический Союз. Это динамично развивающееся сообщество стран Евразии формирует свою политическую и экономическую повестку дня со странами АТР, носящую разноплановый характер. Создана зона свободной торговли ЕАЭС с Вьетнамом, ряд стран региона изъявили о своем желании заключить подобные договора. С Китаем Евразийский Экономический Союз имеет систему приграничного сотрудничества, потенциалом развития которой выступает агломеративная кооперация.

В частности, в российско-китайском приграничье существует ряд пар-городов, формирующих международные агломерации. В качестве их центра нами рассматривается российский Владивосток, обладающий наибольшим потенциалом экономического роста. В исследовании будет использован сравнительный метод и системный подход.

Ключевые слова: *агломерация, интеграция, приграничье, урбанизация, Азиатско-Тихоокеанский регион, Евразийский Экономический Союз, Россия, Китай.*

Summary:

The space of the Asia-Pacific region includes in its membership a number of supranational entities, including the Eurasian Economic Union. This dynamic community of Eurasia shapes its political and economic agenda with Asia-Pacific countries, which bears a versatile character. To create a free trade zone with Vietnam EAEC, a number of countries in the region have expressed their desire to conclude such agreements. With China Eurasian Economic Union has a system of cross-border cooperation, the development potential of which is the agglomerative cooperation. The format of its implementation in the EAEC countries and China and will be considered in our study. In particular, the Russian-Chinese border area there are a number of pairs of cities-forming international agglomeration. As we consider

the center of Vladivostok Russia, which has the greatest potential for economic growth. The study will use the comparative method and system approach.

Keywords: *agglomeration, integration, border areas, urbanization, the Asia-Pacific region, the Eurasian Economic Union, Russia, China.*

СОТРУДНИЧЕСТВО ГОРОДОВ КАК ЭЛЕМЕНТ ГЛОКАЛИЗАЦИИ

В Азиатско-Тихоокеанском регионе роль городов, как самостоятельных субъектов международного права, приобрела довольно значимый характер. Город-государство Сингапур, специальные административные районы Китая Гонконг и Макао, крупные экономические центры Шанхай и Сеул уже сейчас выступают в качестве полноценных акторов международного диалога и элементов процесса глокализации, т.е. усиления локальных тенденций как ответа глобализации. Их развитие, по мнению М. Дугласс, связано с действиями национальных властей, настроенными на создание особых экономических зон, "треугольников роста", развитие кросс-границных агломеративных институтов [1]. Становясь самостоятельными "центрами роста", они задают новую геополитическую карту мира, с новыми Центрами и Перифериями.

В международных нормативно-правовых актах, в том числе принятых ООН, обосновывается создание "архипелагов городов" в транснациональных урбанистических территориях, что способствует формированию инновационных экономических зон и центров притяжения. Это заставляет государства обзаводиться подобными международными городами, мегаполисами имеющими значимую роль в системе международных отношений, или, при наличии, преумножать их число [2]. Сами глобальные города интегрируются в мировую экономику и глобальные городские сети, становясь штаб-квартирами мировых ТНК, концентрируя определенные секторы финансовых потоков, превращаясь в независимых международных акторов [3].

Международные города, как и любые другие урбанистические центры, обладают агломерациями. Понятие "агломерация" происходит от латинского "agglomerare", что означает "присоединять" и "накапливать" [4] и представляет собой населенные пункты, объединенные городским центром (центрами) и обладающие общей экономикой, транспортной инфраструктурой, системой управления. В случае ее полицентричности, агломерация приобретает статус конурбации, наиболее классическим примером которой выступает Рурская конурбация в земле Северный Рейн-Вестфалия с численностью населения 11,5 млн. человек и 11 городами земельного подчинения.

Агломерация обладают четко выделенным ядром или ядрами с прилегающими к ним системой пригородов и урбодеревень, расположенными в 1-1,5 часах досягаемости. Особой зоной агломеративного сотрудничества выступает приграничье, в котором взаимодействие и интеграция городов по

“обе стороны границы” способствует их ускоренному развитию, усилению темпов роста, а также формированию транснациональных логических и экономических центров.

Проблема российско-китайского приграничного сотрудничества рассматривается в ряде российских и зарубежных исследований, в частности вопросам развития российско-китайской приграничной экономики и торговли посвящены работы М.В. Александровой [5], В.В. Каменевой, Л.Ф. Колмыкова, В.М. Ларина [6], Н.И. Масюк [7], И.В. Раньжиной [8], Ван И [9], Синь Жань [10], Хань Цзюнь [11] и др. Широко рассматриваются вопросы социокультурного сотрудничества в исследованиях Юй Чжоу, Н.А. Абрамовой [12], К.С. Дубровской, В.С. Морозовой [13], А.Н. Михайленко, И.И. Арсентьевой [14] и др. Однако вопросам агломеративного сотрудничества в российско-китайской приграничной зоне уделяется, на наш взгляд, недостаточное внимание и тема, несмотря на свою актуальность, мало раскрыта в научном дискурсе.

В качестве исследовательской проблемы нашей работы определено агломеративное сотрудничество в приграничье Российской Федерации и Китая в контексте интеграции Азиатско-Тихоокеанского региона. Методами исследования определены сравнительный метод и системный подход. Для достижения поставленной цели поставлены задачи рассмотрения истории опыта сотрудничества регионов в приграничье России и Китая, процесса формирования российско-китайских международных агломераций, роли приграничных агломераций в процессах наднациональной интеграции.

ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПРОЦЕССОВ ИНТЕГРАЦИИ В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ

Процесс истории сотрудничества России и Китая способствовал проникновению культур и формированию добрососедских отношений. Осваивая просторы Сибири и Дальнего Востока, казаки сформировали российско-китайский фронт и, в условиях приграничья, стали поселенцами в том числе и китайской стороны границы [15].

Примером тому выступает казачья самоуправляемая территория – Трехречье. Область трех рек, или Трехречье (по-китайски «Саньхэ цюй») – территория бассейнов притоков р. Аргуни – Гана, Дербула и Хаула [16], занимающая площадь, примерно, в 11 500 кв. км в северной части автономной территории Внутренней Монголии (Барги) в Маньчжурии (Китай). Регион, начиная с конца XVIII века становится «пристанищем для многих тысяч россиян, волею судьбы оказавшихся вне своей исторической родины» [17].

Большая часть поселений в Трехречье были основаны в период с 1880 г до середины 1920-х годов. В начале XX века о нем писали, как о «живом осколке кондовой казачьей Руси, чудесно сохранившей свой красочный быт и славные традиции казачества» [18]. В 1920-1945 годах в Трехречье было атаманское казачье управление. Административный центр Трехречья – с.

Драгоценка, там находилось станичное управление. Первым атаманом Трехречья, после ухода из России, был небезызвестный атаман Г.М. Семенов

После репрессий со стороны НКВД и массового исхода казаков в Австралию и Латинскую Америку в 1972 г. во всем Трехречье насчитывалось 23 человека русских и около 8 тысяч жителей от смешанных китайско-русских браков (хуаэ хоуи – 胡俄混血, дословно «потомки китайцев и русских»), из них около 2500 – православные.

Сегодня там, где исторически находилось Трехречье, существует Русская национальная волость (Шивэй). Она входит в состав городского уезда Аргунь-Юци (Эргуна) округа Хулун-Буир Автономного района Внутренняя Монголия. Центр волости – село Шивэй расположен на берегу реки Аргунь, напротив российского села Олочи. Всего в волости проживает 4072 жителя, из них русских – 1774 человека, еще 694 русских проживает на остальной территории уезда [19]. Местные жители сохраняют свою культуру при поддержке китайских властей, которые видят в них перспективный этнотуристический кластер.

При этом процесс интеграции между представителями двух народов отразился и на языке. Под влиянием казачье-китайских контактов в районах Приамурья, Манчжурии и Забайкалья сложился кяхтинский язык (пиджин). Лексика у него была русской, а грамматика китайской. Китайские чиновники специально учили его для осуществления торговых контактов. Так же издавались учебники, проводились конкурсные комиссии на его знание [20].

АГЛОМЕРАТИВНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В РОССИЙСКО-КИТАЙСКОЙ ПРИГРАНИЧНОЙ ЗОНЕ

Россия и Китай закрепили систему взаимоотношений в приграничье в рамках “Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской народной республикой” от 16 июля 2001 г. В рамках него стороны обязались содействовать развитию приграничного и межрегионального торгово-экономического сотрудничества между двумя государствами и в соответствии с национальным законодательством каждой из них создавать для этого необходимые благоприятные условия, а также предотвращать трансграничные загрязнения, справедливо и рационально использовать пограничные водотоки, живые ресурсы в северной части Тихого океана и бассейнах пограничных рек, предпринимать совместные усилия для защиты редких видов флоры, фауны и природных экосистем в приграничных районах.

Его дополнением выступило “Совместное заявление Президента Российской Федерации и Председателя Китайской Народной Республики в связи с 10-летием Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой” от 16 июля 2011 г. Немаловажной в системе отношений двух стран стала одобренная

правительствами России и Китая 23 сентября 2009 г. “Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири и Российской Федерации и Северо-Востока Китайской народной республики (2009-2018 гг.)”, определяющая ключевые проекты в энергетической, научно-технической, транспортной сфере и приграничной торговле. Ее реализация, по мнению бывшего генерального секретаря ЦК КПК Ху Цзинтао, позволила вывести сотрудничество приграничных районов на качественно новый уровень.

Говоря о составляющей процессов в российско-китайских зонах соприкосновения выделим существование ряда городов-пар, пограничное расположение которых ведет к созданию соответствующих агломераций. Таковыми являются Забайкальск (Читинская область) – Манчжурия (Внутренняя Монголия), Благовещенск (Амурская область) – Хэйхэ (Хэйлуцзян), Пограничный (Приморский край) – Суйфэнхэ (Хэйлуцзян).

Первая пара городов получила поддержку к развитию со стороны властей в виде межгосударственного инвестиционного проекта по созданию “Русской Промышленной Экономической Зоны” в Китайской Народной Республике. В проект включен комплексный индустриально-логистический парк для производства нефте- и углехимической продукции, лесопереработки, химической продукции. Наличие подобного экономического кластера было обусловлено потребностью в переработке российского сырья без его длительной транспортировки по территории Китая. Развитие побратимских отношений между данной парой городов видится нам целесообразным исключительно в русле логистических целей, благодаря наличию в Забайкальске пункта пропуска на железной дороге, ведущей в Манчжурию, через который в Россию попадает порядка 60% всего китайского импорта. По другим параметрам города слишком ассиметричны и не имеют предпосылок к совместной интеграции.

Для развития своих приграничных территорий правительством Китая был принят “План развития Северо-Востока КНР”, в котором оговариваются и вопросы взаимодействия между приграничными городами [21]. Опыт их сотрудничества направлен в первую очередь на сбыт китайских товаров российским предпринимателям, однако китайская сторона анонсирует более широкие перспективы сотрудничества. Так ей активно развиваются особые экономические зоны в данных населенных пунктах. Ежегодные показатели инвестиций провинции Хэйлуцзян в России составили порядка 1 млрд. долларов.

Правительство Хэйхэ уже перешло к заявлениям в отношении своих российских соседей: “два государства – один город” и “города-близнецы” [22]. Подобные лозунги обусловлены непосредственной близостью городов, расстояние между которыми достигает 700 метров, возможностью решения вопросов в значительно свободной от Центра форме, ввиду областного статуса Благовещенска и заинтересованности китайских властей в продвижении Хэйхэ, благодаря чему образуется своеобразная “лаборатория сотрудничества” между

городами. Однако между ними существует ряд проблем, в число которых входит статусная асимметрия, темпы урбанизации, дорогая стоимость транспортировки через р. Амур. Частота посещения соседнего города в разы выше у россиян, в тоже время у китайцев считает делом редким и предметом гордости [23].

В тоже время, главенствующую роль в российско-китайском агломеративном поясе занимает столица Приморья – Владивосток. Его агломерация "Большой Владивосток" образуется при слиянии Владивостокского, Артемовского, Уссурийского городских округов с Находкой и достигает по численности 1,2 млн. человек. С точки зрения сотрудничества ЕАЭС и АТР агломерация выступает началом важного евразийского транспортного пути – ТрансСибя, связывающего Японию, Республику Корея, КНДР и Северо-Восточный Китай с Европой. При этом развитие агломерации идет в конкуренции со столицей Нового шелкового пути китайского городского округа Ляньюньган [24].

Расширение Владивостокской агломерации возможно в перспективе на юг, вплоть до корейской границы. Таким образом в ее границы войдет Зарубино Хасанского района, куда по предложению Министерства Российской Федерации по делам Дальнего Востока будет проложена железнодорожная ветка из китайского Хуньчунь, рельсы который выполнят по китайским стандартам, что обеспечит быструю доставку грузов в порт. Таким образом старый центр города превратится в центр деловой активности, а в новых территориях будут развернуты промышленные узлы и международная торговля.

ПРИГРАНИЧНЫЕ АГЛОМЕРАЦИИ В КОНТЕКСТЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Выступая на Петербургском международном экономическом форуме-2016 Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин определил широкие контуры евразийской интеграции: “Мы с нашими партнерами считаем, что Евразийский экономический союз может стать одним из центров формирования более широкого интеграционного контура” [25]. К проекту нового евразийского партнерстве российский лидер пригласил Китай, Индию, Пакистан, страны СНГ и ряд других государств. А как известно из опыта Европейского Союза, становление нового наднационального образования должно осуществляться параллельно с процессами локальной интеграции.

Развитие приграничных интеграционных отношений между центром Евразийского Экономического Союза, которым безусловно выступает Российская Федерация и фактическим лидером Азиатско-Тихоокеанского региона Китаем идет ускоренными и весьма перспективными темпами. К сожалению, в данном формате не используется европейский или российско-украинский опыт локального сотрудничества выраженный в создании

еврорегионов, или "евразорегионов", которые способствуют формированию общей экономической, социокультурной и даже политической сфере в приграничных регионах.

Выбранный путь кооперации в виде агломераций имеет достаточно точечный характер, ввиду отсутствия сильного урбанизированного пространства на российско-китайской границе. К этому не было исторических предпосылок и экономических факторов, как это имеет место в отношениях России и Украины, которые представляли до 1991 года одно государство, а их приграничные агломерации выступали единым хозяйственным кластером. К тому же, принцип городов-близнецов носит большей частью ассиметричный характер.

Однако, в процессе создания Евразийского Экономического Союза метод формирования приграничных агломераций для укрепления наднациональной интеграции используется достаточно успешно. Примером тому выступает Инициатива "Коридор Алматы-Бишкек", получившая поддержку от Азиатского банка развития. Нынешняя столица Киргизии и бывшая столица Казахстана объединяются в единый экономический кластер с привлечением киргизской Чуйской области, обладающей особой экономической зоной, и казахстанскими Алматинской и Жамбылской областями. В контексте нашего исследования актуально то, что международная агломерация выступает частью Нового шелкового пути и одной из точек соприкосновения и интеграции ЕАЭС и Китая.

Активно развивается система агломеративных связей с государствами – не членами ЕАЭС. Здесь можно выделить российско-украинскую урбанистическую зону с наиболее сильными Ростовской и Донецко-Макеевской агломерациями, а также Харьковской и Белгородской. Однако полноценное сотрудничество в приграничье России и Украины сейчас приостановлено в связи с украинским политическим кризисом. Интересна роль агломерации Большого Сочи как в контексте интеграции с северо-западом Абхазии, фактически ставшим сочинским пригородом, так и в качестве центра курортного Черноморского эконополиса, объединяющего побережье от Крыма до Абхазии. Идет развитие агломеративного сотрудничества ЕАЭС с Европейским Союзом, в частности в рамках программы приграничного сотрудничества Европейского инструмента соседства и партнерства "Литва-Польша-Россия 2007-2013 годы" запущен ряд проектов между г. Кентшин (Литва) и г. Светлый (Россия), успешно развивается кооперация между "разделенным" границей г. Советск (Россия) с пригородом Пянамуне (Литва).

Укрепление позиций российского Владивостока, как мегаполиса в системе АТР, становится возможным благодаря закреплению за его агломерацией статуса транзитной территории китайских товаров, увеличению демографии за счет привлечения человеческих трудовых ресурсов из Европейской России и стран ЕАЭС, размещения в деловой части города офисов крупных транснациональных компаний, дальнейшее расширение

приграничного агломеративного взаимодействия с северокорейским Чхонджином и установление регулярных морских контактов с японскими Саппоро и Иокогама. В данном плане кроме экономической составляющей, достаточно интересным видится развитие айнской культуры и сотрудничество с о. Хокайдо по вопросам сохранения языка и традиций айнов.

Дальнейшее развитие российско-китайских приграничных агломераций видится возможным и перспективным с точки зрения включения Китая в процесс формирования новых наднациональных форм интеграции на материке Евразия. Усиление сотрудничества между ЕАЭС и Китаем, развитие особых экономических зон в приграничье позволит сформировать новые экономические центры для всего Азиатско-Тихоокеанского региона, “локомотивом” развития для которых выступит российский Владивосток. В данном процессе позиции Москвы и Пекина совпадают как в вопросах экономической безопасности макрорегиона, так и военно-политической стабильности.

Ссылки и примечания:

1. Douglass M., Friedmann J. Cities for citizens: planning and the rise of civil society in a global age, 1998. - 302 p.
2. Маршан П., Самсон И. Метрополисы и экономическое развитие России // Вопросы экономики. 2004. № 1. С. 4 – 18.
3. Чубаров И.Г., Слука Н.А. Крупнейшие агломерации КНР в системе глобальных городов// Вестник Московского университета. Серия 5. География, 2012. № 2. С. 32-39.
4. Угрюмова А.А. Управление экономическим ростом агломераций: На примере Московской агломерации. Дис. ... док. экон. н.: 08.00.05. – М., 2005. 284 с.
5. Александрова М.В. Состояние, проблемы и потенциал приграничного и межрегионального сотрудничества РФ и КНР// Российско-китайские отношения. Состояние, перспективы. – М.: РАН. Институт Дальнего Востока, 2005. С. 330-347.
6. Ларин В.Л. Российско-китайские приграничные и региональные связи// Россия и Китай: сотрудничество в условиях глобализации. – М.: РАН. Институт Дальнего Востока, 2005. С. 305-351
7. Колмыков Л.Ф., Масюк Н.И. Развитие совместного предпринимательства в приграничных территориях Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая// Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса, 2012. № 4 (17). С. 35-40.
8. Раньжина И.В. Особенности приграничного сотрудничества субъектов Российской Федерации с Китаем// Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества, 2014. С. 222-226.

9. Ван И. Приграничное экономическое сотрудничество между Россией и Китаем. Авт. ... кан. экон. н. М., 2009
10. Синь Жань. Российское-китайское приграничное и межрегиональное сотрудничество на современном этапе (2001-2011 гг.). Дис. ... кан. ист. н. М., 2014.
11. Каменева В.В., Хань Цзюнь. Особенности развития приграничной торговли в Китае и России// Современные проблемы экономического развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий, 2014. С. 26-30.
12. Юй Чжоу, Абрамова Н.А. Потенциал социокультурного пространства китайского приграничья в соразвитии с Россией// Вестник Забайкальского государственного университета, 2013. С. 127-133.
13. Дубровская К.С., Морозова В.С. К вопросу о социокультурной безопасности российско-китайского приграничья и механизмах ее обеспечения (на примере Забайкальского края) // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия. Сборник Восточного центра, 2016. № 17. С. 32-36.
14. Михайленко А.Н., Арсентьева И.И. Факторы развития приграничья (на примере приграничных территорий России и Китая) // Россия и современный мир, 2013. № 1 (78). С. 90-100.
15. Водолацкий В.П., Бредихин А.В. Роль казачества в российско-китайских трансграничных отношениях// Альманах "Казачество", 2015. № 11. С. 2-6.
16. Сундуева Д.Б. Лингвокультура Трехречья как результат межкультурного взаимодействия// Вестник ЗабГУ., 2013. № 3 (94). С. 104-110.
17. Перминов В.В. Русское Трехречье // Приграничное сотрудничество и внешнеэкономическая деятельность: Исторический ракурс и современные оценки: матер. междунар. науч. конф. 22-27 нояб. 2012 / отв. ред. М.В. Константинов. Чита: ЗабГГПУ, 2012. С. 145-149.
18. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 351 с.
19. Соломеина Ю.Н. Общество и государство в Китае: Т. XLIII, ч. 2 / Редколл.: А.И. Кобзев и др. – М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2013. – 487 стр. (Ученые записки ИВ РАН. Отдела Китая. Вып. 9 / Редколл.: А.И.Кобзев и др.). С. 223-227.
20. Черепанов С.И. Кяхтинское китайское наречие русского языка // ИОРЯС, 1853. – Т.2. – Вып. 10.
21. Изотов Д.А. Экономика провинции Хэйлуцзян: перспективы развития в контексте реализации целевых программ// Регионалистика, 2015. Т. 2. № 4. С. 31-50.

22. Рыжова Н.П. Кросс-граничные городские агломерации как экономический стимул развития региона// Российский экономический Интернет-журнал, 2008. № 2
23. Михайлова Е.В. Благовещенск и Хэйхэ: "города-близнецы" как туристический территориальный брэнд// Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. Материалы IV международной научно-практической конференции. Ответственные редакторы: Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов, 2014. С. 506-512.
24. Романов М.Т. Евразийские трансконтинентальные экономические оси и их "восточные плацдармы"// Гуманитарный вектор, 2014. № 2 (38). С. 172-183.
25. Путин анонсировал создание нового экономического союза СНГ, Китая и Индии// НТВ – Режим доступа: <http://www.ntv.ru/novosti/1636622>

Политология

УДК 316.334

А.А. Заяц

аспирантка,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: Anik_zaiats@mail.ru

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ФЕНОМЕНА НЕПРИЗНАННЫХ ГОСУДАРСТВ

Аннотация:

Статья посвящена анализу теоретико-методологических аспектов изучения непризнанных государств. Обобщаются и раскрываются основные интерпретации понятий, используемых современной политической наукой для обозначения данного феномена, а также рассматриваются его основные теории и типологии.

***Ключевые слова:** непризнанные государства, самопровозглашённые государства, квазигосударства, де-факто государства, де-юре государства.*

Summary:

This article analyzes the theoretical and methodological aspects of the unrecognized states. Summarizes and reveals the basic interpretation of the concepts used by modern political science to describe this phenomenon and explores his basic theories and typologies.

***Keywords:** not recognized states, the self-proclaimed states the quasi-states, the de facto states. the de jure states.*

Проблема непризнанных геополитических образований стала актуальной в политической и правовой мысли довольно давно. Практически половина современных государств прошла через период непризнания, который мог длиться десятилетиями. Нидерланды, например, получили международно-правовой статус в 1648 году спустя почти 70 лет после провозглашения своей независимости.

Повышение степени актуальности данной проблемы обусловлено распадом СССР, Чехословакии и Югославии, а, вместе с тем, появлением новых политических акторов на международной арене. Вместе с СССР прекращает существование Ялтинская система сдержек и противовесов, установившаяся после Второй Мировой Войны. Эти события стали своеобразной точкой бифуркации, благодаря которой, за сравнительно

короткий срок появилось довольно большое количество государств. Помимо бывших социалистических республик, ставших полноправными субъектами мирового политического процесса, возникли геополитические образования, которые хоть и обладали всеми признаками государственности, что и новообразованные республики, однако не были признаны мировым сообществом. Возникает закономерный вопрос – почему же одни государства стали полноправными участниками мирового политического процесса, другие же такого статуса не получили. Во-первых, стоит отметить, что мировое сообщество до сих пор не пришло к единому мнению относительно механизма признания новообразованных государств. Во-вторых, данный механизм неразрывно связан с различного рода колебаниями на мировой арене, где нередко мировые сверхдержавы используют непризнанные государства для реализации своих политических, экономических и военных амбиций. Действительно, стоит отметить, что непризнанные государства уже давно стали как субъектами, так и объектами международной политики. В этой связи нельзя не согласиться с высказыванием руководителя Кавказского отдела Лондонского института по освещению войны и мира Томаса де Ваала – «не имеет смысла рассматривать непризнанные государства как временное явление, которое само по себе исчезнет» [1]. Таким образом, данный феномен является объективной реальностью, а значит возникает необходимость его научного объяснения.

В настоящее время идет поиск и разработка наиболее эффективных и удачных теоретико-методологических подходов к изучению феномена непризнанности. Прежде всего, об этом свидетельствует сложившееся в политической науке многообразие научных понятий, используемых для обозначения данной категории государств. По мнению большинства исследователей данной проблематики, вся природа изучаемого нами явления наиболее точно раскрывает категория «непризнанное государство». В частности, по мнению российского политолога А.Г. Большакова, «непризнанное государство» является более точным понятием при объяснении реальных происходящих политических процессов в мире, чем широко используемые термины, такие как «непризнанные территории», «самопровозглашенные государства», «территории со спорным статусом», «территории с отложенным статусом» и прочее. Последние имеют, скорее, эмоциональное наполнение с некоторым оттенком несправедливости и высокомерия со стороны полноправных членов международного процесса. Непризнанным может быть названо государственное образование, лишенное международного признания, но обладающее всеми другими признаками государственности [2]. Тут же следует уточнить, что исследователь имеет ввиду те государственные образования, которые обладают всеми признаками государства и функционируют на протяжении десятилетий.

Российский политолог З.М. Силаева также отмечает преимущество понятия «непризнанное государство» над другими терминами, обозначающими данный феномен. По её мнению, непризнанные государства – это политико-

территориальные образования, обладающие в большинстве случаев ключевыми атрибутами государственности и, в первую очередь, способностью к эффективному внутренне легитимированному контролю над основной территорией при отсутствии международного признания, без которого они не могут полноправно вступать в правовые отношения с другими государствами [3].

Очень интересно мнение российского политолога И.М. Бусыгиной, которая утверждает, что непризнанные государства – всего лишь стадия пребывания территории на пути формирования её государственности. Многие современные государства, в том числе и некоторые сверхдержавы, проходили данный этап, который мог длиться десятилетиями. По словам самой исследовательницы, этот этап может возникнуть под воздействием ряда событий – сецессии или ирредентизма различных территорий, распада государств или резкой ломки политического режима. Непризнанные государства могут стать полноценными независимыми государствами, могут быть поглощены страной, от которой пытались отделиться, побывав определенное время в статусе де-факто независимости, могут весьма долго сохранять свой переходный статус [4]. Дальнейшее развитие событий будет зависеть от различного рода факторов – от культурно-этнических особенностей территории до внешней поддержки сверхдержавы.

Инновационным термином в обозначении исследуемых нами категорий государств выступают понятия «де-факто государства» и «де-юре государства». По мнению российской исследовательницы Н.И. Харитоновой, обозначенные термины одновременно с категорией «непризнанное государство» наиболее точно отражает суть изучаемого нами феномена [5]. Государство «де-юре» означает, что государство, которое является членом ООН, рассматривает свои отношения с государством, которое не является членом ООН, как с признанным, во всей возможной совокупности правовых отношений на двусторонней основе. По мнению российского политолога В.Е. Журавлева, означает установление дипломатических отношений, признание государства полноправным субъектом международного права [6]. Касательно государств «де-факто», то они могут существовать в течение длительного времени, обладать реальным суверенитетом и полнотой власти в рамках своих границ, а, в некоторых случаях, даже являться активными субъектами экономических, культурных и иных международных отношений. Единственный признак, отличающий их от партнеров по международному сотрудничеству, заключается в том, что они не признаны мировым сообществом.

Изучая феномен «непризнанного государства», необходимо различать две основные теории – конститутивную и декларативную, которые лежат в основе целого ряда доктрин признания или непризнания суверенитета государств. Согласно конститутивной теории, хорошо изложенной Л. Оппенгеймом в его работе «Международное право» 1905 года – государство не существует до его официального признания другими государствами [7]. То есть, государство не

может обладать всеми правами на международной арене, до его официального признания. Сторонники данной теории, аргументируя свою точку зрения, ссылаются на необходимость усилить контроль международного сообщества в отношении новообразовавшихся государств. Декларативная теория же исходит из того, что существование государства в качестве субъекта международного права не зависит от его признания или непризнания другими геополитическими образованиями. Данная теория является наиболее «приближенной» к современным реалиям, однако и она не решает вопрос различного рода злоупотреблений странами мирового сообщества признавать или не признавать государства по своему собственному усмотрению. По мнению автора статьи, декларативная теория является наиболее близкой к истине, поскольку представление о том, что существование государства зависит от того, признают ли его юридически другие участники международного права. Если одно государство не признает другое государство, то от этого непризнанное государство не перестает существовать. Согласно А.Г. Большакову, непризнанные государства могут быть типологизированы по различным основаниям. Делается это для упрощения изучения данного явления. В его типологии ключевым критерием выступает контроль над своей территорией. По этому показателю непризнанные государства делятся на четыре типа. Первый тип – это государства с полным контролем над своей территорией (Преднистровье, Абхазия, Южная Осетия), Второй тип – непризнанные государства, контролирующие свою территорию лишь частично (Нагорный Карабах, ДНР, ЛНР). Третий тип – образования под протекторатом международного сообщества (Косово, которое юридически является частью Сербии, однако управляется администрацией ООН с 1999 года на основании резолюции 1244 Совета Безопасности ООН). Четвертый тип – квазигосударственные образования, контролирующие анклав компактного расселения своей этнической группы. (Курдистан; курды этнос, не получивший право на самоопределение, но имеющий влияние на территорию его проживания, а это части Турции, Ирана, Ирака, Сирии) [8].

По критериям признания суверенитета выделяют непризнанные государства и частично признанные государства. Связано это с тем, что мировым сообществом не только не выработан механизм признания государства, но и нет установленных данных – сколько субъектов международной политики должны признать это государство. Можно ли считать непризнанным государством Тайвань, который признали более 20 международных акторов, или Западную Сахару, признанную более 40 странами. А Абхазию признали пять государств-членов ООН, среди которых Российская Федерация, которая считается ключевым игроком на международной арене. По мнению автора работы, подобные типологии несовершенны, однако их отсутствие еще больше затруднит изучение феномена непризнанного государства.

Перечень современных непризнанных государств в научном дискурсе довольно таки велик – Приднестровская Молдавская Республика, Республика Абхазия, Республика Южная Осетия, Нагорно-Карабахская Республика, Китайская Республика на Тайване, Турецкая Республика Северного Кипра, Косово, Западная Сахара и многие другие. Этот список в 2014 году дополнился еще и Донецкой и Луганской Народными Республиками, которые провозгласили свою независимость от Украины вследствие незаконного переворота и смены власти.

Изложенное выше позволяет сделать вывод о том, что феномен «непризнанное государство» является актуальной теоретико-методологической проблемой современной политической науки, требующей дальнейшего изучения. В этой связи научный интерес представляют работы отечественных ученых, имеющих возможность исследовать проблему непризнанных государств «изнутри».

Подводя итог, стоит отметить, что данная проблематика требует дальнейшего изучения и выработке практических рекомендаций в решении данного вопроса, так как люди, проживающие на территории непризнанного государства, фактически становятся «заложниками» сложившейся ситуации. Длительное отсутствие признания новообразованного государства со стороны мирового сообщества ущемляет права и интересы граждан, что является недопустимым в современном обществе, где главной ценностью являются права и свободы человека.

Ссылки и примечания:

1. От самоопределения к международному признанию: Абхазия, Нагорный Карабах, Приднестровье, Южная Осетия. — Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива», 2008. — С. 35
2. Большаков А.Г. Непризнанные государства постсоветского пространства. [Электронный ресурс] Режим доступа <http://www.politex.info/content/view/76/31/> (дата обращения 02.11.2016)
3. Силаева З.В. Признание независимости спорных государств в современной мировой политике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология, и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – №7 (13) в 3-х ч., Ч.1. С.135.
4. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика: учеб. пособие / И.М. Бусыгина. — М.: МГИМО (У); РОССПЭН, 2006. — С.75
5. Харитонов Н. И. Приднестровье: в точке бифуркации // Национальная оборона. — 2015. — № 7. — С. 62–68.
6. Журавлев В. Е. О применении принципа признания «де-юре» для «непризнанных» государств [Электронный ресурс] / В.Е. Журавлев. — Электрон. текстовые данные. — Режим доступа:

<http://www.russkie.org/index.php?module=fullitem&id=10114> (дата обращения 03.11.2016.)

7. Сквозников А.Н. Феномен непризнанных и частично признанных государств и особенности их правосубъектности // Вестник Самарской гуманитарной академии. – Самара: Изд-во Самар. гуманитар. акад., 2011, № 2 (10). – С. 7
8. Большаков А.Г. Непризнанные государства европейской периферии и пограничья / А.Г. Большаков // Международные процессы. — Т. 5. «Интеграция и национальный интерес». — 2007. — № 3 (15). — С. 86

УДК 32.019.51(477.6)

И.В. Стрионова

кандидат исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: innastrionova@yandex.ru

А.В. Пекарукстудентка,

e-mail: anastasiaipe@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МИФОТВОРЧЕСТВА

В СОВРЕМЕННОЙ УКРАИНЕ

Аннотация:

В статье освещаются особенности политического мифотворчества в Украине. Авторы делают акцент на основных тенденциях развития современного украинского мифотворчества, его роли в общественно-политической жизни.

***Ключевые слова:** политический миф, демифологизация, мифологизация истории, образ врага, образ героя.*

Summary:

The features of the political myth-making in Ukraine are examined in the article. The authors focuses on the main trends of development of the modern Ukrainian myth and its role in public and political life.

***Keywords:** political myth, demythologization, mythologization of history, the image of the enemy, the image of the hero.*

В современной Украине мифотворчество является самой востребованной политической технологией, основным инструментом формирования,

сплочения украинской нации. В условиях неразрешенного украинского политического кризиса возможности мифотворчества как технологии манипулирования массовым сознанием возрастают, что объясняется компенсаторными функциями политических мифов. Кризисная ситуация разрушает в обществе рациональные мотивы, а через миф общество восстанавливается, строится новый социальный мир.

Проблема политического мифотворчества в Украине все чаще привлекает к себе внимание мирового сообщества. Однако фундаментального научного исследования по указанной теме нет. Значимый вклад в изучение феномена политического мифа внесли Э. Кассирер, К. Флад, Дж. Кэмпбелл, А. Кольев, Н. Шестов, О. Рюмкова и др. Определение сущности политического мифа английского политолога К. Флада является одним из популярных в современном научном мире. Согласно точке зрения К. Флада, политический миф – это «идеологически маркированное повествование, претендующее на статус истинного представления о событиях прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего» [1]. Некоторые аспекты проблемы украинского мифотворчества освещаются в работах украинских и российских исследователей Н. Амельченко, Г. Гребенника, Я. Грицака, Л. Левченко, В. Подгорной, О. Полищук, А. Рудика, А. Ставицкого, А. Стегний, Е. Кузнецовой, Н. Щербининой, А. Шмелева.

Статья посвящена выявлению особенностей политического мифотворчества в Украине. Для достижения цели были поставлены задачи: осветить основные тенденции развития украинского политического мифотворчества, проанализировать схему конструирования политического мифа и его роль в современной Украине.

Украина за весь период своего существования переживала драматические, кризисные события, которые исчерпали ее материальные ресурсы. В связи с этим обществу необходимы духовные ресурсы, которые поддерживают моральный дух народа и помогают удержаться элите у власти. Корни мифотворчества следует искать «в массовом сознании и подсознании, нуждающихся в ясных, понятных образах, символизирующих ценности и идеалы масс, доходчиво объясняющих им те процессы, с которыми люди благодаря средствам массовой информации сталкиваются сегодня каждый день» [2].

После распада Советского Союза в Украине имеет место «демифологизация» социализма, создаются новые мифы. Появился миф об исчезновении советской номенклатуры, несмотря на то, что при смене режима власть осталась в тех же руках. Можем согласиться с А. Ставицким, что произошел «переход не столько от тоталитаризма к демократии, сколько от номенклатурного социализма к номенклатурно-олигархическому капитализму» [3].

Став независимой, Украина пошла по пути демократизации. В Украинском государстве стали раскручивать миф о демократии как о самоцели и средстве

решения всех проблем. В результате, демократия становится для народа лакомым кусочком, с обретением которого все общество будет счастливым.

Элементы демократии преподносятся обществу только с положительной стороны. В постсоветский период в массовое сознание внедряются мифы об идеальном западном капитализме, об индивидуализме и личном выборе и др. Население намеревались убедить, что рынок будет частным и свободным. Это привело к возникновению в обществе взглядов, что все решит рынок. Подобного рода мнения оправдывали приватизацию, которую начали проводить в государстве. Согласно идее либерализации человек сам определяет свою деятельность, выбор, поведение. Теоретически выбор индивида ограничен только его желаниями, и ответственность за тот или иной выбор полностью лежит на нем. Индивидуальные факторы в этом случае преобладают над общественными, групповыми. В постсоветском нормализующем властном дискурсе делается акцент на свободе индивида в выборе, действиях, что, по сути, есть хорошей «приманкой» для народа, за которой он идет в поисках лучшей жизни.

После обретения Украиной независимости политическая элита быстро перестроила свои взгляды в пользу идей «национального возрождения» Украины. Украина долгое время находилась в составе других стран, и поэтому элите очень легко сыграть на желании украинцев самоидентифицироваться, найти себя в истории и свое место в мире.

В Украине власти продолжается процесс мифологизации истории. Имеет место подмена исторических событий, искажение фактов. Исторические мифы работают на подсознательном, ментальном уровне, затрагивая ценности и чувства народа. Поскольку с помощью прошлого можно объяснить или оправдать настоящее, мифологи играют на том, что одному факту можно придать множество смыслов. И вымысел начинает преобладать над реальностью.

История становится инструментом власти, имея целью замену или корректировку национальной памяти. Властные органы, создавая историю, делают акцент на националистических мифах, которые определяют национальную исключительность украинского народа, его героизм, страдания и восстановление справедливости. Возрождая националистический дух, создаются мифы о древнем происхождении украинского народа, о Киевской Руси как первом государственном образовании Украины, о голодоморе 1932-1933 гг., героизируются ОУН – УПА и т.д. На эту тематику написано множество трудов, где авторы приводят различные неподтвержденные данные [4]. Это делают для того, чтобы показать, как страдал украинский народ, какие жертвы он приносил во имя будущей независимости, чтобы отвести внимание общества от проблем и конфликтов сегодняшнего дня и снять ответственность с элиты за их действия.

Новое прочтение истории направлено на формирование идентичности, определенного представления об обществе или группе людей. В ходе

формирования идентичности идет процесс «преодоления прошлого и восстановления этнической справедливости», «удревнения нации», поиска ее корней, великих событий и деятелей. Основной целью этого процесса является объединение нации. Историки прибегают к практике «национализации» истории [5]. При этом формирование национальной идентичности создает вектор национальных интересов и политического курса страны.

В современной Украине, где имеют место сложные политические и социальные изменения, которые переросли в военные столкновения, схема конструирования политического мифа «герой – враг» является особенно актуальной. Герой и враг противопоставляются друг другу и ведут постоянную борьбу.

В украинском политическом дискурсе, СМИ мифологические персонажи носят «героические» названия: «герои майдана», «небесная сотня», «киборги», «герои АТО» [6]. Герои больше носят коллективный характер, а не персонифицируются, выступая как «героическое воинство» в политическом ценностном конфликте. В данном случае понятие «героя» имеет двойственное значение: с одной стороны, они выступают воинами, которые борются за правое дело, а с другой стороны, они – мученики, погибшие во имя справедливости. Названия этих героических образов имеют мифологичный характер. Обрастая новыми легендами и мифами, формируется некий культ героев: переименовываются улицы и города, строятся музеи и воздвигаются памятники, выпускаются книги и фильмы и т.д.

В противовес образу героя выступает «образ врага», который несет в себе все отрицательные черты. Наиболее яркими терминами, определяющими врага, выступают «сепаратисты», «москали» и «ополченцы» [7]. Образ врага наполняется различными компонентами в зависимости от социально-политической ситуации. В массовом сознании враг имеет типичные и архетипичные характеристики, которые превратились в стереотип. Он обладает всеми негативными и отрицательными качествами, он неправ и несправедлив, он агрессор, во всем виноват и все уничтожает. Все эти характеристики делают невозможным нахождение компромисса с врагом, поскольку ему невозможно доверять.

В Украине за годы независимости активно формировался образ врага в лице Российской Федерации, а с недавних пор и в лице президента России – В.В.Путина. Внушается идея об имперских амбициях РФ, стремящейся завладеть всеми ресурсами Украины и поработить её. В России видится угроза национальной идентичности Украины, а в последнее время – угроза территориальной целостности и раскола страны. Россию обвиняют во всех проблемах и неудачах украинского народа. Имеет место пропаганда о том, что Российское государство постоянно обижает Украину и ее население. После перехода Крыма в состав Российской Федерации обида приобрела национальный характер и выражается в неприятии всего российского [8].

Противостояние героя и врага эквивалентно противостоянию добра и зла, хорошего и плохого, светлого и темного. Прослеживается противоборство «своих» и «чужих» ценностей и верований. Ценности врага обесцениваются, а сам враг лишается человеческой сущности, к нему перестают применяться понятия гуманизма и сострадания, а уничтожение врага становится долгом перед Родиной.

В современном конструировании мифа в Украине появился ещё один компонент – «друг – союзник», который может быть только у героя, так как он борется за справедливость. Таким союзником выступает Запад. При этом не уточняется, кто именно «друг» – США или страны Западной Европы, или все вместе. Но в массовом сознании слово «Запад» вызывает трепет, в нем видят решение всех проблем и счастливое будущее. Пропагандируется, что Украина нужна Западу, и тот поможет ей в борьбе с Россией.

Можем согласиться с точкой зрения российского политолога Д.С. Плотникова, что «стремление части умеренных украинских националистов войти в Европейский Союз вызвано, в том числе, и желанием распространить на украинцев европейскую идентичность, вытесняющую при этом прорусскую самоидентификацию» [9]. Создается миф о «европейскости» украинской нации, культуры, что обуславливает выбор Украины в сторону евроинтеграции.

Важной частью существования схемы «герой – враг» является мотив победы. Герой обязательно одержит верх над врагом. Победа прославляет героя и прославляет весь народ, поднимая его моральный дух. Неслучайно в кризисный момент появился лозунг: «Слава Україні! Героям Слава!». Кроме того, на войне неминуемы жертвы, которые превращаются в мучеников, значение которых позже приобретает сакральный характер.

Мотив победы также связан с борьбой за будущее. Формируя образ будущего, Украину представляют как великое независимое государство, со всеми положительными аспектами, вытекающими из понятия. Но этот мир возможен лишь в том случае, если Украина победит [10].

Для украинского политического мифотворчества характерным есть сосредоточение внимания на процессе борьбы героя и врага. Однако неясно, как «герои» смогут остановить врага и привести страну к светлому будущему. Нет конкретного героя-лидера, который освободит страну, неизвестно, кого благодарить за будущий мир. В то же время образ врага Украине точно известен. Разочарования, кризисы, неудачи и внутренние конфликты в обществе получают ложное представление, и вина за них переносится на внешнего врага.

В целом современная политическая жизнь Украины выстраивается в русле национально-освободительного движения украинского народа от имперского подчинения, на чем и базируется политика «украинизации». Такая политика предусматривает ряд факторов, ориентированных на изменение культурной, социальной, политической жизни общества в сторону национальной идеи о «единстве украинского народа». При этом большую роль играет история, а

именно представления людей об истории украинской нации. Мифологи стремятся показать народу исключительный путь именно украинской нации. Для этого вспоминают или создают новых героев, определяют «золотую эпоху» нации, к которой современный народ должен стремиться.

Формируется общественное мнение, что Украина нужна и России, и Европейскому Союзу. Действительно, Украина имеет выгодное геополитическое положение, но, тем не менее, она не привлекательна с точки зрения экономических инвестиций. Так, Крым отделился от Украины, а на востоке страны происходят боевые действия. Однако, с другой стороны, «большое количество неосвоенных ресурсов, а также высокий транзитный потенциал этого государства существенно повышают заинтересованность в нем со стороны и России, и ЕС» [11].

Таким образом, в современной Украине популяризируют мифы о демократии, которую связывают с Западом. Западный капитализм, индивидуализм преподносят с лучшей стороны. Место социалистических мифов заняли националистические. При этом особая роль отводится мифологизации истории. Действия власти предусматривают подмену исторической памяти украинского народа. Политическая элита намеревается сплотить население Украинского государства вокруг национальной идеи. Акцент делается на противопоставлении украинцев русским. Схема «герой – враг» составляет основу современного украинского политического мифа, что соответствует сложившейся общественно-политической ситуации, обусловлена необходимостью сплочения населения Украины и предусматривает дальнейшее оформление и укрепление украинской национальной идентичности.

Ссылки и примечания:

1. Флад К. Политический миф. Теоретическое исследование [Электронный ресурс]. М., 2004. URL: http://www.kniga.com/books/preview_txt.asp?sku=ebooks315918 (дата обращения: 10.04.2016).
2. Ставицкий А.В. Некоторые аспекты политического мифотворчества в Украине // Актуальные проблемы гуманитарного образования в современных условиях: Материалы региональной научно-методической конференции. Сб. научных трудов / сост. А.Н. Баранецкий, А.И. Коваленко, О.Л. Морева, А.В. Ставицкий. Севастополь, 2005. С. 171.
3. Там же. С.174.
4. Гребенник Г.П. Политика памяти в Украине: критические заметки [Электронный ресурс] // История и современность. 2013. № 2. С. 182-199. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/politika-pamyati-v-ukraine-kriticheskie-zametki> (дата обращения: 15.03.2016).

5. Томайчук Л.В. Мифологизация истории как инструмент конструирования национальной идентичности на современной Украине и в Белоруссии // Общество. Среда. Развитие. 2012. №3. С. 52.
6. Хроники Майдана. Как развивалась и к чему привела вторая украинская революция [Электронный ресурс]. URL: <http://journal.112.ua/maidan/> (дата обращения 08.04.2015); ГЕРОЇ АТО [Электронный ресурс]. URL: <http://atoheroes.org/heroes> (дата обращения: 20.05.2016).
7. У Донецьк звели людей для святкування річниці «референдуму» [Электронный ресурс] // Українська правда. 2016. 11 травня. URL: <http://www.pravda.com.ua/news/2016/05/11/7108129/> (дата обращения: 15.05.2016); Російські ЗМІ: «ополченці» Донбасу дали 24 години на відвід силовиків [Электронный ресурс] // Українська правда. 2014. 15 травня. URL: <http://www.pravda.com.ua/news/2014/05/15/7025373/> (дата обращения: 16.03.2016).
8. Стратегія національної безпеки України: затверджено Указом Президента України від 26 травня 2015 р. № 287/2015 [Электронный ресурс]. К., 2015. URL: <http://zakon4.rada.gov.ua/laws/show/287/2015> (дата обращения 04.03.2016); Виступ Порошенка на Генасамблеї ООН: повний текст [Электронный ресурс] // ТСН. 2015. 27 вересня. URL: <http://tsn.ua/politika/vistup-poroshenka-na-genasambleyi-oon-povniy-tekst-501661.html> (дата обращения: 27.04.2016).
9. Плотников Д.С. «Европейский фактор» в российско-украинских отношениях [Электронный ресурс] // ArsAdministrandi. 2013. № 4. С. 80. URL: http://ars-administrandi.com/article/Plotnikov_2013_4.pdf (дата обращения: 21.02.2016).
10. Виступ Президента України Петра Порошенка на урочистому прийнятті з нагоди Дня незалежності України 24 серпня 2015 р. [Электронный ресурс] // Президент України Петро Порошенко: офіційне інтернет-представництво. URL: <http://www.president.gov.ua/news/vistup-prezidenta-ukrayini-petra-poroshenka-na-urochistomu-p-35845> (дата обращения: 15.05.2016).
11. Скриба А.С. Три мифа о балансировании Украины между Россией и Европейским Союзом [Электронный ресурс] // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2013. № 2. С. 132. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/tri-mifa-balansirovaniya-ukrainy-mezhdu-rossiey-i-evropeyskim-soyuzom> (дата обращения: 15.05.2016).

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

УДК 93/94

В.Н.Никольский

доктор исторических наук,

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»

e-mail: nicols46@mail.ru

ЗАМЕТКИ ОБ УЧАСТИИ ИНОСТРАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ И РАБОЧИХ В ВОССТАНОВЛЕНИИ И РАЗВИТИИ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ДОНБАССА (кон.1920-х – нач. 1930-х гг.) (по документам Государственного архива ДНР)

Аннотация:

Рассматриваются отдельные вопросы, раскрывающие, на основе документов Государственного архива Донецкой Народной Республики, участие иностранных инженерно-технических специалистов и квалифицированных рабочих в возрождении и развитии угольной и других отраслей промышленности Донецкого бассейна на рубеже 1920-х – 1930-х гг.

Ключевые слова: *Донбасс, иностранные технические специалисты и рабочие, восстановление, развитие, конец 1920-х- начало 1930-х гг.*

Summary

Individual questions are examined which reveal the participation of foreign engineers, technicians and skilled workers in the restoration and development of the coal industry and other branches of industry in Donbass on the verge of 1920s-1930s on the basis of documents of the State Archive of the Donetsk People's Republic.

Keywords: *Donbass, foreign technical specialists and workers, restoration, development, the late 1920s-the early 1930s.*

Первая мировая война, февральская и октябрьская революции 1917 г. и гражданская война нанесли громадный ущерб экономике и социальной сфере Донецкого бассейна – одного из мощнейших регионов страны.

Восстановление Донбасса предполагало не только наличие громадных финансовых и материальных ресурсов. Требовались также кадры, и не просто кадры – нужны были специалисты различных инженерно-технических и рабочих специальностей. В большом ряду неотложных задач одно из важнейших мест занимала проблема привлечения иностранных инженеров, техников, квалифицированных рабочих-монтеров.

Отметим, что только за последние годы по этой тематике опубликовано большое количество монографий и статей, защищено несколько диссертаций [1].

Использование опыта который был накоплен в те далекие годы, на наш взгляд, может помочь в решении сегодняшних задач возрождения экономики и социальной сферы региона.

Вместе с тем, нужно отметить, что перечень опубликованных документальных материалов не исчерпывает всех проблем избранной нами для рассмотрения тематики [2].

Автор поставил своей целью выявить и ввести в научный оборот документы Государственного архива ДНР об иностранных специалистах и рабочих, принимавших участие в восстановлении и развитии промышленности Донбасса, ранее не использованные в публикациях. Кроме того, мы считаем необходимым ознакомить читателей с новыми аспектами, раскрывающими нераскрытую до конца проблематику.

Речь пойдет о вопросах подбора кадров специалистов и рабочих для работы на шахтах СССР, об организации их труда и быта, оплате труда и о тех «недочетах», которые были выявлены в конце 1920-х – начале 1930-х гг.

Отметим, что для решения проблем иностранных инженерно-технических специалистов и рабочих, была создана Главная контора «Уголь» Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) СССР. В ее структуре функционировало Импортное управление «Углеснаба», которому подчинялись угольные тресты, находившиеся в трех регионах – Донецкий, Московский и Северокавказский каменноугольный бассейны. Иностранные инженеры, техники и рабочие трудились на предприятиях трестов «Артемуголь» (шахты «Юный коммунарь», «Гришино»), «Донбассантрацит» (шахты «Американка» и им.Я. М. Свердлова), «Луганскуголь» (шахты «Брянка» и «Ирмино»), «Москвуауголь» (шахты «Щекино» и «Руповская») и «Севкавуголь» (шахта им. Артема) [3].

7 апреля 1930 г. главная контора «Углеснаб» при ВСНХ СССР, под грифом «Не подлежит оглашению», отправила угледобывающим трестам документ за №27012 такого содержания:

«В целях наилучшего и рационального использования иностранных специалистов и необходимости создания условий их работы, а также упорядочения вопроса учета технического иностранного персонала, мы предлагаем Вам к руководству и исполнению следующее.

- 1. Иностранные монтеры должны вызываться только через УГЛЕСНАБ «Союзугля» Импортное Бюро, с таким расчетом, чтобы по приезде на предприятие монтер мог бы сразу приступить к той работе, на которую его вызвали.*
- 2. Категорически воспрещается использовать монтеров иностранных фирм на работах, не обусловленных договоренностью с фирмами. В случаях возникновения в этом необходимости, Тресты обязаны получить через Углеснаб Импортного Бюро соответствующее разрешение.*
- 3. С прибытием монтера иностранной фирмы на место работ, Администрация обязана создать ему все условия, отсутствие коих, зачастую, отражается на производительности его работы. В тех случаях,*

когда монтеру по договору полагается меблированная комната или квартира, спецодежда, валенки, тулуп и пр., всем этим он должен быть обеспечен в полной мере. Вообще же в этом вопросе должно всячески избегать мелких конфликтов.

4. Прибывший на предприятие иностранный монтер должен удовлетворяться продуктами питания из соответствующих кооперативов по повышенным нормам для иностранцев.... В тех случаях, когда иностранному монтеру предоставлены перевозочные средства, таковые должны быть предоставлены, не исключая и случаев поездки за продуктами.
5. Всякие сверхурочные работы для иностранных монтеров, в договоре не предусмотрены, как правило, не допускаются. В исключительных случаях таковые могут быть разрешены при обязательном согласии на это монтера получить вознаграждение за сверхурочную работу в советской валюте. Согласие монтера необходимо получить в письменной форме, которым он обязуется не требовать перевода вознаграждение за произведенные сверхурочные работы в целом или частью за границу.
6. Всем работающим в трестах иностранным монтерам должны своевременно оплачиваться причитающиеся им денежные суммы и о всех уплатах надлежит немедленно известить УГЛЕСНАБ «Союзугля».
7. Все даваемые авансом монтерам треста должны относиться по Гл. Контору УГЛЕСНАБА.
8. Сведения о прибывающих и выбывающих монтерах иностранных фирм, даже если перемещение происходит в пределах СССР, должны немедленно направляться Главной Конторе УГЛЕСНАБА Союзугля по адресу: Москва, Б.Черкасский пер., Импортное Бюро; форма сведений прилагается.
9. Каждое предприятие треста, где работает иностранный монтер, обязано вести установленную таблицу работ, копию которой трест ежемесячно и по окончании монтажных работ направляет УГЛЕСНАБУ Союзугля для проверки и окончательных расчетов с иностранными фирмами.
10. При отъезде иностранного монтера за границу трест обязан получить для него своевременно в ближайшем окружном городе выездную визу, а также когда по закону полагается и разрешение на валюту в размере 15 амер. долларов. Если иностранный монтер не может быть удовлетворен необходимой иностранной валютой, за отсутствием таковой в банке, то он получает при условии следования через Москву при содействии УГЛЕСНАБА Союзугля.

Тресты Донбасса, при откомандировании иностранного монтера получают для него валюту в Харькове через посредство Харьковского Отделения Интуриста.

11. В соответствии с приказом ВСНХ СССР №778 от 7.02.30 г. предприятиям категорически запрещается покупать у иностранных монтеров инструмент; этот инструмент, будучи ввезенным в пределы СССР, как правило, должен быть им вывезен обратно за границу. В случае

действительной необходимости, при условии отсутствия изготовить инструмент в СССР Тресты обязаны предоставить спецификацию по таковой в Импортное Бюро Главной Конторы УГЛЕСНАБА Союзугля для получения соответствующего разрешения Главков.

Инструмент, закупленный у монтеров, без разрешения, оплачиваться не будет и лица, допустившие нарушение указанного постановления, будут привлечены к ответственности.

12. *В целях правильного использования иностранных монтеров, наблюдение за бытовыми условиями, ведение отчетности, прибытием, выбытием и вообще по всем вопросам, связанным с пребыванием иностранного монтера в тресте предлагается в 3-х дневный срок со дня получения настоящей инструкции выделить ответственное лицо, на которое можно возложить все обязанности, сообщив немедленно фамилию УГЛЕСНАБУ Союзугля» [4].*

19 августа 1930 г. Всесоюзным государственным объединением «Союзуголь» Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ) СССР, под грифом «Секретно», рудоуправлениям и шахтоуправлениям, был отправлен документ «**Основные условия найма иностранных рабочих**», подписанный заместителем председателя правления Чубаровым и заведующим Иностранным отделом Люшковым:

«Специальных договоров с приглашаемыми из-за границы рабочим хозяйственные органы не заключают, условия их работы и оплата их труда регулируется законодательством СССР (законоположением о труде и социальном страховании, коллективным договором и правилами внутреннего распорядка, на общих основаниях с рабочими – гражданами СССР).

2. *Приглашаемому иностранному рабочему возмещаются расходы по проезду его из-за границы с оплатой стоимости железнодорожных билетов в 3-м классе как для него и членов его семьи (жена и дети); провоз багажа (домашних вещей весом 80 кг для самого рабочего и 40 кг на каждого члена семьи, а также выплата ему суточных с момента выезда из заграницы до прибытия к месту работы из расчета 1/30 рубля в день (средней месячный заработок, деленный на 30). Провоз инструмента, находящегося при рабочем, оплачивается нанимателем по фактической стоимости.*

Приглашаемому рабочему по прибытии его в СССР выдается подъемное пособие в размере месячного оклада в советских деньгах, которые не могут быть переведены за границу.

Расходы по возвращению иностранного рабочего на родину выплачиваются нанимателем только в том случае, если он проработал на представленной ему в СССР работе не менее одного года и отъезд его состоялся не позднее месяца по истечении годовичного срока, а также в том случае, если он был вызван болезнью или он же он уволен нанимателем.

Часть заработка иностранного рабочего в пределах, не превышающих максимум третьей части, в случае, если семья приглашенного осталась за границей, 15% этого заработка, если его семья переехала в СССР, может быть по желанию рабочего переведена за границу. Перевод этот может быть осуществлен ежемесячно (равными долями за несколько проработанных месяцев или при возвращении иностранного рабочего за границу).

Приглашаемому иностранному рабочему работодателем предоставляется жилое помещение в виде отдельной комнаты. Приглашавшимся на постоянную работу и прибывавшим в СССР с семьей рабочим, наниматели предоставляют помещение в одну – две комнаты.

Оплата предоставленного иностранному рабочему помещения и коммунальных услуг, которыми он пользовался, производится иностранным рабочим на равных основаниях с рабочими гражданами СССР по существующим нормам.

В тех случаях, когда на предприятии, где иностранный работник работал, помещение и коммунальные услуги представлялись гражданам СССР за счет предприятия, эти условия распространялись и на иностранцев. Налоги с иностранного работника оплачивались нанимателем за его счет (то есть – за счет работника).

Наниматель имел право переводить иностранного рабочего из одного предприятия на другое на ту же работу [5].

22 июля 1930 г. в приказе управления «Уголь» №199, и в постановлении правления «Союзугля» №246 от 2 августа 1930 г. были «даны установки по вопросу использования инорабочих и созданию им бытовых условий, как свидетельствуют документы, которые на местах выполнялись бюрократически формально».

26 августа 1930 г. председатель правления «Уголь» Шварц «на основании директивы вышестоящих органов» (как указано в документе) совершил «секретную поездку», с целью установления «безобразий по набору, использованию и обслуживанию иностранных рабочих». Анализ результатов собранных материалов 9 сентября 1930 г. был разослан всем рудничным управлениям и районным комитетам партии для принятия решительных мер.

Вот что он писал: «... я распорядился гарантировать подъемные и месячные оклады инорабочим в 150 руб. Вместо того, чтобы использовать этот момент для ликвидации конфликтов по поводу зарплаты и для перестройки работы инорабочих так, чтобы подвести соответствующую выработку под эту гарантию, создать для этой недифференцированной оплаты артели и поднять труддисциплину решительной борьбой самих инорабочих с прогульщиками и негодным к труду элементом, - работа ведется по-старинке, не везде гарантированная оплата, а выработка составляет в среднем не более 30%. В результате места дискредитируют такой постановкой те цели, для которых привлечены иностранные рабочие

(увеличение постоянных кадров и проведение лучших способов работы) и способствуют срыву всей нашей тарифной политики.

Возьмем бытовые условия. Подготовка и обстановка квартир имеет решающее значение для создания постоянных кадров квалифицированных инорабочих. С отливом инорабочих который идет за счет больных, летунов и холостяков, мы имеем ряд заявлений от инорабочих о вызове их семей; однако на местах преступно бездействуют в части подготовки квартир для семейных.

Шахтоуправление имени Свердлова сообщает, что квартир для иждивенцев не строит. В остальных местах либо не заканчивают начатых домов, либо до сих пор не подготовили обстановки.

Я распорядился расследовать факты неподготовленности квартир для инорабочих и иждивенцев на Свердловке и виновных отдать под суд.

Между прочим, указанное положение на местах уже дало результаты. Мы вынуждены были отложить приезд иждивенцев на начало октября и стоим перед угрозой, что если семьи рабочих останутся за границей, мы вынуждены будет тратить ограниченные средства государства по инвалюте на содержание семей.

Партия дала строжайшую установку во что бы то ни стало акклиматизировать квалифицированных иностранных рабочих, однако на местах вместо того, чтобы создать условия для прибывших товарищей, стараются освободиться от них. На Свердловкешахтоуправляющий по малейшему поводу отправляет рабочих обратно и ищет случая как-бы перевести их на Американку. На Американке главный инженер вначале требовал 400 человек, а теперь, потеряв веру в использование инорабочих, требует забрать тех, которые работают.

Предлагаю покончить с подобным безобразным отношением к серьезнейшему и ответственному участку работы. Требую от шахтоуправляющих и главных инженеров под личную ответственность:

1) Немедленно перестроить методы работы инорабочих, создав наилучшие производственный условия, обеспечив техническое руководство ими энергичным знающим дело техником.

2) Провести гарантию в 150 р. в месяц, подводя организованно под эту гарантию соответствующую выработку; иметь в виду, что работа эта имеет весьма серьезное значение для нашей тарифной политики;

3) Совместно с представителями Тех Управления (ИНО) и профсоюзами выявить всех тех лиц, которые не приспособлены к труду как по своей квалификации, так и своим физическим недостаткам и во второй половине сентября обратно возвратить;

4) Безоговорочно подготовить в сентябре м-це квартиры и обстановку для инорабочих и иждивенцев;

5) Немедленно наладить обучение взрослых русскому языку и нормальное обучение детей инорабочих.

б) Решительно привлекать к ответственности всех тех, кто нарушают или не выполняют директивы Правления по использованию и обслуживанию иноробочих. А силу директив должны получить полную поддержку в этой работе со стороны партийных и профорганизаций; поэтому требуйте поддержки на местах.

Предупреждаю, что буду привлекать к строжайшей ответственности лиц, срывающих дело использования иноробочих» [6].

7 октября 1930 г. объединение «Уголь» (Харьков) отправило в шахтоуправления, где работали иностранные рабочие, шахтным и районным комитетам партии, ЦК КП Украины, Московскому областному комитету партии, Народному комиссариату Рабоче-крестьянской инспекции Украины и РСФСР, ИНО ВСНХ СССР, ЦК горняков и ВКУ горняков **«Письмо о недостатках в организации и обеспечении немецких рабочих, работающих на шахтах Американка, Брянка, Ирмино, им. Артема, Щекина»**, в котором, в частности, говорилось:

«Шахта им. Сталина – Американка (Донбасантрацит)».

Вопреки мнениям бывшего руководителя ш. Американка тов. Бондаренко и гл. инж. тов. Ровенского, что немецкие рабочие не дадут никакого производственного эффекта и что их следует убрать, мы в настоящее время уже имеем большие производственные достижения. Немецкие рабочие дают 110% норм выработки и получив за это до 20% премии, они уже полностью покрывают гарантийный минимум. Однако и тут немецкие рабочие жалуются на то, что единоначалие не соблюдается. Много начальствующих и бездействующих лиц, которые мешают работе особенно на поверхности, где требуют на каждую мелочь много записок, даются противоречивые распоряжения.

Немецкие рабочие дают много технических предложений по рационализации – изменение крепления, что даст до 50% экономии леса и рабочих рук, изменение конвейера, что даст 10% больше доставки, работа в квершлагае отбойным молотком, что даст экономию в динамите и в количестве продукции. Однако, очень медленно и с большими трудностями админ.- технич. персонал раскачивается, – до сих пор не могут достать пил и привычных для немцев топоров.

Немецкие рабочие обращают внимание на то, что в шахтах нет аптек и медикаментов, поэтому при незначительных ранениях рабочие остаются без помощи и напрасно делают прогулы. Как например указывают, что для точки топоров работают специальные точильщики вручную, коих можно заменить устройством приводного ремня от моторчика к точилу. Их предложение принято, но не приводится в жизнь.

Немецкие рабочие просят ускорить окончание постройки бань, иначе осенью и зимой немецкие рабочие не привыкшие к нашим погодам будут болеть. Кстати, немецкие рабочие считают, что необходимо заменить ящики для хранения вещей введением блоков, что гораздо дешевле и гигиеничнее. По

мнению немецких рабочих необходимо заменить табеля системой номерков, что уменьшит количество лишних приписок и сэкономит средств.

По Брянке.

Производительность инорабочего растет, но вследствие нехватки 13 квалифицированных рабочих, она не достигла еще достаточных размеров. После отъезда 6 рабочих, пытавшихся разлагать инорабочих (Франс Готлиб, Густав Циммерман и др.), наступило заметное спокойствие. Предложения инорабочих также встречают препятствия, что и на Американке со стороны админ-тех персонала. Квартыры для иждивенцев инорабочих подготавливаются, но слабо. Профсоюз не работает.

Ирмино – УНШ Шахтострой.

Шахтоуправление проявляет безразличие к использованию инорабочих, несмотря на то, что группа работающих на Ирминоинорабочих очень хорошо настроена. Благодаря вышеизложенному не удастся бороться с ликвидацией тех неполадок, что не дает возможности выполнять норму соответствующей гарантированной оплате. Профорганизации бездействуют, как и везде. В соответствии с директивами ЦК Украины о концентрации немецких рабочих, следует считать целесообразным Ирминскую группу в 12 человек расформировать, тогда из 7 угольных рабочих можно будет перевести на Брянку, 5 проходчиков – на Американку.

Шу Свердловка – шахта Войкова.

Использования инорабочих в этом шахтоуправлении нецелесообразно, так как нельзя создать тех условия.

Среди инорабочих есть некоторая часть, которая не желает работать, пьянствует. Этим 10 человек. Придется рассчитать. Остальных целесообразно распределить на Брянке, часть – на Американке.

Шахта Юный коммунар.

Немецкие рабочие очень организованы (50% коммунистов).

Имеются значительные достижения на пр-ве. Адм.-тех. персонал косно относится к ним: жилища для семей их снабжение – водой и др. бытовых условий не налажено. Возник конфликт с инорабочими по расчетам на кормление, то есть с них требуют значительные суммы, благодаря той бесхозяйственности, которая проводилась кооперативом и организациями (кормились в столовых различные лица, кроме инорабочих). Шахтоуправление ведет разговор по установлению гарантии для инорабочих, в связи с отъездом прогульчиков и пьяниц и др. элементов, разлагавших рабочих. Профсоюз бездействует.

Гришино – Центральный рудник.

Производственный энтузиазм немецких рабочих очень большой. Имеются случаи премирования за рационализацию. Постепенно админ.-тех. персонал и русские рабочие прибегнут к помощи инорабочих. Все еще не созданы производственные условия особенно в части инструментов, слабо идет подготовка квартир для иждивенцев.

После постановления ЦК Украины от 7 сентября приняты мероприятия п/орг-ям на местах дали заметные улучшения в использовании и обслуживании рабочих на Украине. Но на сегодняшний день плохо обстоит по использованию и обслуживанию инорбочих на шахтоуправлениях... » [7].

31 августа 1930 г. Сектор иностранной политики ВСНХ циркулярно (за №270120) уведомлял руководство угольных трестов Севкауголь, Луганскуголь, Сталинуголь, Артемуголь, Москвауголь, Донбассантрацит, Шахтострой «что таможенные организации сообщают ряд случаев, когда наши соворганы при возвращении иноспециалистов, монтировавших оборудование, невнимательно относятся к регулированию вопросов, связанных с вывозом валюты, а главное не информирует иностранцев о действующих у нас валютных правилах.

В результате этого имеютя случаи, когда иностранцам перед отъездом выдается на заграничную дорогу советская валюта, или когда иностранцы при выезде предъявляют инвалюту, на вывоз которой они потеряли право в силу пребывания в СССР свыше одного месяца.

Естественно, что в таких случаях таможни, на основании существующих законов, не разрешают вывоза, что вызывает вполне справедливые нарекания иностранцев, тем более, что по единодушному заявлению их, администрация заводов, где они работали, заверяли их, что де о таких пустяках не стоит беспокоиться. Во избежание, могущих повториться впредь досадных и ненужных нареканий, предлагается Вам дать свои директивы входящим в В/объединения пользующихся услугами иностран. специалистов, о необходимости заблаговременно перед отъездом их из СССР оформлять вывоз валюты.

Пользуясь случаем, вновь подтверждаем о необходимости строго удерживаться распоряжения ВСНХ СССР №778 от 7.02 о запрещении закупать и оставлять монтажный инструмент, проверенный специалистами иностранных фирм.

За последнее время вновь зарегистрировано несколько случаев неисполнения этого приказа и инструмент оставляется трестам. Мы еще раз предупреждаем, что подобные случаи будут строго расследоваться и виновные привлекаться к ответственности [8].

СССР ВСНХ СССР уведомлял все шахтоуправления и представителя Каменноугольной промышленности в г. Берлине:

«Опыт нашей работы по приглашению иноспециалистов показал, что мы часто получаем недостаточную квалификацию и недобросовестно относящихся к выполнению работы иноспециалистов.

Во избежание этого, мы считаем нецелесообразным, при приглашении иноспециалистов воспользоваться рекомендациями, уже работавших у нас специалистов, хорошо зарекомендовавших себя на производстве.

Поэтому предлагаем Вам сообщить нам фамилии проверенных Вами на работе иноспециалистов. Одновременно предлагаем этих специалистов

рекомендовать нам своих коллег, знакомых им по совместной работе за границей. В этих рекомендациях должны быть точно указаны специальность, стаж и адрес этих лиц.

Рекомендации илите в ИНО «Угля» в Харьков.

Желательно, чтобы наши иноспецы написали свои письма, с указанием, чтобы последние обратились с заявлением в н/техбюро в Берлине: W62 Rurfursstrasse 114[9].

12 сентября 1930 г. по указанию начальника Иностранного отдела управления «Уголь» в адреса 28-ми трестов и шахтоуправлений Люшкова был отправлен циркуляр такого содержания:

«Наблюдаются случаи, когда иноспециалисты уезжая из шахтоуправлений в отпуск за границу являются в ИНО УГЛЯ в Харькове без всякого предупреждения со стороны Шахтоуправления.

Ввиду того, что время отпуска у всех строго ограничено, а оформление полученной визы на выезд и получение разрешения ОВО НКФ СССР на покупку и вывоз валюты отнимает не менее 2 – 3 суток, такая задержка иноспециалистов в Харькове вызывает справедливые нарекания со стороны этих иноспециалистов, а также вызывает лишние расходы и право со стороны этих иноспециалистов требовать продления отпуска.

Ввиду всего вышеизложенного предлагаем Вам:

1) Оформлять полученные визы на выезд из СССР на месте, с тем, чтобы в Харькове нужно было получать только польскую пропускную визу.

2) Впредь телеграфно уведомлять ИНО Угля фамилии и количество отъезжающих не позже, чем за 3 дня о выезде иноспециалиста за границу, а также членов семьи, едущих с ним, для того, чтобы обеспечить нам возможность получить разрешение ОВС на покупку и вывоз валюты, без задержки отъезжающих в отпуск [10].

19 сентября 1930 г. председатель правления Уголь, под грифом «Секретно» (№190/с), отправил руководству районных управлений и шахт очередное указание об использовании иностранных специалистов.

«Из материалов обследования на местах видно, что использование иноспециалистов поставлено из рук вон плохо. В результате в большинстве случаев мы тратим зря крайне ограниченные валютные средства. С этим делом требую покончить решительно и навсегда.

Предлагаю:

- 1. Главному инженеру шахтоуправления руководить непосредственно использованием иноспециалистов.*
- 2. На шахтоуправлениях, где работают иноспециалисты, возложить на определенное лицо ответственность за использование их. Эти лица должны озаботиться, в первую очередь, насчет определенных производственных задач иноспециалистам, ознакомлением их с промфинпланом, и прочими условиями этого участка работы, где они используются. Кроме того, эти лица должны получать копии отчетов о работе иноспециалистов.*

3. В течение одного – двух месяцев пребывания иноспециалистов уже иметь характеристики их на предмет оставления или откомандирования обратно.
4. После испытательного срока неустанно следить за работой, причем если иноспециалист манкирует работой, фиксировать это в актах на предмет увольнения за невыполнение договора.
5. Райуправлениям поручить определенному лицу следить за правильным использованием иноспециалистов и инорабочих. В декадный срок предусмотреть размещение работающих иноспециалистов и план на 1930/31 год на предмет концентрации их на соответствующих участках (не более двух шахтоуправлений в районе), где можно наилучше использовать иноспециалистов.
6. Всякое проявление с чьей-бы то ни было стороны дискредитирования или враждебного отношения к иноспециалистам. немедленно пресекать в корне и виновных привлекать к ответственности.
7. Предупреждаю, что за невыполнение директив Правления по использованию и созданию условий для иноспециалистов буду привлекать к строжайшей ответственности. Все директивы должны быть выполнены под ответственность Шахтоуправляющего и Главного Инженера Шахтоуправления»

*Предправления объединения Уголь
Верно (подпись) [11].*

Цитируемые выше документы свидетельствуют о том, в к 1930-му году в угольной промышленности сложилась устойчивая бюрократическая система.

Сегодня очень сложно, без наличия дополнительной полноценной документальной базы, сделать однозначные выводы по этой проблеме. Но можно предположить, что проведенные в 1928 г. и 1931 гг. открытые показательные судебные процессы «Шахтинское дело» и «Дело Промпартии» вполне могли быть, кроме иных причин, реакцией властей на подобные бюрократические явления и позволяли воспринимать деятельность определенных руководящих партийных и хозяйственных работников (в отношении, в том числе иностранных специалистов и рабочих), как акты саботажа и вредительства. Нельзя, вероятно, забывать и о том, что многие «фигуранты» указанных процессов были по производственной линии тесно связаны с Донбассом.

Ссылки и примечания:

1. См: Белоусова О.А. Иностраные рабочие на Кузнецком металлургическом комбинате (1929 – 1939 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 «Отечественная история»: Томск, 2004; Богданов А.В. Иностраные рабочие и специалисты на предприятиях Челябинска и Магнитогорска (1929 – 1933 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 «Отечественная история»: Челябинск, 2011; Павлова В. В. – Повседневность и быт

- иностранных рабочих и специалистов в Союзе ССР (конец 1920-х – 30-е годы) // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. – С. 873-878; Богданов А.В. Социально-бытовые условия и организация питания иностранных специалистов на заводах Урала в годы первой пятилетки /; Он же // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2010. – №28 (204). – Серия «Социально-гуманитарные науки». Выпуск 15. – С. 15–18; Он же. – Повседневность иностранных рабочих и специалистов на заводах Урала в 1930-е годы / // Научный поиск: материалы первой научной конференция аспирантов и докторантов. Социально-гуманитарные и естественные науки. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2009. – С. 127–131; Он же. Условия труда и быта иностранных рабочих и специалистов Урала в 1930-е годы (на материалах ЧТЗ и ММК) / Человек и исторический процесс: институты, культура, повседневность: материалы научной конференции 25 февраля 2010 г. – Челябинск: Цицеро, 2010. – С. 20–23; Он же. Взаимоотношения советских и иностранных рабочих и специалистов на производстве 1930-х гг. (на материалах ЧТЗ и ММК) // Наука ЮУрГУ: материалы 62-й научной конференции. Секция естественнонаучных и гуманитарных наук. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. – С. 29–33; Он же. Социально-культурная характеристика иностранных специалистов в 1929–1933 гг. (на материалах завода Урала) // Научный поиск: материалы второй научной конференция аспирантов и докторантов. Социально-гуманитарные и естественные науки. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2010. – С. 42–46; Он же. Условия жизни иностранных рабочих в Челябинске и Магнитогорске в годы первой пятилетки // Гуманитарные и социальные науки. Межвузовский сборник научных трудов. – Выпуск 7. – Магнитогорск: ГОУ ВПО «МГТУ», 2011. -С.8–11 и пр.
2. Гнітько С.П. Інженерно-технічна інтелігенція Донбасу в 1920- на початку 1930-х років. - Автореф. дис... канд. істор наук. 07.00.01 – історія України. -/Світлана Петрівна Гнітько.- К.: Інститут історії України НАН України, 1996.- 25 с.; Она же.- Становище інженерно-технічної інтелігенції Донбасу у 30-ті роки // Сторінки історії. Бюлетень Асоціації істориків Вищої школі України.- Киев: КПІ, 1993.- С.50-57; Струченков О.В. Іноземні спеціалісти в Донбасі за доби радянської модернізації 1920–1930-х років / Олександр Вікторович Струченков // Нові сторінки історії Донбасу: зб. наук. статей. — Донецьк : ДонНУ, 2008— Кн. 19. — С. 178– 192; Его же: Інженерно-технічна інтелігенція Донбасу (кінець 1920—х – 1930-ті роки: формування, умови життя, діяльність: автореф. дис. ... канд.іст. наук: спец 07.00.01.- «Історія України» /Олександр Вікторович Струченков; ДонНУ. - Донецьк, 2008.- 20 с.
  3. Государственный архив Донецкой Народной Республики (ГА ДНР). - Ф.Р-1471, оп.1, д.2, л. 20-21. (Выделенное здесь и далее курсивом воспроизводится по оригиналу документа, с небольшими сокращениями, не влияющими на его содержание).

4. Там же.
5. Там же. - Л.87 – 88
6. Там же. – Л.49-49 об.
7. Там же. – Л.40 – 41.
8. Там же. – Л.44
9. Там же. – Л.13
10. Там же. - Л. 53
11. Там же. - Л.48

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

МЕЖДУНАРОДНОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО – ПРАВОВОЙ РЫЧАГ ХАОСА

Дамьен Вигье (Damien Viguier),
кандидат юридических наук, адвокат (Франция)

Аннотация

Автор рассматривает, как западные правительства извращают и нарушают международное уголовное право ради достижения своих геополитических целей. Доказывается, что механизмы, традиционно ограничивавшие наносимый войнами ущерб, систематически разрушаются, в первую очередь, американским руководством, заинтересованным в дестабилизации ряда стран мира. Разоблачаются двойные стандарты западных политических лидеров.

Ключевые слова: международное уголовное право, война, Сирия, Украина, «новый мировой порядок».

Summary

The author examines how the Western governments distort and violate international criminal law in order to achieve their geopolitical goals. It is proven that mechanisms which traditionally limited damage caused by wars are being systematically undermined by the American leadership in the first place, which is interested in destabilizing a number of countries of the world. The double standards of Western political leaders are exposed.

Keywords: international criminal law, war, Syria, Ukraine, “the new world order”.

Наше понимание происходящего в Сирии конфликта может быть только поверхностным, если при его анализе не учитывать базовых данных относящихся к этому конфликту и ко всем другим, которые отражали стремление построения Нового мирового порядка. Эти фундаментальные данные – правовой международный контекст современности. Чтобы его понять, необходимо нужно исходить из двойного постулата, по поводу которого необходимо прийти к соглашению, прежде чем продвигаться дальше в наших рассуждениях: что с XVI по XX век в классической Европе существовало международное право, основанное на суверенитете государств. Об этом писали многие, в том числе Руссо, который настаивал на связи его появления с христианством, и Гегель [1]. Но, этот международный порядок в прошлом, он рухнул. Возникло новое право, которое сейчас свирепствует в Сирии. Идеология именно этого права доминирует сейчас в мире. Но это новое право еще нуждается в осколках прежнего классического международного права:

поскольку это совершенно отличное от старого новое международное право является лишь подрывом основ прежнего права. Во Франции, как и везде на Западе, элиты удовлетворились внешним правовым совершенством межгосударственного европейского права. Но им не хватило политического здравого смысла. Они предполагали, что гуманистические ценности и их христианские корни, лежащие в основе естественного порядка вещей, признаются всеми. В чем же они ошибались? Этот порядок породил новое универсалистское европейское буржуазное общество, защитил его и взрастил в своей ограде, став одним из его важных производных, не отдавая себе отчета в том, что таким образом и был заложен механизм его будущего разложения. В действительности универсализм, враг многополярного мира сумел проникнуть в тайны старого международного права. Универсализм добрался до тайн старого права, воспользовавшись дряхлостью его традиционных хранителей. Гуманистические ценности христианского происхождения, сформировавшие основные моральные принципы европейского права, были холодно проанализированы и прекрасно поняты. Именно они и стали рычагом для подрыва того порядка, который некогда скреплял. Сторонники нового мирового порядка объявили себя наиболее пылкими, а затем и единственными защитниками ценностей и принципов гуманизма. Именно под знамена прав человека, мира и свободы эти узурпаторы смогли привлечь самых лучших и искренних представителей старого правового порядка.

Конечно, некоторые возмущались цинизмом, с которым, оказывается, можно убивать и грабить во имя свободы. Но как они могли отвергать принципы, которых придерживались до того, как эти принципы были у них украдены? Это требовало сложного разбора и критики. Хуже того, большинство жертв нового порядка вещей очень часто первыми подтверждают, признают и продвигают во имя ложно понятых ценностей, инструменты, которые потом будут использоваться против них. Не похоже ли это на хитрость мошенника, выманивающего у жертвы вещь, которую он хочет заполучить? Именно так происходит в Сирии и в других местах, например, на Донбассе. К сожалению, путаница столь велика, а наивность и легковерие масс, и растворившихся в них юристов столь беспредельны, что именно жертвы доминирования, и иногда даже жертвы, выигрывающие на поле боя (и дорого заплатившие за свои победы) являются лучшими гарантами для идеологических инструментов от которых они, сами того не зная, страдают.

Нет ни одного правила Нового мирового порядка, которое, в своем применении и интерпретации не было бы обманным путем привязано к общим принципам, которые разделяет весь цивилизованный мир. В нашем докладе мы попытаемся это доказать. В первой серии случаев, касающихся собственно войны, вещи достаточно ясны: прежние правила были просто – на просто отменены. Речь идет о понятии «преступление против мира». Во второй серии случаев прежние правила хотя и сохранились, но они явно искажены для достижения совершенно иных целей, чем те, для которых они создавались. Это

наблюдается в отношении понятий «военного преступления» и «признания» (II). И только на третьем этапе с «преступлением против человечества» и «терроризмом», которые связывают воедино всю эту систему, появляются первые действительно новые правила, несущие конструкции нового порядка (III). В заключение мы скажем несколько слов об уголовном процессе, правила ведения которого были полностью искажены (IV).

Прежние отмененные правила

Речь идет об отмене войны. Именно так. Война как институт международного права была запрещена, и с ней исчезло огромное количество неизбежно связанных с ней учреждений, задачей которых было держать ее в определенных рамках. Заявленная как самое главное достижение истории человечества, эта реформа была осуществлена во имя тех же самых ценностей «мира» и «человечности», на которых когда-то и было основано военное право. Но считалось, что теперь эти ценности будут защищены гораздо лучше.

Все согласны с тем, что в войне есть нечто ужасное. Прежнее международное право смогло поставить для войны определенные рамки, что никак не уменьшало ее ужасов, ограничивая их размах. Субъекты права, начинавшие военные действия, взаимно признавали за собой такое право *ius belli*, и делали это через объявление войны. Война завершалась мирным договором. Например, именно так, силой оружия, становилась возможной аннексия территории. Все же это был прогресс, поскольку такой подход позволял запретить гражданским лицам вмешиваться в войну, а военным – нападать на гражданское население.

Новый порядок здесь все делает строго наоборот по отношению к прежнему. Прежний правовой порядок покоился на различии между войной и миром, а новый порядок запрещает войну как правовую категорию. Война становится преступлением, преступлением против мира (см. Пакт Бриана – Келлога 1928-1929, Устав ООН 1945 г., Нюрнбергский процесс 1946 г.), и, вместе с этим, возможностью для завоеваний, аннексии и оккупации. Это изменение было воспринято большинством наших современников как большой шаг вперед, и никому в настоящее время не придет в голову отказаться от него. А представить себе обратное, приравнивается, чуть ли не к правонарушению. И все это во имя всеобщего и постоянного мира.

В действительности, это не препятствует настоящим агрессивным войнам, выражающимся в экономических санкциях, в эмбарго, в экстерриториальных законах, в политической дестабилизации общества, в том случае, когда речь не идет о прямых военных операциях, которые оправдываются проведением в жизнь моральных или правовых решений, имеющих международную ценность. Столько мер, похожих на войну-преступление! Ведь эти меры нацелены, в первую очередь, против гражданского населения. Этот новый мировой порядок вручил монополию на применение законного насилия нациям, имеющим превосходство в экономике и в средствах массовой информации, позволяющее им использовать подобные бесчеловечные способы [2].

В действительности война превращается в процесс. Нужен первоначальный приговор, или, как минимум, начало судебного преследования для того, чтобы начать военные действия, и, чтобы их закончить, нужен завершающий приговор. Поскольку начинать войны запрещено, то и заканчивать их также запрещается. Мирный договор, бывший в старину залогом восстановления гражданского порядка, стал, начиная с 1918 г. (и даже в 1946 г.), смертным приговором: ведь с преступниками мира не заключают.

Именно эта логика проявляет себя в Сирии, так же как раньше она же применялась в Ливии и в Ираке. Огромным шагом вперед стало бы, если бы мой читатель поверил мне, и перестал бы по поводу каждого конфликта попадаться в сети обмана.

Прежние правила, применяемые наоборот

По поводу «военных преступлений» можно констатировать, что если тем, кто борется за внедрение нового права, и случается использовать некоторые ключевые учреждения прежнего права, то они это делают так, чтобы извратить их первоначальные цели и добиться от них строго противоположного результата, чем тот, ради которого они были созданы. Тот же феномен наблюдается с признанием мятежников. Таким образом, прежние принципы военного права утверждаются с еще большей силой как мировым агрессором, так и его первыми жертвами, но под прикрытием этого внешнего консерватизма прежнее право заблокировано изнутри и разрушено. Шмитт сделал замечание по этому поводу в 1963 г. в предисловии к «Понятию политики» (*La notion de politique*): они (некоторые профессиональные юристы) видят лишь традиционные и классические понятия войны в формах, используемых как оружие в войне революционной, без какого-либо обещания взаимности» [3]. Под видом старых принципов продвигаются вперед новые правила ведения конфликта, призванные оправдать одностороннюю монополию законной агрессии – именно то, против чего и боролось прежнее право. Этот процесс крайне порочен тем, что удалось добиться его приятия и одобрения со стороны слепцов, которые и являются его первыми жертвами. Именно это демонстрирует подрыв понятий о «признании» и «военном преступлении».

а) *Признание*. – Признание было важным элементом прежнего порядка. Для того, чтобы поставить конфликт в рамки правил, требовалось, чтобы воюющие стороны взаимно признали друг друга и как противники, и как государства. Международному сообществу прежнего порядка были знакомы критические периоды в случаях правопреемства правительств, отделения части территории, распада стран или гражданской войны. Право не игнорировало эти крайние случаи, моменты, когда военное право было особенно необходимо. Поэтому и было введено признание, как со стороны нейтральных стран, так и для каждой из воюющих сторон, с единственной целью уберечь от проблем гражданское население и защитить раненых, пленных или больных воинов.

На деле в наши дни признание, напротив, используется для увеличения хаоса. Уже в 2011 г. Франция поспешила признать псевдоправительство сирийских мятежников, *с единственной целью спровоцировать волнения в этой стране* [4]. Это меняло статус усилий сирийского правительства по борьбе с агрессией, координировавшей убийства, разрушения, политическую и религиозную пропаганду. Из полицейских операций и операций по поддержанию порядка они превращались в военные действия, попадающие под Женевские конвенции. А как соблюдать законы и обычаи войны в борьбе с противником, который их не соблюдает? В действительности, признание мятежного правительства сопровождалось также отказом в признании правительства существующего, а от главы государства, возглавлявшего это правительство, потребовали покинуть Сирию. Напротив, на Донбассе, где Донецкая и Луганская Народные Республики поддерживают общественный порядок и защищаются силами армий, воюющих в военной форме, подчиненных командованию и открыто носящих оружие, в признании было отказано, и все это затем, чтобы продолжать обращаться с правительствами и населением республик как с террористами и преступниками.

б) *Военное преступление*. То, как используется категория «военного преступления», является еще одним примером того поведения, которое, к сожалению, проходит незамеченным. Как мне уже случалось напоминать, это понятие было важнейшим в прежнем правовом порядке. Врага нужно уважать. В том числе, вернее, начиная с фазы военных действий. Это означает, что нельзя считать его виной раны или смерть, которые он несет сражающимся в стане противника. Это предполагает, что сражающиеся стороны соблюдают, согласно законам и обычаям ведения войны, пространственные и временные границы поля военных операций и состав их участников. Комбатант, воюющий вдали от театра военных операций, теряет свой статус героя и переходит в сферу преступности. Нанесение комбатантом ущерба раненому или больному комбатанту, пленнику, или, хуже того, детям, женщинам и старикам попадает под квалификацию военного преступления. Должное использование этого правила регулируется внутренней военной дисциплиной армий и военно-полевые суды (трибуналы) по одну и по другую сторону фронта.

В то время как в случае Сирии мы увидели, как международные агрессоры, напавшие на Сирию, говорили о военных преступлениях, «совершенных режимом Башара». Речь идет об опасном использовании этого понятия, имеющего смысл только в случае, когда воюющие стороны взаимно признали друг друга таковыми. Таким образом, как и в случае с «признанием», имеет место извращение понятий военного права, но здесь это делается с еще более преступной целью, поскольку агрессоры, в отношении которых сирийских военных и руководителя сирийского государства обвиняют в военных преступлениях, непрестанно атакуют гражданское население, нонкомбатантов, женщин, детей и стариков, грабя, насилуя, слепо уничтожая жилье и инфраструктуру. Но также ошибаются и те, кто, чтобы защититься в правовом

отношении Сирийское государство, в свою очередь, используют категорию военного преступления для обозначения действий агрессора против Сирии. Поскольку, повторим еще раз, военные преступления могут совершаться только комбатантом, подчиненным военному командованию, созданному легитимной властью. Тогда как в Сирии реальное командование скрыто, власти действуют не напрямую, претендуя всего лишь поддерживать народное восстание против угнетения со стороны не пользующегося поддержкой режима. Таким образом, террорист, правовая квалификация действий которого ставит его в затруднительное положение, очень быстро оказывается «партизаном», участником Соппротивления.

Новые правила

а) *Преступление против человечества* – Последняя глубина падения была достигнута с введением новых категорий «преступления против человечества» и «терроризма». Принципы права были заблокированы изнутри и включены в чуждую систему, чтобы создавать эффект, противоположный первоначальному. Никто не смог бы защитить правительство и армию, использующих силу против безоружного гражданского населения, применяющих к нему специальный режим жестких ограничений свобод передвижения и слова, с целью преследовать это население, перемещать или, хуже того, истреблять его. Прежнее международное право было основано на запрещении подобных действий. Еще Руссо писал где-то, что христианство сделало современные правительства менее кровавыми [5]. Однако, новый порядок, со времен Нюрнберга, сделал это ощутимым через обвинение в «преступлении против человечества», используемое для разжигания гражданских войн и объявления преступными непокорных правительств. Очень просто разоблачать политические репрессии, когда вы сами и вызвали раздоры в каком-либо государстве и спровоцировали народное восстание. Но, тем не менее, жертвы англо-саксонского империализма сами используют эту правовую категорию, чтобы обвинять Соединенные Штаты. Это проявилось во Вьетнаме. То же самое – в Сирии и на Донбассе, юристы тоже обдумывали это. Но это означало бы принести противнику победу на блюде и предать пролитую кровь.

б) *Терроризм* – Понятие «терроризм» работает в паре с понятием «преступление против человечества». Но терроризм – более сложное понятие. Наивно используя это слово, еще никто не смог бы оправдать разрушения без конкретной цели, организованные из-под тишка, убийство гражданских лиц, и террор, которому подвергают мирное население. Повторим еще раз – прежнее международное право решительно боролось с подобными явлениями. Однако, уже теперь можно заметить двойственный и обратимый характер этого понятия. Говоря об участнике Соппротивления, никто также не будет стремиться отрицать героизм населения, защищающегося от агрессии, непосредственной жертвой которой оно и является. На самом деле, в обоих случаях и юристы, и обычные люди, и руководители их стран попадают в западню, которая была для них расставлена.

Необходимо жестко утверждать, что, согласно прежнему праву, единственными приемлемыми для судебного рассмотрения категориями были «военнослужащий» и «мирный житель». Террорист – участник Сопротивления разрушает этот традиционный порядок вещей, которым он пренебрегает. Обычно, гражданское лицо, атакующее военных, является преступником с точки зрения общего права. Что до военнослужащих, преследующих гражданских лиц, то их деяния рассматривает военное уголовное право (см. выше о военных преступлениях). Именно критерии, по которым проводится это различие, и обыгрывает, в отрицательном или положительном смысле, террорист. Либо политические убеждения участника *Сопротивления* (или, как в Сирии, «умеренного повстанца») получают положительную оценку, когда мы хотим использовать их как инструмент агрессии против населения, или чтобы заклеймить тех, кто не послушался призыва к восстанию, и обвинить, а затем и приговорить за «преступления против человечества» власть за любую реакцию на подобную агрессию. Либо же *террориста* избличают как такового, чтобы оправдать угнетение населения и репрессии против него, но политическая ценность убеждений террориста все же признается, даже пусть и *негативно*. Обсуждение терроризма работает на его распространение, потому что, в принципе, достаточно разобраться с этим явлением при помощи общеуголовного права, не создавая ему рекламы.

Искажение уголовного процесса

Сколько раз я слышал как адвокаты, политические руководители или уполномоченные лица выстраивали по поводу Палестины, Сирии, Украины, Ирака или Ливии хитроумные проекты действий, или выражали надежду на подачу в некоторые международные инстанции иска, основанного на рассмотренных выше «военном преступлении» и «преступлении против человечества», например, в Международный уголовный суд, Международный суд, Комитет по правам человека, Европейский суд по правам человека, псевдо суд Русселя или псевдо Нюрнбергский суд? Не только основания, выбранные для подачи иска, но и инстанции, в которые он подавался, заранее гарантировали им политическую капитуляцию, даже если они и получили бы слабое утешение, выиграв дело.

Вне всякого сомнения, не было дано достаточно четких разъяснений о том, до какой степени уголовный процесс был важным элементом прежнего военного права. Еще раз напомним, что репрессивные меры основывались на различии между военными и гражданскими лицами. Громы и молнии юстиции без стеснения поражали представителей мирного населения, уличенных в вооруженных действиях против других гражданских лиц или против военных. Иначе придется выйти из этой категории и перейти к военным, случаи которых должны рассматриваться отдельно. Деяния представителя *дружественных* войск юстиция рассматривает, используя один непреложный критерий: подчинялся ли он командованию, созданному законными властями? Если да, то он – герой. Если нет, при тех же самых фактах, – военный преступник. Что до

представителя *вражеских* войск, то по правилам, он имел, если можно так сказать, разновидность иммунитета или привилегию неподсудности. Юстиция одной стороны военного конфликта была неправомочна судить действия противной стороны. Все усилия направлялись на то, чтобы не подливать масла в огонь, заставляя юстицию принимать сторону одного или другого из противоборствующих лагерей. Та юстиция была действительно нейтральной, и ее нейтралитет строился на запрещении всякого правосудия, претендующего на надгосударственную компетенцию. С точки зрения уголовного процесса новый мировой порядок полностью разрушил нормы старого военного права. Поскольку он их не изменил, то он их исказил. Во имя торжества права, добра и справедливости были отменены принципы правосубъектности законов и привилегии подсудности для военных и их руководителей, ради создания международных судебных инстанций или даже национальных инстанций со всемирной компетенцией. Приказ командования и законной власти больше не являются для военных оправданием. Это противоречит принципу отсутствия ответственности на исполнительском уровне, это подрывает строгую военную дисциплину, которая одна только и способна гарантировать в военное время безопасность лиц и имущества. Анри Уссе писал: «когда солдат задается вопросом, в чем состоит его долг, он весьма близко подходит к тому, чтобы следовать только своим интересам». В контексте нравственных обвинений, адресованных, на международной сцене целым государствам, это приводит к объявлению преступными самых правильных действий военных и полиции. Но в то же самое время неповиновение и сопротивление власти вменяются в обязанность.

И наконец, со времен Гомера вековой опыт предусмотрел возможность прощения, как единственного возможного выхода из гражданской войны или из конфликта, в котором обе стороны совершали недопустимые жестокости. Именно в контексте Пелопонесских войн нужно понимать «Антигону» Софокла. Король Франции Генрих IV закрыл глаза на темное прошлое Религиозных и гражданских войн и запретил кому бы то ни было снова раздувать этот пожар. Сегодня все наоборот. На Земле организуют ад во имя общего и вечного мира. Религия прощения и помилования уступила место религии беспощадной расплаты. Не только амнистия больше не используется, но и отсутствие срока давности для преступлений против человечества и долг памяти запрещают под страхом наказания забвение, являющееся условием для работы памяти.

Источник:

Viguiet Damien. Le droit pénal international, levier juridique du chaos //Civitas: revue catholique des questions politiques et sociales. Mars 2016. – № 59 « Regards croisés sur le conflit syrien». – P. 10-18.

Переработанный текст лекции, прочитанной 20 декабря 2015 г. в Ницце, совместно с супругами Антакли, и созданный до этого в ходе семинаров по

казуистике во Фрнене (Франция), опубликованный в 59 номере журнала «Цивитас» за март 2016 г.

Перевод с французского магистра права, кандидата исторических наук Прозоровой Виктории Борисовны.

Ссылки и примечания:

1. Hegel G. W. Principes de la philosophie du droit. §§ 338-339.
2. Schmitt C. La notion de politique – Théorie du partisan. Paris : Calmann – Lévy, 1972. P. 77, 128.
3. Ibid. – P. 47.
4. 17 марта 2011 г. Франция признала Национальный переходный совет единственным законным представителем ливийского народа, и 10 октября 2011 г. Ален Жюппе, исполнявший тогда должность министра иностранных дел, начинает такую же неискреннюю игру и с сирийским Национальным советом.
5. В 4-ой книге «Эмиля» Руссо уже писал что-то подобное: «Мы обязаны христианству признанием, со стороны правительства некоторых политических прав, и тем, что на войне некоторые права людей, которые человеческая природа не склонна признавать в достаточной степени были признаны ». Хуанос Донос Кортес приводит эти цитаты в §9 главы II книги I «Эссе о католицизме, либерализме и социализме».

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**ЖУРНАЛ ИСТОРИЧЕСКИХ, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИХ И
МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИЗДАНИЕ ДОНЕЦКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА,
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
№2 (58) 2016**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор – В.Н.Никольский, доктор исторических наук.

Ответственный секретарь – А. С. Бобровский, кандидат исторических наук.

Члены редколлегии: Краснонос Ю.Н., кандидат исторических наук, Кухтин М.М., кандидат политических наук, Кузнецова Е.В., кандидат политических наук, Морозов Р.Н., кандидат исторических наук, Пенькова О.Б., кандидат исторических наук, Удалова Т.М., кандидат исторических наук, Черкашин К.В., кандидат политических наук.

Технический редактор: Бобровский А.С.